

ПУЛЕМЕТЪ

ТЕКСТЪ
Н. ШЕБУЕВА.

Рисунки
И. ГРАБОВСКАГО.

Цена 10 коп

СКАЗКА О ВЕСНѢ.

Тостъ.

Лейте влагу благородную—
Нашъ застольный тостъ готовъ:
Пьемъ бокаль за жизнь свободную
Отъ тирановъ и рабовъ.
Шлемъ проклятья слабымъ, раненымъ,
Гнетомъ скомканнымъ судьбы...
Ненавистнѣй, чѣмъ тираны, намъ
Покоренные рабы!..
Презираемъ тѣхъ, кто продали
Честъ за сладость очага...

(ICU)

Что предъ нами, не свобода-ли!—
Не паденье ли врага!
Такъ не смѣть съ пути сворачивать
До завѣтнаго конца,
Малодушьемъ опорочивать
Знамя красное борца.
Надо мертвымъ пасть, не раненымъ,
Не уставшимъ отъ борьбы...
Ненавистнѣй, чѣмъ тираны намъ
Прирожденные рабы!..

Какъ не въ нашемъ-то царствѣ случилось.
Какъ не въ нашемъ государствѣ приключило-
ся. Приключилась зима лютая, трескучая. По
деревнямъ, да по селушкамъ морозъ похажи-
валъ, да по горбамъ мужицкимъ поколачивалъ.

Солучился у Царя той страны почестень
пирь. Отъ полудня пированьице шло до полу-
ночи. Отъ полуночи ликованьице шло до по-
лудня. Что не день, не два,—недѣлю цѣлую
гости сыченъ медъ, да брагу пьяную заѣдаютъ
пряникомъ печатнымъ. А на пряникъ на томъ
„цензурою дозволено“, — какъ военною
цензурой, такъ и штатскою, какъ и тою ли
цензурой драматической, да цензурою духовною
православною, да цензурою заморскою ино-
странною. Бѣлой ручкой самъ градоначальни-
чекъ написалъ: „печатать разрѣшает-
ся“. А отъ того-ли департамента медицинска-
го, что нѣтъ примѣсей вредныхъ свидѣтель-
ство дадено. А поверхъ всѣхъ цензурою при-
дворною „жушайте здоровье“ припечатано.

Гости пьютъ-ѣдятъ, разговариваютъ. Испо-
латчики вперегонышки, государя восхваляютъ
ласковость.

Хорошо поютъ исполатчики. Сразу видно,
что на жалованьи, съ наградными, да съ квар-
тирными, какъ со всѣми, значить, удобствами,
съ освѣщеніемъ электрическимъ.

А Царю въ ту пору шибко взгрустнулося.
Подошелъ онъ къ окошечку косящату и запала
ему думушка, кручинушка:

— Хорошо у меня въ царствѣ государствѣ
слова нѣтъ. Ишь какъ солнышко на чистомъ
небѣ разыгралось, ишь какъ крыши теремовъ,
да маковки соборныя, словно ризы на Владычи-
цѣ въ жемчугъ убраны. Дѣдъ сѣдой Морозъ
все сковаль вокругъ, да узоры хитро выковаль.
И какой тотъ дѣдъ добрый—ласковый, не заби-
дить и смерда послѣдняго; у него въ лацугѣ,
на стеклышкѣ тѣ-жъ узоры выводить богатыя,
что у гостя заморскаго-важнаго, у боярина
именитаго. А и думушка, беретъ кручинушка,
долго-ль это все такъ протянется. Какъ про-
челъ я вчера, на печатномъ пряникѣ, изъ-за-
тридевять земель мнѣ Царемъ Поганымъ при-
сланномъ, что Весна къ намъ въ царство соби-
рается и что будто знаетъ тотъ Царь, допод-
линно, появилась въ моихъ владѣніяхъ ласточка.
А и горе будетъ, гореваньице; не проѣхать, не
пройти люду православному ни въ царевъ ка-
бакъ, ни въ церковь Божию. Разольются рѣки—
ручьи бурные, разведетъ дороги и проселочки,
а съ тѣхъ крышъ да маволокъ соборныхъ, какъ
слеза горячая, жемчугъ скатится.

Подбѣжали тутъ къ Царю два боярина,
два дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтника. Какъ
по правую ручку всталъ: Доносъ Ивановичъ,
а по лѣвую: Недоносъ Пантелеевичъ.

— А и что тебѣ, Царь батюшка, взгрустнулося? Отъ чего такъ, Ваше Величество, закручинился?

Отвѣчаетъ Царь скорбнымъ голосомъ;

— И великъ я Царь по богатству, и силенъ я Царь по могучеству, по уму царя супротивъ меня не найти за морями-окіями. А одинъ мой врагъ посильнѣй меня и зовется онъ Весной Красною. Не въ моихъ рукахъ задержать Морозъ; не въ моихъ рукахъ отогнать Весну.

И сказалъ Доносъ свѣтъ Ивановичъ:

— Не кручинься, царь, не печалуйся. Никакой весны нѣтъ и не было. А что былъ разговоръ на Масленой: парни съ дѣвками разрядились вокругъ чучелы хороводъ вели и промежь себя Весну славили, такъ тѣ парни всѣ поизловлены, руки, ноги имъ позакрованы, а и дѣвки тѣ всѣ въ тюрьмѣ сидятъ. А допрежь того, окромя сего никакой весны нѣтъ и не было!

И промолвилъ Царь, топнувъ ножкою:

— Ахъ вы гой еси слуги вѣрные! Не о парняхъ я призадумался, не о дѣвкахъ прикручинился. Изъ-за морскихъ странъ Басурманскій Царь прислалъ пряникъ мнѣ медосахарный. А на пряникъ на печатнымъ я прочель-прочитай слово вычиталъ. И то слово мнѣ въ душу вкралось, Будто ласточка—каса-точка въ государствѣ моемъ обозначилась. Прилетѣла къ намъ Весну дѣлать.

Воспылалъ Недоносъ Пантелеевичъ:

— Набрехалъ тебѣ собака Басурманскій Царь! Насмѣялся надъ тобой Его Поганое Величество! Никакой у насъ ласточки нѣтъ и не было. Не укрылась бы она изъ нашего вѣдомства.

И сказали тутъ царю два совѣтника, какъ и тотъ-ли Доносъ съ Недоносомъ тайные:

— Не кручинься, Царь, не печалуйся. Ты скажи свое слово могучее. Прикажи, чтобъ Весны вовсе не было. И не будетъ ни Весны, ни лѣта красного. А порукою въ томъ наши головы.

Взвеселился тутъ Царь ласковый и сказалъ свое слово могучее:

— Я хочу, чтобъ Весны вовсе не было!

Заиграли снова гуслирики молодые испоплатчики. Разлилося вино монопольное. А бояринъ Доносъ свѣтъ Ивановичъ, да и тотъ-ли Недоносъ Пантелеевичъ удалились въ свои канцелярии. И послали гонцовъ во всѣ стороны. Наказали-приказали губернаторамъ: „Не пущать Весны изъ заморскихъ странъ!“ Губернаторы—исправникамъ, да и тѣмъ-ли добрымъ молодцамъ по прозванію земскимъ начальникамъ. А отъ тѣхъ изошли предписанія, волостнымъ старшинамъ-сельскимъ старостамъ:

— Прилетятъ грачи изъ заморскихъ странъ заковать ихъ въ цѣпи крѣпкія. Если ласточки бѣлогрудыя про Весну Красну щебетать начнутъ, изымать, не зная жалости, и въ тюрьму ихъ ввергнуть мрачную. Если гдѣ трава зеленѣть начнетъ, ту траву съ корнями выдергать.

Если гдѣ ручьи забунтуются, заморозить ихъ циркулярами! А коль гдѣ злой человекъ обозначится, да вздохнувъ привольно-радостно, скажетъ прочимъ зычнымъ голосомъ:

— Слава Господи, на радость намъ изъ заморскихъ странъ къ намъ Весна идетъ!

Отрубить ему буйну голову.

И по всей землѣ стономъ стонъ пошелъ.

Какъ пришелъ во снѣ къ Царю батюшкѣ (на яву придти не осмѣлился) Старичекъ сѣдой, жизни праведной.

— Ахъ ты гой еси православный Царь. Не вели казнить, вели рѣчь держать. Ты хотѣлъ все дѣлать по доброду, а вышло не по хорошему. Изъ окна твоего изъ косящата тебѣ крыши видны лишь да маковки. А что тамъ подъ ними дѣется, невдомекъ тебѣ Православный Царь. Не видать тебѣ изъ окошечка ни большихъ дорогъ, ни проселочныхъ. Не видать тебѣ, какъ сѣдой Морозъ, словно камнемъ ихъ трупомъ выложилъ. Не видать тебѣ, какъ природа вся истомилась, изстрадавшая, поджидаячи Весну Красную.

Закручинился Царь, принахмурился и въ сердцахъ хотѣлъ Старцу Божьему поперекъ сказать слово жесткое, да проснулся въ тѣ поры нечаянно. А проснувшись всталъ на рѣзвы ноженьки, подбоченилъ обѣ бѣлы ручки, подбѣжалъ къ окошечку косящату. И въ душѣ у Царя что-то сдѣлалось, что-то сталося-солучилося. И позвалъ онъ своихъ тайныхъ совѣтниковъ Недоноса Пантелеича да Доноса свѣтъ Иваныча:

— Ой вы, слуги мои, слуги вѣрные, какъ и вы ли мои тайные совѣтники. Вы велите-прикажете всѣмъ Весну встрѣчать съ хлѣбомъ-солью, съ пѣснью-пляскою.

— Не можемъ того, Ваше Величество! Во всѣ стороны свѣта Божьяго разослали мы циркулярики—соколики, чтобъ Весну сковать, въ тюрьму ввергнуть. Отъ нея я чай ничего теперь не осталось. Вся издергана-измочалена. Улыбнулся Царь тихо-ласково:

— На мой вѣкъ Весны чаю станется. Я хочу Весны. Быть по моему. Дать-подать Весну мнѣ хоть куцую.

И Весну подали куцую. Какъ съ военными положеніями, да съ погромами еврейскими, да съ погаными казаченками да и съ тою ли чернею сотнею.

И по всей землѣ стономъ стонъ пошелъ.

ЕГО ПЛАТФОРМА.

— „Мой програмный центръ—народъ,

Всѣ поддужины свободъ,—

Общая реформа.

Ну, а ваша генераль?“

На жену онъ указалъ:

— Вотъ моя платформа!

Собиновъ, бисъ!

„Въ ночь на 18-е октября истинныя улицы Петербурга были оглашены радостнымъ гимномъ. Это пѣлъ отъ избытка вѣроподданническихъ чувствъ бывший артистъ ИМПЕРАТОРСКИХъ театровъ Л. В. Собиновъ.“

„Московскія Вѣдомости“.

Ночь надъ Петрополемъ, тихая, свѣжая,
Воздухъ такъ ясенъ и чистъ.
Дворники спятъ (снится шуба медвѣжая).
Смолкнулъ полиціи свистъ.
Какъ по инструкціи, свѣше преподанной
Въ окнахъ погасли огни.
Ленечка Собиновъ шелъ вѣроподданный...
— Боже Царя храни!..

Шелъ, не спѣша, онъ походкой увѣренной,
Но не стуча каблукомъ.
Ленечка Собиновъ благонамѣренный,—
Съ тономъ хорошимъ знакомъ.
Вдругъ онъ замѣтилъ трехцвѣтныя полосы.
„Флагъ на участкѣ!—взгляни,—
Значить пора!“ и запѣлъ полнымъ голосомъ:
— Боже Царя храни...

Шелъ онъ и пѣлъ. И свободы поборники
Сонъ покидаютъ. Толпой
Городовые и старшіе дворники
Пѣснѣ внимаютъ святой.
Пѣлъ не для этой одной аудиторіи—
(Что сладкопѣвцу они!)—
Пѣлъ для потомства онъ,
пѣлъ для исторіи:
— Боже Царя храни!..

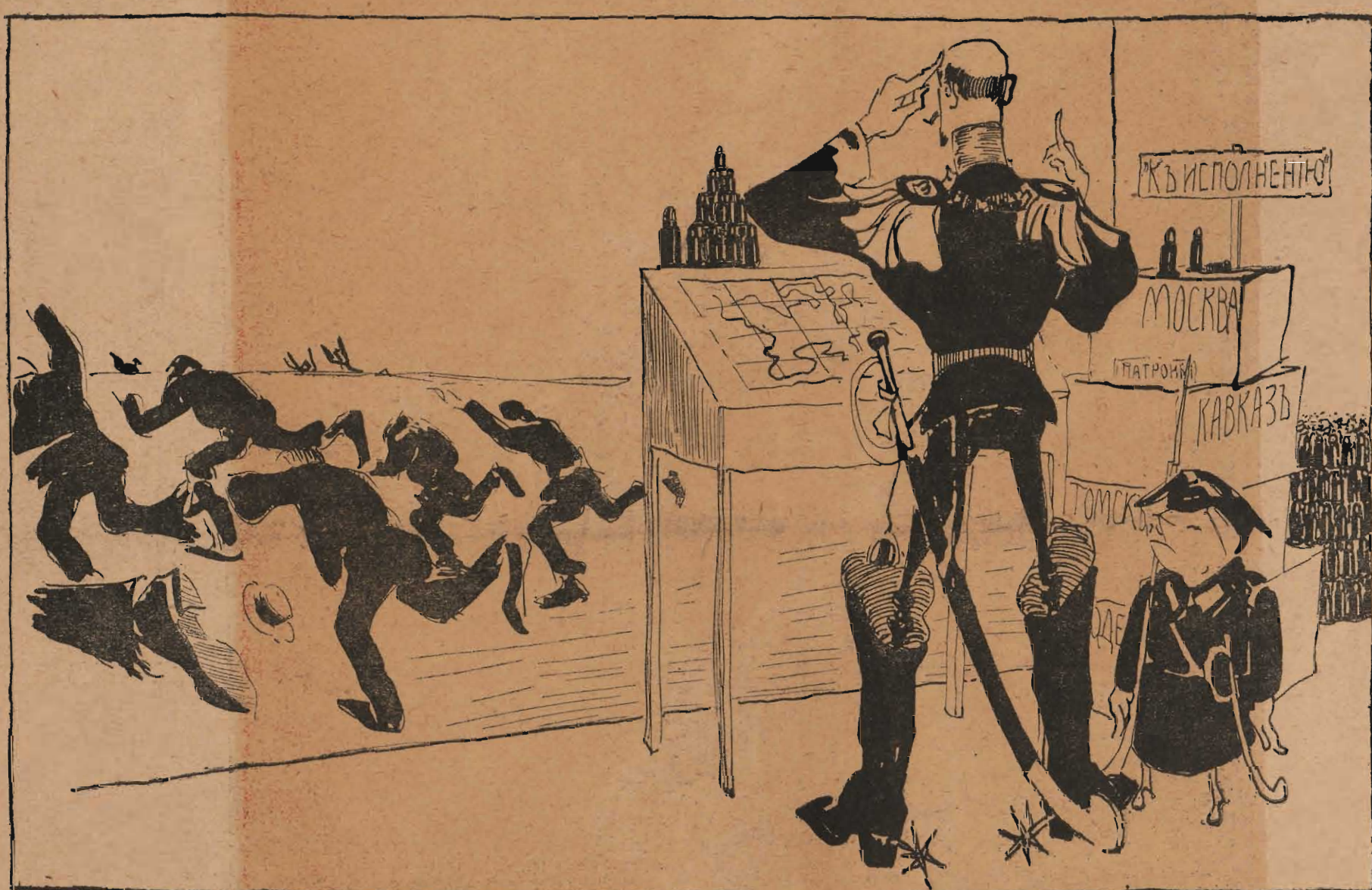

ДѢТИ СОЛНЦА.

ДѢТИ ТЬМЫ.

Политика Трепова — „Не жалѣть патроновъ“.

— Куда бы еще послать?

Политика Витте — „Не жалѣть портфелей“.

— Кому бы еще послать?

Политика Куропаткина — „Не жалѣть своихъ“.

— Кого бы еще послать?

О марсельезѣ.

Свобода слова началась у нас свободой пѣсни.
И первая свободная пѣсня, прозвучавшая
въ первый же день четырехъ свободъ,— рабочая
марсельеза:

Вставай, подымайся, рабочий народъ!
Иди на враговъ, людъ голодный,—
Раздайся кликъ мести народной!
Впередъ, впередъ, впередъ!

Гордо, свободно, вызывающе звучала она
надъ ухомъ старшихъ дворниковъ, статской,
дѣйствительной статской, тайной, дѣйствитель-
ной тайной и явной полици.

Даже жутко было съ непривычки слушать:

Отречемся отъ стараго мира,
Страхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ...
Намъ враждебны златые кумиры,
Ненавидимъ намъ царскій чертогъ!
Мы пойдемъ къ нашимъ страждущимъ братьямъ,
Мы къ голодному люду пойдемъ,—
Съ нимъ пошлемъ мы злодѣямъ проклятья,
На борьбу мы его позовемъ!

Красное море флаговъ залило весь Невскій
проспектъ. Тамъ и тутъ вспыхивали свободныя,
гордые рѣчи.

Но все заглушала, надъ всѣмъ доминиро-
вала рабочая марсельеза:

Кулаки, богачи, жадной сворой
Расхищаютъ тяжелый твой трудъ,
Твоимъ потомъ жирѣютъ обжоры,
Твой послѣдній кусокъ они рвутъ.
Голодай, чтобъ они лировались,
Голодай, чтобъ въ игрѣ биржевой
Они собою и чести продавали,
Чтобъ глумились они надъ тобой.
Вставай, подымайся, рабочий народъ!

Рабочей марсельезой начались дни „четы-
рехъ свободъ“. А окончились они — крестьян-
ской марсельезой.

24 губерніи охвачены сейчасъ аграрными
беспорядками!..

24 губерніи поютъ:

Вставай, подымайся, крестьянскій народъ
Иди на господъ людъ, голодный!
Раздайся кликъ мести народной!
Впередъ, впередъ, впередъ!

И звуки крестьянской марсельезы заглушаютъ
рабочую марсельезу.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Клочки изъ моихъ газетныхъ статей.

О патронахъ.

Четыре свободы привели за собой пятую —
свободу патроновъ:

— Не жалѣть патроновъ!..

Вся внутренность политики Россіи — поли-
тика патроновъ.

Одни, какъ Драгомировъ, командовали:

— Жалѣть патроны.

Другіе, какъ свиты Его Величества гене-
раль-маіоръ Треповъ:

— Не жалѣть патроновъ.

Подобно тому какъ du choc des opinions jaillit la,
vérité, русская внутренняя политика складывалась du
choc des cartouches, изъ столкновения патроновъ.

Du choc des cartouches jaillit la politique...

Патронъ не аргументъ. Но онъ сильнѣе всякихъ аргу-
ментовъ.

Первый, кто воспользовался свободой па-
троновъ былъ полковникъ Минъ, — въ первое
же утро четырехъ свободъ.

Когда графъ Витте запросилъ полковника Мина:

— На какомъ основаніи вы стрѣляли?

Онъ отвѣтилъ:

— Это мое дѣло.

То есть отвѣтилъ совершенно такъ, какъ, по словамъ
корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, офицеръ, стрѣ-
лявшій на углу Горюховой и Загороднаго, отвѣтилъ ге-
нералу, крикнувшему:

— Кто вамъ позволилъ стрѣлять!..

Озлобленнымъ и ловчимъ тономъ:

— Проходите, ваше превосходительство, проходите
немедленно.

Графу Витте, когда онъ заинтересовался политикой
патроновъ, тоже крикнули:

— Проходите, ваше сіятельство! Проходите немед-
ленно! Это не ваше дѣло!..

Онъ стерпѣлъ.

Но мы не можемъ стерпѣть этого.

Потому что эта фраза брошена въ лицо не одному
графу Витте, а всему русскому народу.

Мы должны крикнуть графу Витте:

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не проходите мимо! Не-
медленно разслѣдуйте это дѣло! Политика патроновъ
не дѣло полковниковъ Минъ и Контриковъ, а ваше
первое непосредственное, неотложное дѣло.

Довольно полковники и генералы отъ полици рылись
у насъ въ сердцахъ, душахъ и карманахъ.

Дорожно рабы полици — казаки ковырялись у насъ
въ тѣлѣ и на тѣлѣ нагайками и штыками.

Дорожно патроновъ потрачено на насъ по поруче-
нію полици дальняго и казачаго издѣванія:

Довольно отсутствовалъ государственный контроль
въ расходѣ самой звонкой монеты, которой распла-
чивалось правительство со своими подчиненными, — въ
расходѣ патроновъ.

Емъ, графъ Витте, должны быть государственнымъ
контролеромъ, спрашивающимъ отчетъ въ каждой звон-
кой монетѣ, въ каждомъ патронѣ, въ каждой нагайкѣ,
въ каждомъ штыкѣ.

Вы должны разслѣдовать немедленно дѣло о каждой
каплѣ крови, пролитой 18-го октября! О каждой каплѣ
слезы!

Нѣтъ, не проходите мимо!

Стойте, государственный контролеръ!

Всѣ глаза обращены на васъ.

Всѣ ждутъ вашего отвѣта.

И мы ждемъ. Только врядъ ли дождемся.
Недаромъ студенты поютъ:

Gaudeamus igitur
Juvenes dum sumus

Vitae noster brevis est,
Breve finietur...

О Черномъ Смѣхѣ.

Но не одни Мины воспользовались свобо-
дой патроновъ.

Послѣ Краснаго Смѣха русско-японской войны по-
явились Желтый Смѣхъ.

А теперь на смѣну Желтому Смѣху русско-японскаго
мира пришелъ Черный Смѣхъ.

Это черная сотня смѣется.

Черный легіонъ.

И его раскатистый смѣхъ потрясаетъ все отъ фин-
скихъ „хладныхъ“ скалъ до пламенной, увы, слишкомъ
пламенной Колхиды.

Отъ потрясеннаго, слишкомъ потрясеннаго Кремля
до стѣнъ недвижнаго, хотя и начинающаго угрожающе
двигаться, Китая.

Все отъ дворцовъ до лачугъ, отъ церквей до домовъ
терпимости потрясено этимъ смѣхомъ.

Самъ Синодъ созвалъ черносотенныхъ призывомъ
рѣчи митрополита московскаго и коломенскаго Влади-
мира, произносимая по его приказанію съ высоты цер-
ковнаго престола, подъ звонъ колокольнаго благовѣста...

Слышите, слышите Черный Смѣхъ въ этомъ благо-
вѣстѣ?

Пятидесятичная толпа черносотенцевъ окружила мо-
сковское инженерное училище.

— Смерть учащимся!

И въ окна летятъ камни, — всѣ стекла до одного пе-
рбиты.

И подъ звонъ дребезжащаго стекла слышны раскаты
тупого, безсмысленнаго Чернаго Смѣха.

— Надо технологическій институтъ обливать
керосиномъ да зажечь! — говорилъ одинъ изъ
христороливыхъ полковниковъ въ Петербургѣ.

А въ Томскѣ отъ слова перешли къ дѣлу:
облили и зажгли трехъэтажное зданіе Сибир-
ской желѣзной дороги съ 600 человекъ.

Многіе выбрасывались въ окна, спускались по во-
досточиннымъ трубамъ, но имъ не давали пошары...

Ихъ ловили, убивали и пристрѣливали... Когда въ
11 часъ веч. рухнули крыши и потолки горящихъ зданій,
рухнувши, погребая сотни человѣческихъ жидчей, громко
„ура“ огласило городъ Томскъ.

И въ этомъ „ура“ хохоталъ Черный Смѣхъ.

Въ Баку черносотенцы жгутъ и убиваютъ армяны...

Но больше всего страдаютъ евреи.

Женщинъ и дѣвушекъ насилюютъ, вырѣзы-
ваютъ груди, распарываютъ животы и наби-
ваютъ пухомъ. Дѣтей — рвутъ на части...

Шхловъ, Казань, Одесса, Шавли,
Самферополь, Томскъ, Бахмутъ,
Курскъ, Москва, — повсюду травни
Небывалыхъ ужасъ смуть...
Льется кровь! Пылаютъ зданья!

Гнетъ кошмарный нищеты.
Для еврейскаго страданья
Нѣтъ осѣдлости черты...

Стоны несчастныхъ возносятся къ небу.

Но ихъ заглушаютъ громовые раскаты Чернаго смрад-
наго Смѣха...

Московскіе дворники предъявляютъ хулиганамъ под-
ворные книги, чтобы показать, есть ли въ этомъ домѣ
студенты.

Мясники „покаялись“ передъ иконой убить всѣхъ сту-
дентовъ“.

Черносотенцы не даютъ покоя и мертвымъ.

Они хотятъ вырыть и выбросить изъ кладбищенской
ограды тѣло борца за свободу Баумана.

Изъ за нихъ святоотечественно, кощунственно „замыты“,
какъ будто это какое нибудь позорное дѣло, похороны
первыхъ жертвъ четырехъ свободъ.

Ихъ скрыли, эти дорогіе для народа гробы, какъ
будто это промаженные...

Отъ нихъ можно заразиться!?

Развѣ только свободой!

Черный Смѣхъ звучитъ всюду. Но не пора ли
замолчать этому мрачному смѣху.

Будетъ намъ смѣшивать Европу то Краснымъ,
то Желтымъ, то Чернымъ смѣхомъ.

Анафема Черному Смѣху.

О герояхъ.

Амнистія налагаетъ на насъ обязанность
помогать не только тѣмъ, кого она застала въ
живыхъ, но и тѣмъ, для кого она, увы, запоздала.

Пусть Коляевъ, Сазоновъ, Балмашевъ и другіе умерли,
но вѣдь живы же ихъ семьи, ихъ родные, ихъ жены
и дѣти!

Мы обязаны розыскать ихъ и имъ протянуть руку
помощи еще радушнѣе и радостнѣе, чѣмъ семьямъ тѣхъ
политическихъ героевъ, которыхъ вернула въ нашу среду
амнистія.

Вотъ наши кредиторы, о которыхъ только близорукіе
не вспомнятъ.

До сихъ поръ у насъ не было политическихъ героевъ,
о которыхъ можно было говорить вслухъ.

Самое слово герой у насъ употреблялось слишкомъ
часто.

Оно стало такъ затрепано, затаскано, какъ старая
рваная тряпка.

Мы радили въ эту ветошь даже опереточныхъ дѣ-
ятелей японско-русской войны.

Мы и Стесселя звали героемъ.

Давно у насъ не было героевъ кромѣ одобренныхъ
цензурой.

Теперь цензура пала.

И герои будутъ появляться явочнымъ порядкомъ.

Героевъ будетъ ставить народъ, а не представленіе
по начальству, по протекціи и за выслугу лѣтъ.

Исчезнутъ герои-рабы, герои-прихвостни, герои-сли-
зняки, герои-паразиты.

Сколько ихъ дала одна послѣдняя война!

Появятся свободные, народные герои.

И уже появились.

И первыхъ изъ нихъ указала амнистія.

Встрѣтимъ же ихъ стоя съ кликами радост-
наго гимна:

Настала пора и проснулся народъ,

Великій, могучій, свободный!..

Привѣтъ вамъ, о, братья, вы честно прошли

Вашъ доблестный путь благородный.

ШАНСОНЕТКА.

(На мотивъ „Я—шансонетка“).

1.

Я—Треповъ. Въ свитѣ

Я—генералъ.

Мы въ парѣ съ Витте

Шли на скандалъ.

Мой гербъ: нагайка, штыкъ и плеть,

Девизъ: „Патроновъ не жалѣть!“..

2.

Я очень быстро

Усвоилъ роль

Премьеръ министра

И мой пароль:

„Отнюдь портфелей не жалѣть“.

Мой гербъ: бутылка, лавръ (не плеть),

3.

Я—Куропаткинъ,

Меня всѣ бьютъ.

Во всѣ лопатки

Войска бѣгутъ.

Девизъ мой: „Не жалѣть своихъ!“..

Пыхтѣть умѣю за троихъ.

Человѣколюбивый сенаторъ.

— Кто уприсилъ главное управленіе по дѣламъ па-
чати разослать циркуляръ по редакціямъ газетъ „Не
перепечатывать статьи г. Шебуева „Негативы“, помѣ-
щенной въ „Руси“ и касающейся О. Г. Штейнъ“?

— Сенаторъ Марковичъ.

— Кто принимаетъ всѣ зависящія и не зависящія
мѣры, чтобы дѣла русской м-те Эмберъ всячески тор-
мозились въ судѣ и тянулись годами?

— Сенаторъ Марковичъ.

— Кто рукоположилъ въ директоры Исихоровскаго
дома убогихъ пресловутаго д-ра Василькевича?

— Сенаторъ Марковичъ.

— Кто собственноручно приписалъ къ дѣлу чело-
вѣколюбиваго общества № 274 за 1904 г., значащемуся
подъ справкою за № 167, въ отчетѣ о состояніи чело-
вѣколюбивыхъ суммочекъ строчечку „и 9,300 руб. за
г-жею фонъ-Штейнъ“.

— Сенаторъ Марковичъ.

— Кто лучший другъ Побѣдоносцева?

— Сенаторъ Марковичъ.

— Кому пора, пока не поздно послѣдовать за По-
бѣдоносцевымъ?

— Се... Алчки!.. Будьте здоровы, сенаторъ Мар-
ковичъ!..

М-те Конституція.

Эта дама, время было,

Слухъ о томъ упорный ходитъ

Прежде всѣхъ съ ума сводима,

А теперь всѣхъ просто... сводить.

О польскомъ митингѣ.

— Почему на первомъ русско-польскомъ митингѣ
первую рѣчь произнесъ не Кривошлыкъ?

— ???... Что общаго между гордымъ освободитель-
нымъ движеніемъ Польши и редакторомъ „С.-Петербург-
скихъ Вѣдомостей Градоначальства“...

— А что общаго между бывшимъ сотрудникомъ „Мо-
сковскихъ Вѣдомостей“, бывшимъ секретаремъ „Рус-
скаго Листка“, бывшимъ редакторомъ „Московского
Листка“ и бывшимъ редакторомъ-издателемъ „Русской
Правды“ М. М. Гаккебушемъ и поляками!..

На земско-городскомъ съѣздѣ въ Москвѣ.

— Итакъ, союзъ союза союзовъ съ гра-
фомъ Витте рѣшенъ.

— Теперь только вопросъ за тѣмъ, чтобы
русскій народъ вступилъ въ союзъ съ союзомъ
союза союзовъ съ графомъ Витте.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Какъ мы съ барокомъ бесѣдовали о политикѣ.

Я сказалъ барону:

— Ну вотъ ты все ждалъ отставки Трепова. Трепова убрали, но развѣ вокругъ отъ этого стало спокойнѣе?

— А ты увѣренъ, что Трепова убрали?

— А то какъ же иначе?

— Ты увѣренъ, что убрали именно Трепова?

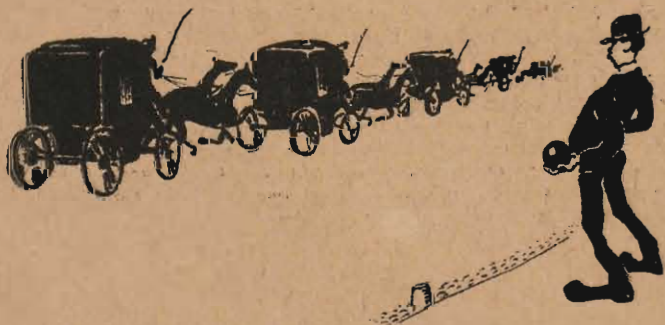
— А ты развѣ не читалъ объ этомъ во всѣхъ газетахъ?

— Ну, а я—не увѣренъ. Убрали да не Трепова.

иначе и не ѣздили по городу какъ въ пяти совершенно одинаковыхъ каретахъ заразъ. Въ одну карету садился самъ, а въ четыре другія кареты сажали по одному манекену. И никто въ мірѣ не зналъ, въ которой каретѣ сидитъ самъ Треповъ, а въ которой болванъ. Злоумышленники приходили въ тупикъ, не зная въ которую карету бросить апельсинъ. Самъ Треповъ ликовалъ. Во-первыхъ, у него всегда былъ винтъ съ выходящимъ.

— Ты хочешь сказать винтъ съ болваномъ.

— Т. е. съ болванами. Да. Затѣмъ онъ получалъ въ пять разъ больше жалованія, потому что кассиръ не зналъ который Треповъ настоящій, а который аппликэ и принужденъ былъ выдавать каждому изъ нихъ содержаніе.

— А кого же?

— Болвана.

— ???...

— Что ты такъ на меня смотришь... Ну да убрали болвана... Это, конечно, только моя гипотеза... Но она такъ вѣроятна, что нечего строить такіе удивленные глаза и корчить такія гримасы... Развѣ ты не знаешь, что, опасаясь покушеній, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Треповъ выписалъ изъ заграници четыре манекена, какъ двѣ капли воды похожихъ на него. Всѣ въ Питерѣ знали, что онъ

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Вотъ почему у насъ полиція такъ дорого стоила.

— Не трудно было бы узнать который Треповъ настоящій. Стоило бы только задать какой нибудь вопросъ. Болваны вѣроятно не умѣютъ отвѣчать, а настоящій Треповъ—умѣетъ.

— Всѣ болваны одинаково хорошо говорили одну фразу: „Не жалѣть патроновъ!..“ и кромѣ нея никто не умѣлъ говорить ни слова. Да и самъ Треповъ скоро изъ опасенія быть узаннымъ сталъ произносить только эту фразу и въ концѣ концовъ разучился говорить все другое...

— Неужели?..

— Вотъ почему всѣ приближенные вскорѣ потеряли истинное представленіе о Треповѣ, отдавая честь и рапортуя сплошь и рядомъ болванамъ. Но настоящій трагизмъ въ томъ, что и самъ Треповъ въ одинъ прекрасный день спуталъ себя съ манекеномъ. И до сихъ поръ не увѣренъ въ себѣ; самъ ли это онъ, или манекень только.

— Теперь я понимаю, ты думаешь, что когда пришлось вручать отставку Трепову, не было возможности отличить настоящаго отъ манекена и отставку по ошибкѣ вручили болвану.

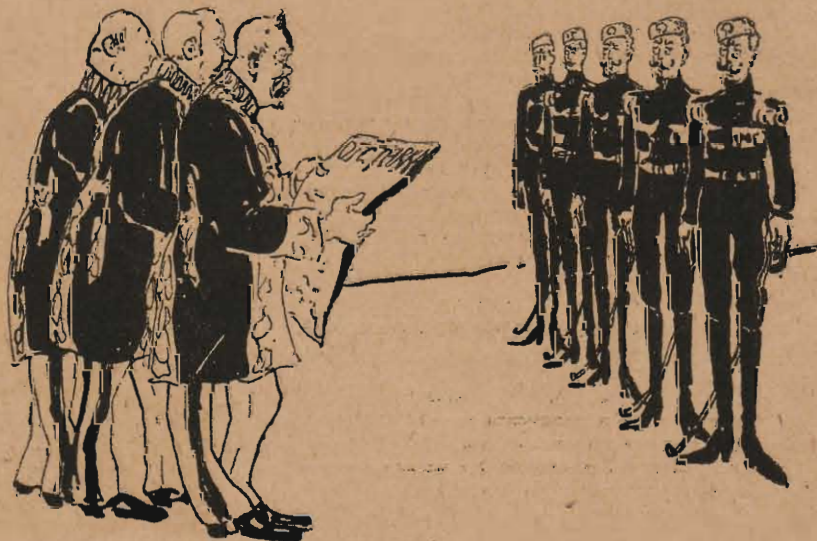
Баронъ вдохновенно поднялъ руку и проскандировалъ:

— Только эту гипотезой

Объяснить тебѣ берусь

Почему до сихъ поръ треплется

Обезтрепленная Русь.

ИСХОДЪ ИЗЪ КРОНШТАДТА.

Во время оно случися смѣтъ велий во градѣ нѣкоемъ Кронштадтомъ именѣемомъ. Матроси и инни мѣжи мнози скакаху по стогнамъ градскимъ и убиваху дрѣвъ дрѣва и рѣзаху женъ со чады и домочадцы, тѣсая власти предержащии испразднити. Оныя же власти предержащии Остелецкый и Бѣлмевъ во мѣндирѣ облаченни подъ кроватами нетѣвни, Господа Бога славослова, оврѣтошася. Дрѣзны же власти офицерстии во ризы и исподники женстии и хулиганстии облекошася и сицѣ животъ свой соблюдоша. Всечестнѣйшемъ же отцу Иоанну во Кронштадтѣ свѣщу, се полики многоочити чины притекоша: Отче всеблагий, всеотпѣливый, многомилостивый, чесо ради медлещи? Ты еси вѣднѣицъ Порфирию во Богородицы хейротонисавый, ты еси паницъ горчайшаго во Архангелы Миханлы претворивый, сътвори чѣдо: Утиши брань и смѣтъ велий и скрежетъ звѣвовный, дабы и мы многогрѣшнии отъ него не пострадаша. Отвѣщавъ честный старецъ рече: Васъ ли стонѣщихъ и мѣтѣщихся зрю? Не вѣдѣ ли съ вами азъ многогрѣшникъ несчетно съ высоты амвонной ко сотнѣ черной вопиѣхъ, зывахъ и глаголаху! Не матроси се, а любезныи чада наша хулиганстии мѣтѣтсѣ! Дѣхъ мой зѣло възграбсѣ иво чѣетъ извѣненіе богомерзкой интеллигенции. Потекъ на ослабѣи ко чадамъ моимъ любезнымъ во Питеръ градъ: „Кривошлыче, сладчайшій, возникъи со мной въ твоихъ вѣдомостяхъ Градоначальства церкви и отечествѣ на пользу. Аминь“.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великою и тяжелою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ, и печаль народная—Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству Державы Нашей.

Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполнению лежащаго на каждомъ долга, Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанность Правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2. Не останавливая назначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ, засимъ, дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку,

и 3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вѣстѣ съ Нами напрячь всѣ силы къ восстановленію тишины и мира на родной землѣ.

Данъ въ Петергофѣ, въ 17-й день октября въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Къ сему листу Свѣты Его Величества Генераль-Маіоръ Треповъ руку приложилъ.

Н. Г. Шебуевъ принимаетъ ежедневно отъ 12 до 1 часу дня. Ковенскій, 14.

Продажа номеровъ производится въ дни выхода „Пулемета“ въ конторѣ типографіи Слб. Т-ва „Трудъ“. Фонтанка, 86.

Наложнымъ платежемъ высылаются не менѣе 10 экземпляровъ. Адресоваться Ковенскій 14, „Пулеметъ“. Сюда же обращаться и книжнымъ магазинамъ, желающимъ взять на себя распространеніе „Пулемета“.

ПУЛЕМЕТЪ

Текстъ и темы

Н. ШЕБУЕВА.

ЕГО РАБОЧЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ПРОЛЕТАРІЙ ВСЕРОССИЙСКІЙ.

Спичечная фабрика.

О, не ходи туда! Тамъ вѣтъ смерти холодъ,—
Онъ трупнымъ запахомъ въ твою ворвется
грудь.
О, не ходи туда; ты такъ безумно молодъ.
Бѣги отъ этихъ мѣстъ, забудь о нихъ, забудь.
Проклятая нужда костлявою рукою
Тебѣ къ дверямъ фабричнымъ указала путь,
Ты у порога ихъ, со страхомъ и тоскою,
Не смѣешь роковой черты перешагнуть.

Глядишь на этихъ дѣвъ: у нихъ въ болячкахъ
губы

И груди впалыя, и челюсти дрожатъ,
И щеки мертвыя, крошачіея зубы,
И этотъ взглядъ тупой, безъ жизни взглядъ...
Безстрастный трупъ взоръ безъ слезъ, безъ
просьбъ, безъ вѣры...

Все въ жизни кончено,—возврата нѣтъ назадъ:
Онъ отравленъ отравой атмосферы,—
Напоенъ фосфоромъ и сѣрой этотъ адъ...

Чу, кашель слышится! Всѣ жизненные соки,
Все взято фабрикой: веселье юныхъ лѣтъ,
Веселый блескъ очей и розовыя щеки,
И серебристый смѣхъ, и ласковый привѣтъ...
А что оставлено?.. Взгляни на тѣни эти:
Увидишь ли въ очахъ ихъ жизненный разсвѣтъ,
Повѣришь ли ты мнѣ, что эти дѣвы—дѣти,
Что взрослыхъ мало здѣсь, а старыхъ вовсе
нѣтъ?!

О, не ходи туда! Ты такъ безумно молодъ,
Бѣги отъ этихъ мѣстъ... Забудь о нихъ, за-
будь...

Чу кашель слышится. Тамъ вѣтъ смерти холодъ.
Онъ съ трупнымъ запахомъ въ твою ворвется
грудь.

Проклятая нужда костлявою рукою
Тебѣ къ дверямъ фабричнымъ указала путь.
Ты у порога ихъ со страхомъ и тоскою...
Остановись!.. Не смѣй перешагнуть!..

Они.

(Писано въ тюрьмѣ).

Они это тѣ, кто засадили меня въ тюрьму
за первый номеръ Пулемета.

Я не знаю какъ ихъ зовутъ.

Да и не все ли равно, какъ ихъ фамилія:
Дурново, Побѣдоносцевъ, Сипягинъ, Плеве,
г-жа фонъ-Штейнъ, Булыгинъ, Іоаннъ Крон-
штадтскій, Держиморда, Бабенко или даже самъ
графъ Витте.

Они пожелали скрыть свое имя. Пусть.

Но фактъ тотъ, что день выхода Пулемета
окончился ихъ побѣдой. Они послали ко мнѣ
шестерыхъ дюжихъ мужчинъ, изъ которыхъ
каждый могъ бы меня безъ труда положить на
обѣ лопатки, и одну женщину, приказали
произвести въ моей квартирѣ дебошъ, а меня
самого схватить и ввергнуть въ тюрьму.

— Какъ? А мои свободы?..

— Тамъ вамъ покажутъ ваши свободы!..

Меня не было дома. Мы съ женой верну-
лись около двухъ часовъ. Дебошъ былъ уже
въ полномъ разгарѣ.

Часть моей квартиры была обезпулемечена.
Ставался кабинетъ.

Четыре мужчины въ полицейской формѣ
вели себя корректно. Они производили дебошъ
въ чужой квартирѣ, по всѣмъ правиламъ науки
галантно, извиняясь за причиненное безпокой-
ство.

— Они насъ послали. Мы творимъ волю
пославшихъ.

Я былъ тоже галантенъ:

— Очень радъ... Это очень любезно съ ва-
шей стороны, что вы обратили вниманіе именно
на мою квартиру.

— Не потрудитесь ли раздѣться?

— Съ удовольствіемъ. Это тоже они вамъ
велѣли?

— Конечно... Вы и брючки потрудитесь
снять.

Они раздѣли меня до-гола, погладили по
животу. Неприкосновенность личности еще не
влечетъ за собой неприкосновенность живота.

Похлопали по бедрамъ. Сняли брюки. По-
трясли ихъ.

— Хорошенько трясите! Авось Пулеметъ
вывалится!

Два мужчины безъ формы и безъ языка
предстоявшіе въ качествѣ понятыхъ и оказав-
шіе по справкамъ дворниками сосѣдняго
дома, даже отшарахнулись отъ моихъ брюкъ,
испугавшись моего замѣчанія.

Женщина, сидѣвшая въ прихожей и оказав-
шаяся тоже понятой,—богобоязненно перекре-
стилась.

Они прислали сюда съ полицейскими и
дворниками эту женщину, чтобы она раздѣла
и обыскала мою жену.

Но *имъ* не удалось раздѣть мою жену. Полицейскій на-слово повѣрилъ ей, что она не обвѣшена Пулеметами.

Наконецъ въ половинѣ третьяго ночи *они* меня усадили на извозчика и повезли въ тюрьму.

Въ камерѣ одиночнаго заключенія меня опять обыскали. Раздѣли. Сняли брюки. Отняли подтяжки:

— Чтобы вы не повѣсились на нихъ.

Они боятся, что я повѣшусь на подтяжкахъ!

Дурново, Побѣдоносцевъ, Сипягинъ, сенаторъ Марковичъ, Плеве, г-жа фонъ-Штейнъ, Булыгинъ, Треповъ, Кривошлыкъ, Бабенко, или самъ графъ Витте, — я не знаю кто именно, но кто-то изъ нихъ очевидно боялся, что я буду сниться болтающимся на судорожно

сокращающемся резиновомъ шнурѣ подтяжекъ.

Спите спокойно, гг. Дурново, Побѣдоносцевъ, Сипягинъ, сенаторъ Марковичъ, г-жа фонъ-Штейнъ и другіе.

Я не собираюсь умирать прежде, чѣмъ не увижу исполненіе честнаго слова графа Витте о четырехъ свободахъ, честнаго слова, о которомъ 19-го октября я читалъ въ Вѣдомостяхъ Градоначальства.

Да и къ чему въ самомъ дѣлѣ мнѣ умирать, когда на бумажкѣ, которую мнѣ выдали въ тюрьмѣ, я значусь политическимъ преступникомъ!

А разъ я политическій преступникъ, меня освободятъ. Я горячо вѣрю, что рано или поздно придетъ настоящая амнистія, а не такая игрушечная, которую намъ преподносятъ. И тогда меня освободятъ.

И такъ я не намѣренъ кончать жизнь самоубійствомъ. Да если бы и былъ намѣренъ, нашелъ бы способъ позстетичнѣе подтяжекъ.

Я могъ бы заколоться стеариновой свѣчкой, которая достаточно остра пока не обгорѣлъ ея конецъ.

Я могъ бы изъ мякиша чернаго хлѣба вылѣпить мечъ, высушить его подъ кроватью и имъ отрубить себѣ буйну голову.

Вѣдь вылѣпилъ же я себѣ подсвѣчникъ! И не дурно вылѣпилъ.

Выковать мечъ изъ чернаго хлѣба,—какой богатѣйшій символъ.

Развѣ не мечемъ, выкованнымъ изъ чернаго хлѣба, вооружились сейчасъ 24 губерніи!

Развѣ не этого страшнаго меча боятся сейчасъ *они*, посылая генераловъ, адмираловъ съ пулеметами...

Да, я могъ бы покончить съ собой. Я могъ бы превратиться въ политическаго героя.

Мое тѣло *они* скрыли бы, какъ скрыли тѣла героевъ 18-го октября, и похоронили бы подъ сурдинку, какъ похоронили тѣхъ четырехъ жертвъ четырехъ свободъ.

А со временемъ надъ моей могилой, быть можетъ, поставили бы памятникъ и ваши дѣти, г. Побѣдоносцевъ, сенаторъ Марковичъ, г-жа фонъ-Штейнъ и другіе, быть можетъ, придутъ рѣзвиться подъ сѣнью его...

Нѣтъ, я не хочу умирать, чтобы не доставить этого удовольствія даже внукамъ вашимъ!

А между тѣмъ во мнѣ говоритъ вовсе не злоба, не озлобленіе. Я не озлобленъ. О, если бы вы посмотрѣли, какъ хохочу я сейчасъ, сидя въ этой мрачной камерѣ.

Пять шаговъ въ длину и три въ ширину, итого пятнадцать квадратныхъ шаговъ.

О, если бы я умѣлъ ходить квадратными шагами, въ моемъ распоряженіи было бы цѣлыхъ 15 шаговъ,—какой просторъ!

Но я умѣю ходить только простыми, линейными шагами,—пять туда, пять назадъ. Это скучно, но я все-таки хохочу:

— Ха-ха-ха!.. Послѣ дарованія „всеобщей, равной, прямой и тайной“ амнистіи я сдѣялся политическимъ преступникомъ!

Какое великое преступленіе долженъ былъ я совершить, чтобы попасть въ тюрьму въ то время, когда изъ нея, по увѣренію графа фонъ-Витте, выпущены даже тягчайшіе политические преступники!

Да, я совершилъ государственное преступленіе.

Я напечаталъ въ Пулеметѣ, что *они* обкургузили и заморозили циркулярами нашу весну, я наглядно показалъ, какъ *они* запятнали кровью манифестъ 17-го октября, я обвинилъ *ихъ* въ томъ, что *они* виноваты въ оскорбленіи Величества—я „оскорбилъ“ *ихъ*.

И вотъ теперь *они* посадили меня безъ суда и слѣдствія въ тюрьму за... оскорбленіе Величества...

Я оскорбилъ *ихъ* ничтожество, а меня будутъ судить за оскорбленіе Его Величества!..

Развѣ не смѣшно, развѣ не

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

№ 207

ПОЛИТИЧЕСКІЯ

Къ Свѣдѣнію о томъ, что въ тюрьмѣ...
въ тюрьмѣ...
въ тюрьмѣ...

Фамилия, имя, отчество, званіе	Шебуевъ Николай Николаевичъ
Возрастъ	31 л.
Содержимъ въ Домъ Препаранъ	свѣдѣніе 14. Октября 1905.
Постановленіе о въѣздѣ въ тюрьму	Охр. отд. Слѣд. отд. В. ч. 1905.

Я вѣшалъ на битву, я вѣшалъ впередъ
Битву, битву и битву, битву и битву
И скоро бы мнѣ мои поддѣлки,
Но ружье — благодарное дѣло!
Я вѣшалъ впередъ. Сколькихъ храбрыхъ борцовъ
На этомъ дѣлѣ оградилъ
Я смертныи ударъ въ сердце твое, и тово,
Въ смерти — благодарное дѣло!
Лично въ тюрьмѣ работа твои раздумья живей!
Многихъ лавровъ твоихъ свѣдѣніе!
Ты же, который, разрушаи Пулеметъ, —
Твоей свѣдѣніе — благодарное дѣло!

Полковникъ М. М. М. М. М.

уморительно видѣть, какъ они сами себя возвели въ величества и требуютъ, чтобы и всѣ ихъ считали величествами...
Я черныя типографскія буквы манифеста закрылъ красной типографской краской. А они самую душу манифеста залили кровью!..
И въ тюрьмѣ не они, а я...
Амнистія... какое это не русское слово.
Чу, въ стѣну справа кто-то стучитъ.
Это, очевидно, амнистированный политическій преступникъ.
Чу, и въ стѣну слѣва кто-то слабо, но отчетливо стучитъ. Тоже видно амнистированный.
— Стукъ, стукъ, стуту-тукъ!.. Стукъ!.. стуту-тукъ!.. Стукъ, стукъ, стукъ! стуту-туту-тукъ!.. Стукъ, стуту-тукъ!..
Это мои сосѣди по тюрьмѣ вызываютъ меня на разговоръ.
Несчастные... Я сижу только второй день, а они, быть можетъ, два года, быть можетъ десять лѣтъ...
Съ какою жадностью глотали бы они стукъ свѣжаго человѣка, свѣжіе стукъ, свѣжія новости...
Но я безпомощно опускаю руки... Я не умѣю стучать... Въ гимназіи насъ учили самымъ мертвымъ языкамъ, а этому не учили.
Въ университетѣ — тоже. А между тѣмъ для нашей интеллигенціи этотъ языкъ стукъ треска

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

буется въ 100 разъ чаще, чѣмъ греческій и въ 25 разъ чаще, чѣмъ латинскій.
Я не умѣю стучать. Со слезами на глазахъ прошу у васъ прощенія, мои амнистированные сосѣди. Я не виноватъ, что вошелъ сюда нѣмой.
Они посадили меня въ тюрьму экспромтомъ безъ подготовки.
— Стукъ, стукъ, стукъ, стуту-тукъ!.. Стуту-тукъ!
Я безпомощно молчу. Я не умѣю стучать.
Да и что могъ бы я выстучать имъ, если бы умѣлъ!
Выстучать о томъ, что мы достукались до Конституціи.
Выстучать о томъ, что Россія ликуетъ, любуясь веселою кадрилью двухъ паръ свободъ.
Выстучать о томъ, что намъ дана свобода слова.
Но развѣ они здѣсь въ тюрьмѣ не пользуются свободой слова въ такой же степени какъ и мы!
Стучи въ стѣну о чемъ хочешь, если не боишься, что въ сосѣдней камерѣ сидитъ или сыщикъ, или провокаторъ.
Стучи въ стѣну!..
— Стукъ, стукъ... Стуту-тукъ...
И мы всѣ стучимъ въ стѣну.

И будемъ стучать въ стѣну до тѣхъ поръ, пока Россіей будутъ править они, — Великое, Безликое, Многоликое Ничтожество.
Они прячутся другъ за друга, они липки какъ клейстеръ, которымъ въ охранномъ отдѣленіи замазываютъ политическіе конверты...
Они, не имѣя права, ворвались въ мою квартиру, они, не имѣя надобности, обезпокоили моихъ близкихъ, они надругались надъ манифестомъ 17 октября, они хотятъ свалить вину со своей больной головы, на мою здоровую, они тамъ, гдѣ судебный слѣдователь не нашелъ даже состава преступленія, нашли возможнымъ употребить самую строгую мѣру задержанія...
И вы думаете, что кто-нибудь изъ нихъ будетъ настолько джентльменомъ, что извинится передо мной, передъ моими близкими!..

(Писано на свободѣ).

Говорятъ, еще свободы
Нѣтъ на родинѣ моей,
Что протянуть годы, годы
До свободныхъ свѣтлыхъ дней...
Такъ твердить неблагородно,
Стыдно такъ твердить ей-ей...
Я купилъ свободу сходно:
За три тысячи рублей.

Такъ думалъ я, когда услышалъ вчера отъ прокурора Камышанскаго, что рѣшено мнѣ дать свободу за 3000 рублей.
Но очевидно за ночь между прокуроромъ и министромъ Манухинымъ былъ приблизительно такой разговоръ:
Министръ. — Вы продешевили, съ Максима Горькаго мы взяли 10000 рублей, а съ Шебуева только три!..
Прокуроръ. — Но Горькому мы отпустили свободу задолго до 17 октября... Тогда свобода была въ цѣнѣ. Ея было меньше... Теперь и свобода и рента упали...
Министръ. — Да. Но мы Горькому за 10 тысячъ продали одну подержанную свободу. А Шебуеву цѣлыхъ четыре новенькихъ... Это немислимо... Спросите и съ него десять.
Прокуроръ. — У него нѣтъ столько. Придется ему сѣсть.
Министръ. — Тѣмъ лучше. Пусть онъ сядетъ.
(Писано въ тюрьмѣ).
— Стукъ!.. Стуту-тукъ!.. Стуту-тукъ!.. Стуту-тукъ!..
И мнѣ кажется, что за стѣной сидитъ почтово-телеграфный чиновникъ и выстукиваетъ свою петицію.
— Убрать Дурново! Убрать Дурново! Убрать Дурново!
Подожель къ другой стѣнѣ, — и тутъ стучать то же самое.
— Убрать Дурново!.. Убрать Дурново!..

— Апчи!..

МАСКАРАДЪ.

Тамъ, за далью непогоды, въ заколдованной странѣ
Добродѣтели, Пороки уживаются вполне;
Понимаютъ превосходно, что подчасъ другъ другу
нужно

И живутъ, не унывая, межъ собою мирно, дружно.
Чтобъ другъ друга не провѣдать, не проходить даже
дня!

Покумилась, породнились, — этотъ — свать, а тотъ —
родня.

Тамъ пороки и добродѣтели поселились чуть не ря-
домъ, —

Дружно исполу занявшись въ штабъ морской большиимъ
подрядомъ, —

Самъ пороки труху сбываетъ: всякій мусоръ, гниль и
хламъ,

Съ добродѣтелью дѣлясь барышами пополамъ,
Потому что доставляетъ тѣ подряды добродѣтели —
Мужъ внѣ всякихъ подозрѣній, благъ общественныхъ
радѣтели.

Тамъ — проектъ приготовить добродѣтели пороки,
Тамъ — пороку добродѣтели оттянуть поможетъ срокъ...
Словомъ, всюду, гдѣ ни взглянешь, хоть снаружи шито-
крыто,

Добродѣтели и пороки пьютъ изъ одного корыта.
Потому что добродѣтели хоть почтенны, нѣтъ и словъ,
Но рискуютъ безъ порока насидѣться „безъ дѣловъ“.
Вѣдь, не вѣкъ же ей питаться черствымъ хлѣбомъ,
кислымъ квасомъ, —

Отчего и лососинкой не побаловаться часомъ?
А поди на рынокъ сунься, — тамъ въ цѣнѣ стоить
лосось...

И пороку безъ прикрытій добродѣтели хоть брось:..
Миновало безъ возврата царство взятки и апломба!
Пусть стоитъ на каждомъ дѣлѣ добродѣтельная плomba,
Пусть стоитъ на каждомъ шагѣ добродѣтели печать, —
Безъ нея, ей Богу, трудно дѣло каждое начать.

Вотъ пороки теперь, немного, volens-nolens, и лукавить,
Къ добродѣтели подѣхалъ, та — свои печати ставитъ
На дѣлахъ его. Въ довольствѣ поживаютъ да удачѣ
Добродѣтели — бѣднѣе, а пороки побогаче.

Разъ задумали пороки новогодній маскарадъ, —
Надоѣли вечеринки обыденныя. Парадъ
Добродѣтельныхъ приемовъ нестерпимъ давно порокамъ;
Соберутся на журфиксахъ все въ молчаніи глубокомъ.
Все потянуто, — надѣли словно на душу корсетъ, —
Ни одной фривольной фразы, ни одной улыбки нѣтъ!
И у всѣхъ на лбу читаешь: „мы скучаемъ! мы скучаемъ!“
Къ десяти часамъ обносятъ всѣхъ гостей холоднымъ
чаемъ

Съ сухарями. И намека на варенье не найдешь, —
Добродѣтельно, но скудно. Золотая молодежь —
Пустомыслие, Распутство и другіе кавалеры
На подобныхъ вечеринкахъ страждутъ выше всякой мѣры.

Изъ пороковъ только Скука, Лицемерье, да Тоска
Ихъ проводятъ, словно дома, — безъ единого зѣвка!
То ли дѣло у пороковъ развеселыхъ вечеринки:
И вино и хохотъ льются тамъ рѣкою, безъ запинки.

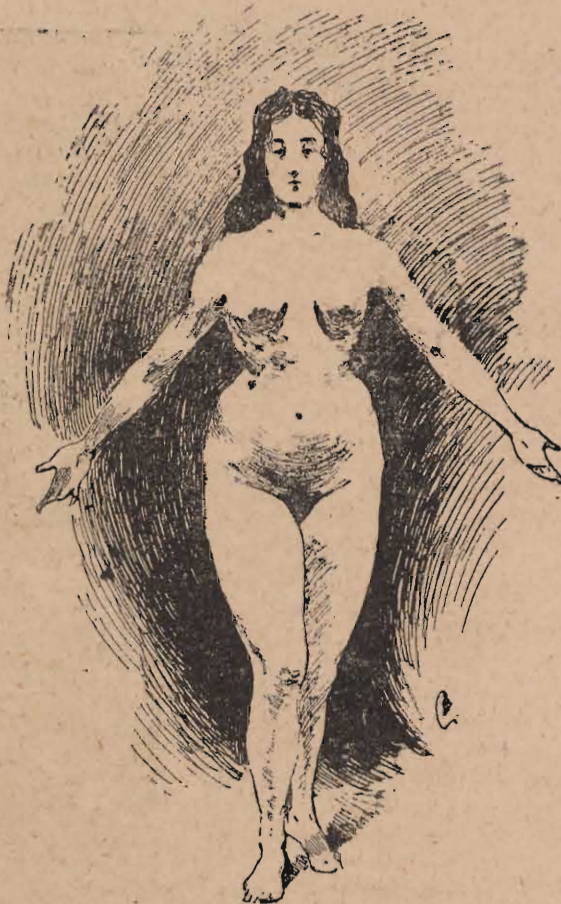
Добродѣтелямъ устроить преферансъ или винтъ по сотой
(Позже и онѣ къ порокамъ присосѣдятся съ охотой!).
Вотъ задумали пороки новогодній маскарадъ.
Пригласительныхъ билетовъ добродѣтелямъ спѣшать
Разослать какъ можно больше, — никого чтобъ не оби-
дѣть.

Всѣмъ почтительнѣе пишутъ: „Польщены васъ будемъ
видѣть“...

Добродѣтели, билеты получивши, хмурятъ лбы:
— „Что бы выдумать такое, что въ восторгъ всѣхъ при-
вело бъ, —

„Вѣдь съ тѣмъ не уронивши наше званье ни на йоту?“...
Да, костюмъ для маскарада для ума ихъ далъ работу.

Рѣшено! Надѣну тогу! Цинцинатусъ и Сократъ
И Лихуртъ косили тоги, и другихъ героевъ рядъ,
Что теперь всѣмъ въ назиданье въ хрестоматію попали...

До такой удачной мысли кто дойдетъ еще едва ли?“
Восклицаетъ добродѣтели: „У меня блестящій умъ!
Только надо будетъ втайнѣ сохранить отъ всѣхъ ко-
стюмъ!...“

„А не то сейчасъ похитятъ благородную идею...
Если это лишь случится, я отъ злости похудѣю!“

Но случилось много хуже: маскарадъ похвѣлъ итогъ, —
Добродѣтели одѣлись все въ костюмы въ родѣ тогъ,
Въ одинаковомъ костюмѣ появились всѣмъ на диво,
Видно, мудрости народной выраженье справедливо:
„Такъ сошлись умы большіе“. Не сошлись зато никто
Изъ пороковъ по костюму: нарядилось Метовство —
Расфранченнымъ по послѣдней бирмингемской модѣ фа-
томъ,

Ложь — во фракъ значомъ вѣткнула — нарядилась адво-
катомъ,

Глупость — цензора (конечно) приняла и гримъ и видъ,
Изъ Безвѣрія тихимъ вышелъ контъ-Иезуитъ,
Безразличность — фалатропкой, а Нахальство — „этой
дамой“

Нарядились. Всякъ костюмчикъ подходящій выбралъ
самый.

Электричествомъ залито благородное собранье.
Видъ торжественный сегодня принимаетъ это званье.
Режиссеромъ маскарада, какъ и водится, взялось
Быть Тщеславіе. Нахальство — въ дирижеры назвалось.

Хоть Нахальство по-французски и не знаетъ ни бельмеса,
Но французика Апломба „для подмоги и для вѣса“
Пригласило: — „Я съ Апломбомъ котильонъ такой за-
дамъ,
Что танцоровъ измочало, кавалеровъ всѣхъ и дамъ!“

А Тщеславіе, герольда помѣстивъ у входа въ залъ,
Называть всѣхъ по костюму и по гриму приказало.

Къ девяти часамъ, не раньше, начался въ собраньи
сѣздъ.

Вотъ сѣзжаются пороки, — сколько лентъ и сколько
звѣздъ!

Прокричалъ герольдъ: „Свобода! Шуты! Булыга! Куро-
патка!

„Хулиганъ! Побѣдоносцевъ! Римлянинъ времянь
упадка!“ —

То явилась добродѣтели. — „Дурново! Иезуитъ!
Римлянка времянь упадка!“ — тотъ же самый скромный
видъ,

Та же тога, — добродѣтели появилась вторая.
— „Треповъ! Чортъ! Жандармъ! Манухинъ! Штейнъ! Мар-
ковичъ! Перя рай!

Римлянинъ времянь упадка!.. Римлянинъ упадка!“ Тоги
Замелькали, замелькали. Добродѣтели, о, боги!

Словно въ форму все одѣты, — словно цѣлый пансіонъ
Институтскъ появился и стоять со всѣхъ сторонъ!..

Другъ на друга злобно смотрятъ: „воровать идеи гадко!..
А герольдъ все продолжаетъ: „Римлянки времянь упадка!..
Тога! тога! тога! тога!..“ Раздается въ залѣ смѣхъ, —
То не выдержала, фыркнувъ, Невоздержанность. На
грѣхъ

И другихъ пороковъ тоже разбираетъ смѣхъ. Средь
шума

Вдругъ отчетливо раздалось: „Дама вовсе безъ костюма!“
Сразу все уюмонилось, устремило къ входу взоръ.

Видятъ — Истина нагая. — „Что за ужасъ, за позоръ!“ —
Зашипѣла злобно Скромность. — „Возмутительный раз-
вратъ!“

„Появиться безъ костюма на костюмный маскарадъ!“ —
Закричало Лицемерье. — „Коль не выведутъ съ позоромъ
Этой дамы, мы уѣдемъ!“ прокричали дружнымъ хоромъ
Добродѣтели: „Намъ стыдно!.. Намъ шокируетъ она!..
Лишь Цинизмъ сказалъ прижмурясь: „А канашка же
дурна,

Хоть немножко сухопара... Отзываетъ стиль модерномъ,
Впрочемъ...“ Истина стояла и въ смущеніи безмѣрномъ

Прошептала: „Боги! боги! виновата развѣ я,
Что нагой лишь несравненна красота и мощь моя?..
Не глядите съ вождельнѣемъ на красу нагого тѣла, —
Я пришла къ вамъ съ чистымъ сердцемъ... Встрѣтитъ
новый годъ хотѣла...“

„Не могу надѣть я маски... Не могу я стань облечь...
Не могу... о, я несчастна!..“ Но ея прервали рѣчь
Добродѣтели, пороки возмущенныя дикимъ хоромъ
И изгнали вонъ изъ залы дѣву-Истину съ позоромъ.

Такъ закончился скандаломъ (и какой же гротъ-скан-
далъ!)

Новогодній балъ пороковъ, маскарадный пышный балъ...

Страшный судъ.

Т-во И. Д. Сытинъ и К°, обжегшись на многотысячномъ выпускѣ лубочныхъ картинъ на темы русско-японской войны, по слухамъ выпускаетъ на-дняхъ въ громадномъ количествѣ картину, клише которой здѣсь воспроизводится.

Наверху—въ селеніяхъ горнихъ—праведники:

Священномученикъ: Побѣдоносцевъ.

Угодники: Дурново, Марковичъ, Будбергъ, Манухинъ, Мамонтовъ, Саблеръ, Танъевъ, Черевинъ.

Старецъ: Владиміръ.

Пророкъ: Святополкъ-Мирскій.

Князь: Сергій.

Юродивые: Шаховской, Бельгардъ и Звѣревъ.

Ветхопещерникъ: Тертій Филипповъ.

Живыми на небо взяты: Грингмутъ, Мещерскій.

Архистратиги: Стессель, Треповъ, Гриппенбергъ, Куропаткинъ, Рожественскій.

Газетчики.

Земцы.

Жида.

Поляки.

Союзъ Союзовъ.

Блаженный: Булыгинъ

Дѣвственникъ: Протасовъ-Бахметевъ.

Столпники: Глазовъ, Шварцъ, Деляновъ.

Безсребренникъ: Коковцевъ.

Черноризецъ: Гермогенъ.

Черносотникъ: Іоаннъ Кронштадтскій.

Великомученики: Плеве, Сипягинъ.

Мученикъ: Боголюбовъ.

Центръ картины занятъ дьяволомъ, взвѣшивающимъ дѣянія страстотерпца Витте. На одной чашкѣ вѣсовъ лежить монополія, на другой—конституція.

Витте не прочь бы на эту вторую чашку прикинуть свои штилеты, но стѣсняется.

Въ геенну огненную идутъ делегаты, депутаты, рабочіе, студенты, интеллигенты.

На колѣняхъ у Сатаны — забастовщикъ.

П о л у - М а д о н н а .

Какъ не жмите вы соска.
Не добьетесь молока!..

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

- Зачѣмъ вы, сударыня, столько за корсетъ подкладываете?..
— Не могу передъ Европами безъ бюста показаться...
— Да... Но зачѣмъ такъ много краснаго?.. Послушайте меня, старика, выбросьте все красное... Вамъ предстоитъ большой моціонъ... Вспотѣете... Красное полиняетъ, потечетъ... Помните, что своя рубашка ближе къ тѣлу...

О гимназистах и реалистах.

В педагогическом мире переполох. Неожиданно для наших учителей введен в программу всех учебных заведений новый предмет.

Имя этому предмету—Свобода. Нѣтъ и не будетъ отдѣльнаго учебника свободы. Но нѣтъ и не будетъ ни одного учебника въ школѣ, который не училъ бы свободѣ.

Свободѣ будутъ учить и учебникъ исторіи, и учебникъ географіи, и закона Божія, и словесности, и логики, и всѣ остальные.

И вотъ наши Флаксманы встали въ тупикъ передъ этимъ предметомъ.

Переимѣнать всѣ алтари, переписывать всѣ катехизисы, перекрашивать въ новую краску всѣхъ божковъ. Даже Иловайскаго!

И вотъ повсюду въ школахъ и гимназіяхъ сейчасъ происходятъ такъ называемыя родительскія собранія.

Тѣ самыя педагогическія совѣты, которые еще мѣсяцъ тому назадъ за малѣйшее свободное слово превращали нашихъ дѣтишекъ въ политически неблагонадежныхъ субъектовъ, калѣчили имъ карьеру, уродовали душу, глушили мысль,—эти самыя совѣты приглашаютъ родителей ознакомиться съ ихъ новыми платформами.

Собираются родители, сидятъ и слушаютъ, какъ педагоги рекомендуютъ.

Всѣ говорятъ о будущей жизни и упрекаютъ прошлую.

Всѣ вороны распускали павлиньи хвосты и клялись отнынѣ учить какъ слѣдуетъ, а не глумиться надъ наукой, какъ было до сихъ поръ.

И это было мерзкое, отвратительно циничное зрѣлище. И нѣкоторые родители не выдерживали:

— Какъ!.. Вы сами сознаетесь, что до сихъ поръ были душегубцами нашихъ дѣтей!.. Сами сознаетесь, что по приказанію начальства занимались вытравливаніемъ изъ сердца ребенка всего того, насчителями чего общаетесь стать теперь!.. До сихъ поръ по приказанію начальства вы были безчестными по отношенію къ намъ, обманывали насъ, давали камень вмѣсто хлѣба!.. Неужели же мы повѣримъ, что теперь вы измѣнитесь, переродитесь, только потому, что начальство приказало! Да кто же васъ будетъ уважать, такихъ хамелеоновъ, которые по приказанію начальства не только готовы цвѣтъ жизни переимѣнить, но и вовсе вылезти изъ кожи вонъ!.. Не можете уважать васъ ни мы, родители, ни учащіяся!.. А безъ уваженія нѣтъ воспитанія!..

И въ самомъ дѣлѣ, когда наши дѣти, дѣти свободной Россіи, увидятъ, что по приказанію начальства учителя ихъ переимѣнили фронтъ, они поймутъ, что до сихъ поръ они, эти воспитатели, были рабами.

А можетъ-ли учить свободѣ рабы! И теперь уже они поняли это. Въ той глухой борьбѣ за свободу, которая велась

Клочки изъ моихъ газетныхъ статей.

въ стѣнахъ всехъ учебныхъ заведеній за послѣдніе годы, учителя играли роль ретроградовъ, охранителей, истинно русскихъ людей, порой провокаторовъ, порой шпионовъ, порой палачей—всегда обуздателей всякаго индивидуальнаго яркаго порыва.

А учащіяся, не смотря на культъ сыска, который проводился въ ихъ среду различными Циклиновскими, еп masse оставались всегда прогрессистами.

Митинги среднеучебныхъ заведеній въ университетѣ (700 чел.), въ зданіи путей сообщенія (500 чел.) и наконецъ въ Тенишевскомъ училищѣ (500 чел.) показали блестяще, насколько созрѣли политически ихъ участники.

Они критиковали своихъ учителей не какъ равные, а какъ высшіе низшихъ. И въ самомъ дѣлѣ въ политическомъ отношеніи наши гимназисты и реалисты переросли своихъ учителей.

Еще бы, вѣдь учительскій персоналъ организовался путемъ естественнаго подбора. Выживали либо политически безполые, либо политическіе кастраты, либо политическіе гермафродиты.

Объ идахъ.

О недавнемъ прошломъ и, можетъ быть, недалекомъ будущемъ.

Вспоминается какіе тревожныя два дня провело еврейское населеніе въ Петербургѣ, когда мрачною тучею нависло кошмарное ожиданіе не надъ однимъ только гонимымъ племенемъ.

Негониимыя племена тоже боялись за свою участь, въ особенности тѣ свободные граждане, которые носятъ иностранныя фамиліи.

Массами покидали они городъ, переѣзжали съ частныхъ квартиръ въ гостиницы и номера.

И тамъ дрожали. Иды пришли. Иды прошли.

Бѣглецы возвращаются на свои насиженные мѣста. Но успокоенія мало въ городѣ. Тревога все еще виситъ: тяжелая, плотная, тягучая.

Съ кѣмъ ни заговоришь, одно услышишь въ отвѣтъ: — Погромъ отсроченъ.

Отложенъ, но не отмѣненъ. Иды прошли. Но нужно ждать новыхъ идъ.

И такова вся жизнь еврейства въ Россіи. Все идутъ и ждутъ разныхъ „идъ“.

Возьмите любой номеръ „Восхода“, еврейской газеты.

Ну хоть номеръ 21-й.

Тогда еще Портъ-Артуръ не палъ. Вниманіе всехъ было напряженно обращено на этотъ осажденный городъ.

Объ евреяхъ и не говорили. А между тѣмъ ужасы, которые переживалъ этотъ осажденный народъ, были ничуть не меньше портъ-артурскихъ.

Весь номеръ „Восхода“ былъ написанъ кровью и слезами.

Вотъ отдѣлъ „За недѣлю“. Тутъ шемаяща сердца корреспонденція изъ Александрии, Диковки, Кожеда, Смоленска, Лепелы, Ушачей, Людины, изъ Рѣжицы (Витебской г.), изъ Синно и шести селеній Киевской губ., изъ Тротино, Крейцбургъ, Витебска, Могилева, Книжичей, Сузарей, Вуйничей. Сельцовъ (Могилевской губ.), изъ Чауса, Минска, Гродны и прочее и прочее и прочее, все о погромахъ, да о погромахъ.

Вотъ отдѣлъ пожертвованій. Тутъ и въ пользу по-

страдавшаго отъ погромовъ въ Смѣлѣ, и въ Быховѣ, и въ Могилевѣ, и въ Александріи, и въ Кишиневѣ и т. д.

Одни имена читая, всю географію повторить. А вотъ „Судебная хроника“: шестьсотъ строкъ о гомельскомъ погромѣ да двѣсти о кишиневскомъ погромѣ.

А вотъ за нимъ отдѣлъ „Корреспонденціи и сообщенія“: тутъ уже всѣ строки залиты кровью.

И это не исключительная, а рядовая, рабочая недѣля. У меня какъ разъ есть номеръ „Новаго Края“, газеты, которая издавалась въ осажденномъ Портъ-Артурѣ подъ громъ японскихъ пушекъ.

Васъ поразитъ мирный, слишкомъ мирный характеръ газеты осажденнаго города.

Васъ поразитъ контрастъ содержанія „Новаго Края“ и номеровъ „Восхода“.

Кажется, будто „Восходъ“ издается въ Портъ-Артурѣ.

Кажется, будто эта газета на военномъ положеніи. Кажется, будто Дальній Востокъ перенесенъ на Ближній Западъ.

И всюду кровь... кровь, которую проливаетъ простой народъ.

А въ тѣхъ городахъ, гдѣ еще нѣтъ крови, нависло кошмарное ожиданіе: Иды придутъ!

Нѣтъ надобности повторять тѣ ужасы, которые переживаетъ сейчасъ еврейское населеніе.

Весь Югъ Россіи зальетъ еврейскою кровью. Весь Западъ.

И въ чертѣ и внѣ черты осѣдлости.

Для страданія еврейскаго народа, повторяю, нѣтъ черты осѣдлости.

Кишиневскіе ужасы разразились и въ Москвѣ. Ихъ же ожидаетъ и Петербургъ.

Всѣ четыре свободы обошли стороной осажденное племя.

Оно попрежнему остается на военномъ положеніи. Говорятъ, будто нашъ простой народъ по природѣ юдофобъ.

Нѣтъ, по природѣ это не могло быть. Его сдѣлала такимъ юдофобская политика нашего правительства.

Чѣмъ отвѣтитъ на эту политику? Какъ отвѣтитъ?

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

Отвѣтъ единственный: — Евреи всехъ странъ объединяйтесь!..

ПУЛЕМЕТЪ ШЕЕУЕВА.

Случай съ морскимъ офицеромъ не то въ Кронштадтѣ, не то въ Севастополѣ.

Страничка изъ дѣтской книжки.

ГЛУПЕНЬКІИ МАЛЬЧИКЪ.

(СКАЗОЧКА ДЛЯ ДѢТЕЙ.)

Жилъ-былъ глупенькій мальчикъ. Онъ не берегъ своихъ игрушекъ. Онъ не умѣлъ въ нихъ играть. Какъ станетъ играть, такъ что-нибудь ломаетъ.

Пришелъ мужикъ страшный, страшный. Онъ увидалъ, что у мальчика всѣ игрушки переломаны. Взялъ мужикъ розгу и высклъ мальчика больно, больно. А когда сѣкъ приговаривалъ: — Не ломай игрушекъ! Не ломай игрушекъ!

Теперь мальчику не только играть, а и сидѣть больно.

Вотъ, дѣтки, не будьте глупенькими. Берегите игрушечки. А не то и къ вамъ придетъ мужикъ съ розгою.

Марсельеза.

— Вставай! Поднимайся, рабочий народъ!

Н. Г. Шебуевъ принимаетъ отъ 12 до 1 часа дня (Ковенскій, 14) въ тѣ дни, когда не сидитъ въ тюрьмѣ.
Объявленія въ Пулеметъ принимаются по 5 рублей за строчку петита.

Высылаются наложеннымъ платежомъ слѣдующія книги Н. Шебуева: 1) Негативы изъ „Руси“; 2) „Безъ предварительной цензуры“, — 35 юмористическихъ разсказовъ (изданіе второе съ иллюстраціями И. М. Грабовскаго); 3) „Жизнь въ присядку“ — альманахъ; 4) „Кронштадтскія письма“; 5) „Японскіе вечера“; 6) Негативы изъ „Русскаго Слова“. Цѣна каждой книги 1 рубль.

ПУЛЕМЕТЪ

Текстъ и темы

Н. ШЕБУЕВА.

— Русская свобода родилась на морѣ.

Впередъ.

Спросило разъ Стоячее Болото
У чистаго, прозрачнаго Ручья:

— „Ну, что тебѣ, безумецъ, за охота
„Стремглавъ летѣть впередъ? Взгляни, какъ я
„Въ спокойствіи, въ полудремотѣ вѣчно
„Смотрю вокругъ себя на Божій свѣтъ.
„Волнений тысячи избѣгло, я, конечно,
„Которыя ты встрѣтишь... Мой совѣтъ—
„Останови скорѣй свое движеніе!“
— Нѣтъ, ни за что.—отвѣтилъ Ручеекъ.—
Нѣтъ, никогда!.. Ни на одно мгновеніе!..
Мой труденъ путь, опасенъ и далекъ.

Но я на твой покой его не промѣняю!..
Я знаю хорошо, я превосходно знаю,
Къ чему ведетъ желанный твой покой:
Я—чистъ и свѣтелъ, ты—покрылось тinou.
Ты—окоро высохнешь, я—сдѣлаюсь рѣкой...
На твой покой съ мертвѣющей рутиной
Не промѣняю я движенія!..

ICU

О, друзья!

Не ждите ни единого мгновенія,—
Покой—намъ смерть, а наша жизнь—движеніе...
Впередъ! какъ струи горнаго ручья!..

Казачка.

— Я—Свобода. Неужели ты не узналъ меня?
— Прости, богиня! Я не могу даже дога-
даться, которая ты изъ четырехъ свободъ.

Богиня улыбнулась:

— Смертный, ты вѣришь баснѣ, что суще-
ствуетъ нѣсколько свободъ! Что свободу какъ
сливочное масло можно покупать фунтами!.. Нѣтъ.
я—Свобода—едина, нераздѣльна, вездѣсуща,
бессмертна...

— А у насъ на Невскомъ 18 октября га-
зетчики кричали: „Четыре свободы за три ко-
пѣйки! Четыре свободы за три копѣйки!“

— Перестань. Есть Свобода и есть Несво-
бода. Свобода—это гармоническое сочетаніе
всѣхъ этихъ „истинно-русскихъ свободъ“: тутъ
и „свобода“ совѣсти, и „свобода“ слова, и „сво-
бода“ собраній, и „свобода“ чиханій, и другія
„свободы“... Если же нѣтъ налицо хоть одной изъ
этихъ „свободъ“—нѣтъ и Свободы. Если тебѣ
запрещено чихать тогда, когда хочется, развѣ
ты можешь себя назвать свободнымъ человѣ-
комъ!.. Какъ смѣшны вы мнѣ, когда я вижу,
что вы изъ четырехъ прикосновенныхъ „сво-
бодъ“ пытаетесь слѣпить „дѣйствительную не-
прикосновенность личности“. неприкосновен-
ность,—какое это смѣшное слово! Неприко-
сновеннымъ капиталомъ у васъ называется
такой, къ которому прикасаются рѣшительно
всѣ, а неприкосновенной личностью называется
такая, къ которой... Скажи, къ тебѣ не при-
касались?..

— Я только что изъ тюрьмы и снова осуж-
денъ на годъ въ крѣпость... Скажи мнѣ, бо-
гиня, гдѣ родилась ты? У тебя не русское
лицо.

— Нѣтъ, я русская. Моя родина—Донская
степь...

— Какъ, ты землячка казаковъ!..

Она густо покраснѣла:

— Да, я казачка. Прежде я гордилась этимъ
такъ же, какъ теперь стыжусь этого. Моя ро-
дина, родина Степана Тимофеевича, Ермака,
Емельяна... Могла я гордиться такой родиной!..

— Да. Но твоя родина—родина нагайки.
плети, папахи, родина рабовъ полиціи...

— Не говори, не говори мнѣ этого... Я ма-
ленькой дѣвочкой бѣжала съ родины отъ по-
боевъ, затрепанныхъ и этой самой проклятой нагай-
ки... Бродяжкой скиталась я по большимъ доро-
гамъ, деревнямъ и селамъ великорусскимъ...
Сколько слезъ, горя, лишений пришлось мнѣ пе-
режить... Сначала на меня никто не обращалъ вни-
манія, я чуть не умираю съ голода—босая, не-
взрачная, замухрыжка. Но вотъ послѣ одной но-
чевки подъ открытымъ небомъ въ цыганскомъ та-
борѣ я неожиданно для самой себя запѣла...
У меня оказался голосъ. Цыгане окружили
меня и подтягивали мнѣ и въ глазахъ у нихъ
сверкало счастье. И, когда я окончила, самый

старый изъ цыганъ схватилъ меня за руку:— „Останься съ нами!“— „Что я буду у васъ дѣлать?“— „Мы пойдемъ въ городъ! Хоръ... Отдѣльные кабинеты... Ты совсѣмъ дѣвочка... Господа обожаютъ это“... Я оттолкнула его грубую волосатую руку и снова очутилась одинокой на дорогѣ. Я шла лѣсомъ, полемъ, степью и все пѣла, и все пѣла... И голосъ мой росъ... На постоянныхъ дворахъ и въ деревенскихъ лачугахъ меня слушали. И загорались глаза, и пылали щеки. Объ моей пѣснѣ рассказали уряднику. И онъ слушалъ меня. И въ его глазахъ проснулся тотъ же самый грязный огонь, который напугалъ меня въ цыганѣ. Онъ схватилъ меня за руку:— „Останься со мной... Или... я... донесу“... Я въ первый разъ услышала слово „донесу“. И въ первый разъ инстинктивно поняла, что такое полиція... Онъ хотѣлъ меня изнасиловать, этотъ безобразный пьяный развратникъ. Съ тѣхъ поръ я каждый день слышала слово „донесу“ и каждый день меня кто-нибудь да хотѣлъ изнасиловать. Становой приставъ, урядникъ, желѣзнодорожный жандармъ, лѣсничій, дворникъ, городской, цензоръ, агентъ сыскаго полиціи,— всякая сволочь съ вождѣлѣніемъ смотрѣла на меня, шептала „донесу“, хватала своими плотоядными вонючими руками и запирала въ клоповникъ, въ тюрьму, въ холодную, въ участокъ въ кандалы, отправляла какъ безпаспортную бродягу этапомъ въ Сибирь, въ рудники, въ ссылку, на поселеніе... Я бѣжала въ тайгу, на Волгу, къ боснякамъ, къ студентамъ, къ матросамъ... я хоронила въ кассѣ типографской наборной, я жила безъ прописки въ каморкѣ рабочаго, я ночевала въ углу поэта, въ кабинетѣ ученаго... И всюду меня преслѣдовала вездѣущая всемогущая полиція. И всюду шипѣло, змѣилось, шелестѣло: „донесу, до-

несу, донесу“... Я росла, я хорошѣла, голосъ крѣпъ, грудь наливалась какъ спѣлая слива, и все плотояднѣе становились люди, желающие меня изнасиловать... И все выше, выше рангомъ дѣлались тѣ, изъ чьихъ грязныхъ рукъ приходилось мнѣ выбиваться. Судебный слѣдователь, прокуроръ, коронный судья и министр... О, съ министрами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи мнѣ пришлось пережить такъ много, что вспомнить страшно...

Она вздрогнула.

— Да... Лучше не вспоминать...

— Но развѣ теперь твои страданія окончились? Развѣ теперь тѣ же министры, те же правительство не насилюютъ тебя?...

— Теперь... Теперь мнѣ не страшны правители!.. Мое дѣло—выиграно!.. Побѣда близка!.. Я говорила тебѣ, что всю жизнь меня преслѣдуетъ змѣиный шипъ „Донесу!“... Но я не сказала тебѣ, что смыслъ моей жизни, цѣль и сладость моей жизни въ другомъ словѣ, которое раньше я слышала лишь украдкой, а теперь все чаще и чаще, все громче и громче оно раздастся... Это слово—„Люблю“... Я услышала его впервые изъ устъ хитровскаго босака голоднаго, холоднаго, безпаспортнаго. На грязныхъ нарахъ ночлежки онъ пѣлъ хриплымъ пропитымъ голосомъ пѣсню о своей милрой:

На мнѣ—одни лохмотья, Да, счастливъ, ей давая
На ней—лохмотья тоже. Послѣдній мой ломоть я...
Мо любимъ мы другъ друга Завидуй, бѣгачи, намъ:
И счастливы мы, Боже... На насъ—одни лохмотья!..

Потомъ онъ сладко потянулся и со словами „люблю Свободу“ заснулъ, чтобы проснуться въ участкѣ. Слово „люблю“ чаще и тверже всего мнѣ шептали студенты. И своей жизнью, и своей смертью доказывали свою любовь ко мнѣ. И всего чаще, всего настойчивѣе и тверже звучали признанія въ любви изъ каморъ одиночныхъ заключеній, тюремъ и кандалныхъ... Молодежь плясала танецъ Свободы... А вмѣсто кастаньетъ звучали звенья дѣпей и ручныхъ кандаловъ... Подосѣла великая освободительная война—война японско-русская, освободившая Россію отъ кошмара самодѣлѣнія. Она доказала, что величіе Россіи—идолъ на глиняныхъ ногахъ. Она оскорбила величество Россіи. Она раскрыла языки арміи и флота. Особенно флота. Портъ—Артуръ, Цусима, Балета, Потемкинъ, Кроуштадтъ, Владивостокъ, Севастополь,—вотъ мои этапы! Русская Свобода родилась на морѣ!.. За моремъ пошла земля—вспыхнули свободолюбивые аграрные безпорядки, разгорѣлись страсти пролетарія... Марсельеза зазвучала на улицахъ города и деревни. А за ними пошла и армія... Войска бунтовали: въ Кроуштадтъ, Севастополь, Либавѣ, Ригѣ, Новороссійскѣ, Ека-теринодарѣ, Москвѣ, Харбинѣ, Иркутскѣ, Херсонѣ, Воронежѣ, Кіевѣ... Они возставали во имя мое... Весь народъ возсталъ во имя мое... Побѣда, побѣда!..

— Ну, а какъ-же Дурново?...
— Дурново!.. Тѣмъ лучше, что Дурново!..
— А какъ же Витте?
— Витте!.. Тѣмъ лучше, что Витте!..
— А военныя положенія!.. А казаки!.. А реакція!.. А травля газетъ и журналовъ!.. А правила печати, о забастовкахъ... А совершенно исключительныя мѣры, которыми грозятъ революціонерамъ... Вѣдь реакція жестокая, грубая, тупая, неумолимая какъ буковская чума уже пришла, уже надвинулась!..

— Реакція!.. Чума!.. Тѣмъ лучше!.. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!.. Тѣмъ ближе развязка. Они всѣ—Дурново, Витте, Треповъ, Манухинъ, Балета, Камышанскій, Дубасовъ, Минъ, Фроловъ всѣ каждый по своему служатъ мнѣ,—они сгущаютъ электричество и ускоряютъ ту грозу, которая поразитъ первыхъ же ихъ. И ты, смертный, когда отойдешь въ историческую перспективу, узнаешь и поймешь, что въ моемъ дѣлѣ, въ моей побѣдѣ всѣ эти Мины, Дурново, Плева, Сипягины, Камышанскіе, Іоанны Кроуштадтскіе сыграли, быть можетъ, еще большую роль, чѣмъ Балмашевы, Коляевы, Сазоновы.

Я хотѣлъ возражать. Но богиня въ экстазѣ восклицала:

— Да здравствуетъ Реакція! Да здравствуетъ жестокая, тупая, злорадная, дурново-виттовская реакція!.. Да здравствуетъ голодъ! Буковская чума! Пожаръ аграріевъ!..

— Неужели тебѣ не надоѣло кричать: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!.. Какъ ты жестока!..

— Смертный, смертный!.. Близокъ часъ когда я кричу:—„Чѣмъ лучше, тѣмъ лучше“... А пока—да здравствуетъ Дурново! Да здравствуетъ Витте! Да здравствуетъ Чума! Да здравствуютъ Дубасовъ и Камышанскіе!.. Да здравствуетъ Москва, которая пламенѣетъ! Да здравствуетъ Петербургъ, который молчитъ... Побѣда! Побѣда! Уже ничто не остановитъ меня!..

Такъ кричала гордая казачка Свобода. А изъ нея только что разсѣченной казацкой нагайкой груди капала на-земь алая кровь.

Дорогу женщин!

„За нашу свободу и а-
шу!“ — лозунг польских
возстаній.

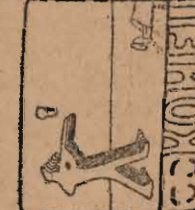
Дорогу Женщин! Безъ горя и заботы
Съ челою ликующимъ иди, иди впередъ
Въ нѣмую даль, дитя. Пусть мелкіе расчеты,
Пусть мелкій эгоизмъ въ сердцахъ мужчинъ замретъ.
Пусть стихнутъ предъ тобой насмѣшки и проклятья
За тотъ кусокъ, что вырвать можешь ты...
Дорогу Женщин! Дорогу шире, братья,
Къ познанью истины, къ познанью красоты...
Прекрасна какъ цвѣтокъ, Она стремится къ свѣту,
Какъ рвется къ небесамъ ликующій цвѣтокъ,
И тотъ, кто преградить дорогу хочетъ эту,—
Презрѣнень, какъ палачъ, и, какъ тиранъ, жестокъ,—
Презрѣннѣй даже ихъ; палачъ не душу,—тѣло
Ударомъ топора сразить однимъ готовъ,
Тиранъ терзаетъ плоть, въ немъ сердце огрубѣло.
Но душу не сковать ему ярмомъ оковъ...
А вы... вы гордый умъ, вы душу, душу-птицу,
Что рвется къ небесамъ свободой подышать,
Хотите запереть въ подземную темницу.—
Цѣпями чернаго невѣжества сковать...
Проклятье вамъ стократъ. Не Женщинъ ли счастьемъ
И жизнью самой вы обязаны своей,
Не Женщина ли Мать съ любовью и участиемъ
Склонялась нѣжно къ вамъ на утрѣ вашихъ дней.
Не Женщина ли Мать съ горячею слезою
Омыла первый вашъ невѣрный, робкій шагъ,
Рыдала изъ-за васъ предъ каждою грозою
И радовалась вамъ за каждый проблескъ благи.
Не Женщина-ль Мечта съ очами херувима,
Съ улыбкой кроткою, вамъ чудилась порой,
Прекрасна, какъ весна, какъ сонъ, неуловима,
Нашептывала вамъ видѣній свѣтлый рой,
Вашъ окрыляла умъ, вамъ очи открывала,
Звала на подвиги, на бой со зломъ звала.
Не Женщина-ль Мечта съ очами идеала
Спасала васъ не разъ средъ пошлости и зла?
Не Женщину-ль поютъ отъ края и до края
Поэты всѣхъ временъ, на миллионахъ пирѣ,
Не Женщину-ль зовутъ они созданиемъ рай,
Не Женщина-ль для нихъ—и муза, и кумиръ...
Художника Мечта, ваятеля идея
Вамъ въ женскомъ образѣ не чаще ли всего
Является и вы, предъ красотой нѣмѣя,
Не въ силахъ удержать восторга своего
И пасть готовы ницъ... Какъ древніе народы,
Готовы Женщину и вы боготворить,
Но искру каждую, но каждый лучъ свободы
Въ сознаниі Ея спѣшите погасить
По праву сильнаго, безправнѣйшему праву...
По праву сильнаго. Жестоки и грубы
Вы и сейчасъ у Ней отнять готовы славу,
Добытую теперь во дни святой борьбы...
Не съ вами ль наравнѣ въ оковахъ и темницахъ
Тираномъ Женщины свобода поправа.
На кровью залитыхъ исторіи страницахъ
Не ихъ ли звѣздами сверкаютъ имена!..
Дорогу Женщинъ... До дна страданій чашу
Ты съ нами выпила. Ты въ ногу намъ идешь,
Съ великимъ лозунгомъ: „За нашу и за вашу
Свободу!“ красныя флаги въ рукахъ своихъ несешь...
Пусть стихнутъ предъ тобой насмѣшки и проклятья
За тотъ кусокъ, что вырвать можешь Ты.
Дорогу Женщин! Дорогу шире, братья,
Къ познанью Истины, Свободы, Красоты...

„Утро дѣлового
человѣка“
или
„Г. Камышанскій
исправляетъ долж-
ность прокурора су-
дебной палаты“.

СВОБОДА

ЖУРНАЛ
СВОБОДА

Похороны старца романа.

Я былъ лысымъ.

Государственный театр.

— Тутъ напе-
чатано „дуракъ“..
Знаемъ мы про кого
это... Арестовать ре-
дантора!.. Конфиско-
вать журналы!..

Прошлое и будущее министра.

Авось овесъ вывезетъ!..

ИЗЪ АЛЬБОМОВЪ

I. Дурново Стаховичу.

Въ другое-бъ время приказалъ
Я васъ схватить и высъчь:
Я на двугривенный укралъ,
А шума на сто тысячъ!..

II. Шебуетъ Камышанскому.

Ахъ, сколько страсти и огня!
Какъ будто вся карьера
Отъ осужденія меня
Зависитъ кавалера.
Какой знатокъ! Какъ гастрономъ,
Смакуетъ оскорбленія.
Онъ джентельменъ, онъ жантильомъ,
Достоинъ повышения!..

Двѣ сказочки.

I. Жукъ.

Жилъ-былъ Жукъ Навозникъ.
Долго онъ жилъ безъ всякаго направленія.
Въ какой сторонѣ посомъ свѣжую добычу
Судя, куда и летѣлъ.
Надѣяно ему жить безъ направленія.
Залетѣлось сдѣлаться народникомъ.
Пошелъ жукъ въ народъ.
А тамъ его чуть лаптемъ не раздавили.
— Плохо быть народникомъ! Буду лучше
идеалистомъ.
И сталъ Жукъ искать идеаловъ посреди на-
возныхъ кучъ.

Но тамъ никакихъ идеаловъ
не оказалось.

Изъ силъ просто выбился
Жукъ,—ничего не нашель.

— Плохо быть идеалистомъ.
Спрошу Сову, что дѣлать.

Полетѣлъ Жукъ къ Совѣ.

— Сова, а Сова, ты всѣ на-
правленія знаешь. Научи, что
мнѣ дѣлать. Пробовалъ я быть
народникомъ—не удалось. Про-
бовалъ я быть идеалистомъ—
не удалось. Скажи мнѣ, какое
направленіе мнѣ подойдетъ.

Замѣялась Сова:

— Хи-хи-хи!.. Какой же ты
идеалистъ!.. Хуху-ху... Какой
же ты народникъ... Ты не на-
родникъ, а навозникъ... Вотъ
твое направленіе, и никакое
другое направленіе тебѣ не под-
ходитъ. Какую хочешь себѣ
кличку придумывай, все равно
останешься навозникомъ.

Вернулся Жукъ домой и
говорить:

— Лучше я буду хорошимъ
навозникомъ, чѣмъ плохимъ
народникомъ.

И записался въ Партію Пра-
воваго Порядка.

II. Лилипутъ.

Былъ я знакомъ съ трупной
лилипутъ.

Будили они городовъ и свою
малорослость за деньги показы-
вали. Всѣхъ ихъ было шестеро.

Пятеро изъ нихъ были привѣт-
ливы и любезны. А шестой всег-
да встрѣчалъ всѣхъ посѣтите-
лей съ высокомерной улыбкой.

И на прочихъ лилипутовъ
смотрѣлъ пренебрежительно.

Разъ я спросилъ его:

— Почему ты такой, чѣмъ
ты гордишься?

Лилипутъ всталъ въ вели-
чественную позу и отвѣтилъ:

— Какъ же мнѣ не гордить-
ся, когда я на полтора санти-
метра ниже самаго маленькаго
лилипута!

А пятеро его товарищей хо-
ромъ подтвердили:

— Какъ же ему не гор-
диться, когда онъ на полто-
ра сантиметра ниже каждаго
изъ насъ! Это ему первому
пришла мысль основать „Союзъ
17-го октября“!..

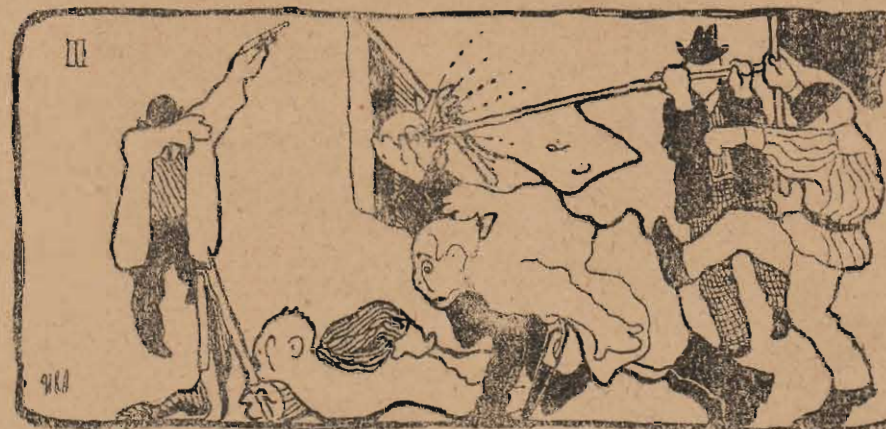
Патріотическая демонстрація.

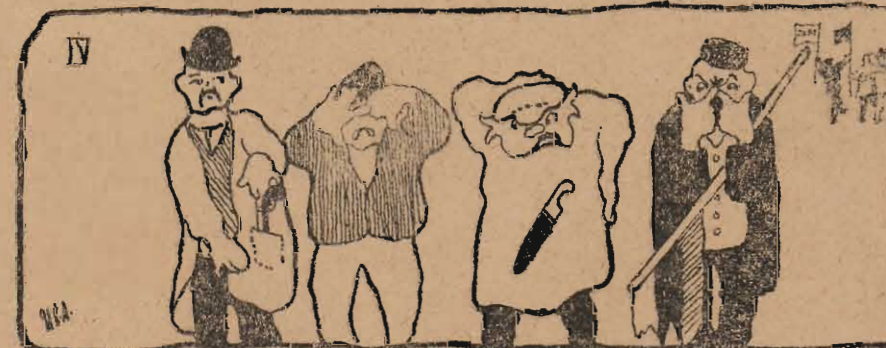
Вотъ четыре патріота,— Встрѣтить ихъ кому охота!

Повстрѣчалась имъ курсистка,— Будетъ ей сейчасъ расчистка!

Расхрабрились выше мѣры Вдругъ имъ встрѣтились эсъ-эры.

Смысль хотя и непріятенъ, Но для каждаго понятенъ.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Какъ слѣдуетъ читать Пулеметъ.

Такъ въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ.
Гули, Богъ ихъ прости...

Въ лѣто отъ сотворенія міра 5665, отъ Рождества же Христова 1905 декабря 3-го дня въ совѣщательной камерѣ С.-Петербургской Судеб-
ной Палаты собрались: его сіятельство петербургскій предводитель дворянства графъ В. В. Гудовичъ, его высокопревосходительство г. стар-
шій председатель с.-петербургской судебной палаты сенаторъ тайный совѣтникъ И. К. Мак-
симовичъ, ихъ превосходительства члены па-
латы дѣйствительные статскіе совѣтники: Н. Ф. Селивановъ, Д. Р. Вилькенъ, И. В. Деларовъ,
П. Ю. Лашкаревъ, петербургскій городской го-
лова Н. А. Рѣзцовъ, новолadoжскій уѣздный
предводитель дворянства Е. А. Шварцъ и во-
лостной старшина с.-петербургскаго уѣзда А.
Гальперъ. Задачею собранія было взаимное
обсужденіе вопроса, какимъ образомъ въ № 1
Пулемета усмотрѣть, какъ можно больше
оскорбленія Величества, съ цѣлью уличъ авто-
ра на каторгу или въ тюрьму. Палатѣ послѣ
долгой возни удалось, по ея мнѣнію, обнару-
жить нѣкую дозу оскорбленія въ треповской
рукѣ и въ „Сказкѣ о Веснѣ“. Но ей было
мало этого оскорбленія Величества. Крови, Яго,
крови... Ей мечталось не о такомъ оскорбленіи
Величества. Вѣдь въ каждой хроникерской га-
зетной замѣткѣ, въ особенности если она гла-
ситъ о безпорядкахъ или злоупотребленіяхъ
чиновниковъ, можно при желаніи усмотрѣть та-
кое же оскорбленіе Величества. Нѣтъ, палатѣ хо-
тѣлось, чтобы Пулеметъ оскорбилъ Величество,
какъ можно основательнѣе и для этой цѣли
номеръ переходилъ изъ рукъ въ руки десятки
разъ. Его трясли, развертывали, нюхали, гля-
дѣли на свѣтъ, складывали по-всякому — пѣ-
тушкомъ, лодочкой, трубкой и глядѣли не
получится-ли основательнаго оскорбленія. На-
конецъ кто-то изъ Колумбовъ воскликнулъ:

— Америка открыта! Ура! — оскорбленіе по-
лучилось. Смотрите.

При этомъ онъ согнулъ какъ-то особенно
Пулеметъ и побѣдоносно размахивалъ имъ:
— На годъ въ крѣпость!

И всѣ радостно вторили, какъ будто нашли
не оскорбленіе Величества, а 200 тысячъ:

— На годъ въ крѣпость! На годъ въ крѣ-
пость!

И черезъ пять минутъ былъ готовъ обви-
нительный приговоръ:

... „Если развернуть названный журналъ такъ, чтобы
последняя его страница пришлась рядомъ съ первой,
то окажется, что изображенный на первой страницѣ съ
наступленнымъ лицомъ и открытымъ, какъ бы кричащимъ
ртомъ, ораторъ указываетъ правою рукою именно на

самъ манифестъ, а то, что ораторъ кричитъ, выражено
полнѣе подъ нимъ „Долой!“

„Этими изображеніями авторъ желалъ въ такой
оскорбительно порицательной формѣ не только оказать
дерзостное неуваженіе верховной власти, но и выразить
порицаніе установленному законами основнымъ образу
правленія, такъ какъ въ силу 80 ст. тѣхъ же законовъ,
власть управленія принадлежитъ Государю Императору
и осуждается издаваемыми Имъ законами манифестъ,
указами и другими тому подобными законодательными
актами. Поэтому вышеприведенный возгласъ „Долой!“
обращенный къ такому, изданному Государемъ въ по-
рядкѣ принадлежащей ему власти по управленію Госу-
дарствомъ акту и возбуждающій къ презрительно дерзкому
игнорированію этого акта, несомнѣнно заключаетъ въ
себѣ явное порицаніе существующаго въ Россіи образа
правленія...

А отъ того и потому
Схватить его и взять въ тюрьму.

Такъ поется въ опереткѣ. И только страст-
ное желаніе добиться оскорбленія Величества
тамъ, гдѣ его нѣтъ, заставило палату прибѣг-
нуть къ такимъ опереточнымъ приемамъ, какъ
чтеніе Пулемета спереди назадъ!..

Всей душой протестую противъ изобрѣтен-
наго особымъ присутствіемъ способа чтенія
Пулемета. Пулеметъ издается для душев-
но-здоровыхъ читателей, а не для маньяковъ
и больныхъ, которымъ придется охота отъ
бездѣля складывать его чортъ знаетъ какъ и
въ такомъ видѣ читать.

Члены Палаты оказались большими пуле-
метчиками, чѣмъ я самъ. По крайней мѣрѣ
меня лично никогда не натолкнуло бы сопо-
ставленіе первой и послѣдней страницъ на
мысль, что ораторъ кричитъ:

— Долой манифестъ! Долой конституцію!..

Въ крайнемъ случаѣ я могъ бы подумать,
если бы мнѣ поклялись, что связь между этими
страницами хотя бы и случайная дѣйстви-
тельно существуетъ, что ораторъ кричитъ:

— Долой кровавую руку съ манифеста!.. До-
лой руку Трепова!..

Но къ рукѣ Трепова Палата не смѣетъ
прикоснуться...

Бойся нарушить принципъ неприкосновен-
ности личности.

И вотъ прикасаются ко мнѣ...

Развѣ журналистъ личность?..

ЖУРНАЛИСТУ.

На мотивъ „Горныя вершины“.

Даровалъ свободу
Слева манифестъ.
На годъ, на два года
Садятъ подъ арестъ.

Требуютъ залога
Гласности кроты
Подожда немного
Посидишь и ты...

Конкурсъ въ Совѣщательной Камерѣ Осо-
баго Присутствія С.-Петербургской Судебной
Палаты 3 декабря 1905 года на соисканіе
преміи за лучший способъ добыванія оскор-
бленія Величества изъ № 1 Пулемета.

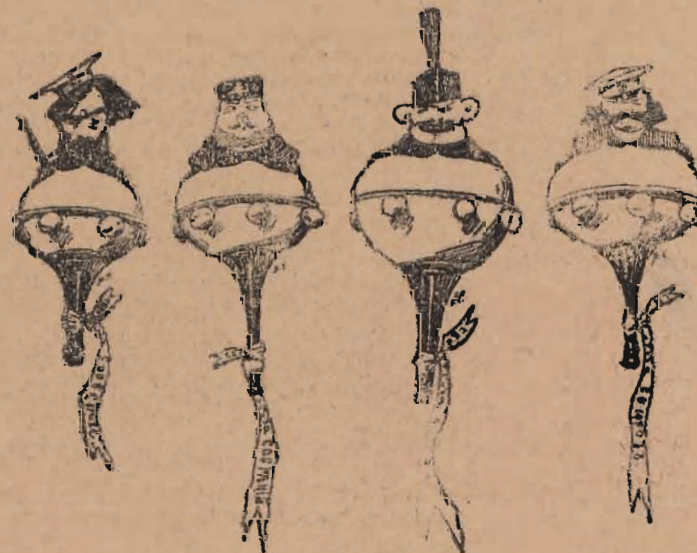
Первый призъ. Пѣтушокъ, сработанный изъ
№ 1 Пулемета членомъ палаты д. с. с. П. Ю. Лашка-
ревымъ.

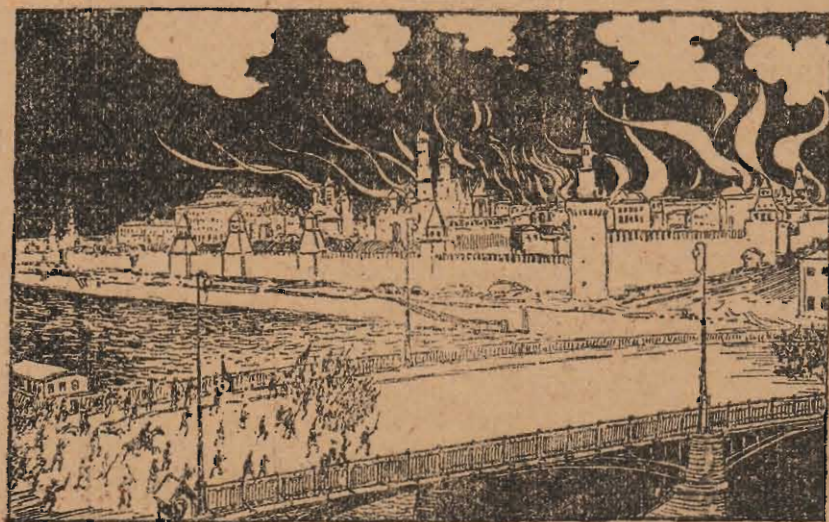
Второй призъ. Лодочка, сработанная изъ № 1
Пулемета членомъ палаты д. с. с. Д. Р. Вилькеномъ.

Погремушки.

Няня, дѣтокъ позовите,
Къ намъ прѣхалъ дядя Витте
И привезъ для нихъ игрушки:
Погремушки, погремушки!
Вотъ въ панашекѣ бараньей
Имя Свободушка Собраній.
Вотъ казакъ другого рода:
Это—Советы Свобода.
Вотъ еще Свобода—Снова—
Бравый видъ городского...
А на нихъ попали въ кузовъ
И Свободушка Союзомъ.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Она пламентъсть, а онъ...

Потеряв теперь всякое политическое значение, сочинение Радищева сохранило, однако, большой историко-литературный интерес.

А. С. Суворинъ

Возмущенные соки мыслію, стремились, мнѣ спящу, къ головѣ, и тревожа нѣжный составъ моего мозга, возбудили въ немъ воображеніе. Нештетныя картины представлялись мнѣ во снѣ, но исчезали, какъ легкіе въ воздухѣ пары. Наконецъ, какъ то бываетъ, нѣкоторое мозговое волокно, тронутое сильно, восходящими изъ внутреннихъ сосудовъ тѣла парами, задрожало долѣе другихъ на нѣсколько времени, и вотъ что я грезилъ.

Мнѣ представилось, что я Царь, Шахъ, Ханъ, Король, Бей, Набавъ, Султанъ, или какое то сихъ названій нѣчто, сѣдѣющее во власти на Престолѣ.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ престола моего толпилось безчисленное множество народа, коего разныя одежды, черты лица, осанка, видъ и станъ, различіе ихъ племени возвыщали. Трепетное ихъ молчаніе увѣряло меня, что они всѣ воли моею подвластны. По сторонамъ на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, стояли женщины въ великомъ множествѣ въ прелѣстнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ одеждахъ. Взоры ихъ изъявляли удовольствіе на меня смотрѣть, и желанія ихъ стремились на предъупрежденіи моихъ, если бы онѣ возро-
дись.

Подобно тихому полуденному вѣтру, помахивающему листьямъ деревьевъ, и любовнаго произвождающему въ дубравѣ шумлѣніе, тако во всемъ собраніи радостное шептаніе раздавалось. Иной, вполголоса говоритъ: онъ усмирилъ вѣдунчихъ и внутреннихъ враговъ, расширяя пределы отечества, покори́лъ тысячи разныхъ народовъ.

своей державы. Другой возмнилъ: онъ обогатилъ Государство, разширилъ внутреннюю и вѣдшнюю торговлю.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА

Сохъ Радищева.

(Путешествіе изъ Петербурга въ Москву въ 1790 г.)

онъ любить науки и искусства, поощрять земледѣліе и рукодѣліе. Женщины съ нѣжною вѣщалью: онъ недалъ погибнуть тысячамъ полезныхъ согражданъ, избавя ихъ до конца еще гибельныя кончины. Иной съ важнымъ видомъ возглашаша: онъ умножилъ государственные доходы, народъ облегчилъ отъ податей, доставилъ ему надежное пропитаніе. Юношество съ восторгомъ руки на Небо простирая рѣкло: онъ милосердіе, правдивъ, законъ его для всѣхъ равенъ, онъ почитаетъ себя первымъ его служителемъ. Онъ законодатель мудрый, судія правдивый, исполнитель ревностный, онъ паче всѣхъ Царей великъ, онъ волю ность даруетъ всѣмъ.

Рѣчи таковыя ударяя въ тимпанъ моего уха, громко раздавались въ душѣ моей.

Похвалы сіи истинными въ разумѣ моемъ изображались, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми ихъ приема душа моя возвышалась надъ обыкновеннымъ зрѣніемъ кругомъ; въ существѣ своемъ разширялась и вся объемля, касалась степеней

трудъ для ревностныхъ исполнителей твоихъ вѣлѣній. Ты рекъ, и грубые строения припасы уже гласу твоему внимлють.—Да отверзется нынѣ, рекъ я, рука щедроты, да изльются остатки избытка на немощствующихъ, сокровища ненужныя да возвратятся къ ихъ источнику.— О всещедрѣ Владыко, всещедрымъ намъ дарованный, отецъ своихъ чадъ, обогатитель нищаго да будетъ твоя воля.—При всякомъ моемъ изреченіи всѣ предстоящіе восклицали радостно и плесканіе рукъ неоглаго сопро-
воджало мое слово, но даже предостереждало мысль. Единная изъ всего собранія жена, облегающая твердо о столпъ, испускала вздохи скорби и являла видъ прѣзрѣнія и негодованія. Черты лица ея были суровы и платье простое. Глава ея покрыта была шляпою, когда всѣ другіе обнаженными стояли главами. Кто сія? вопрошала я близъ стоящаго меня. Сія есть странница намъ неизвѣстная, именуетъ себя Прямовзрой и глазами врачевать.

— Я сямъ Истина. Всевышній подвигнутый на жалость стенаніемъ тебѣ подвластнаго народа, низпрослалъ меня съ небесныхъ круговъ, да отгнужу темноту прощанію зора твоего препятствующую. Я сіе исполнила. Всѣ вещи представляются днѣсь въ естественномъ ихъ видѣ, взорамъ твоимъ. Ты проникнешь во внутренность сердецъ. Неутаится болѣе отъ тебя змія, крывающаяся въ излучинахъ душевныхъ. Ты познаешь вѣрныхъ своихъ подданныхъ, которая въ дали отъ тебя, не тебя любить, но любить отечество: которые готовы всегда на твоё пораженіе, если оно отиститъ порабошеніе чело-вѣка. Но невозмутятъ они гражданскаго покоя безвременно, и безъ пользы. Ихъ призови себѣ въ друзья. Изжели сію горлую чернь, тебѣ предстоящую и прикрывшую, срамоту души своей, позлащеннымъ одеждами. Они те истинные твои злодѣи, зативающіе очи твои, и входя въ твои чертоги воспреещающіе. Единъ разъ являюся я Царямъ во все время ихъ царствованія, да познаютъ меня въ истинномъ моемъ видѣ; но я никогда неоставляю жилища смертныхъ. Пребываніе мое неестъ въ чертогахъ царскихъ. Стража обѣщая ихъ вокругъ и бдящая денноночно стоголазно, воспрещаетъ мнѣ входъ въ оныя.

Если из среды народных возникнуть мужь порицающий дела твои, вбдай, что той есть твой друг искренний. Чуждый належы мзды, чуждый рабского

...онъ — безстрастенъ.

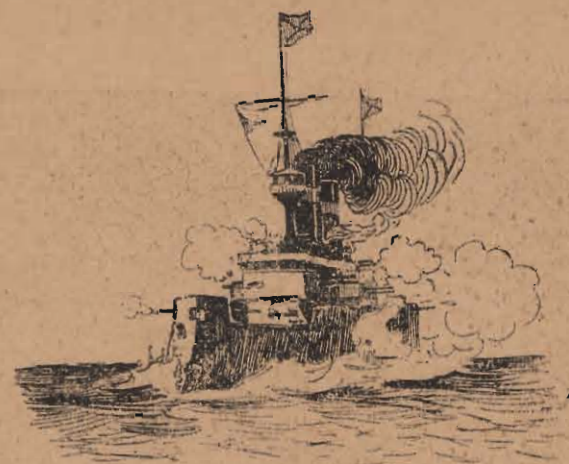
теля. Призови его, угости его яко странника. Ибо всякъ, порицающій Царя въ самовластїи его, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ. Угости его въ-шаю, почти его, да возвратившись возможетъ онъ паче и паче глаголати нелѣтнво. Но таковыя твердыя сердца бывають рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтїи явится на свѣтскомъ ристалищѣ. А дабы бдѣтельность твоя не усыплялася нѣгою власти, се кольцо дарю тебѣ, да возвѣститъ оно тебѣ твою неправду, когда на нее дерзаетъ будущъ. Ибо вѣдай, что ты пераѣхавшій въ общество можешь быть убійца, пераѣхавшій разбойникъ, пераѣхавшій предатель, пераѣхавшій нарушитель общїя тишины, врагъ лютейшїй устремляющїй злость свою на внутренность слабаго. Ты виною будешь, если мать восплачетъ о сынѣ своемъ убиенномъ на ратномъ полѣ, и жена о мужѣ своемъ; ибо опасность плѣна едва оправдать можетъ убійство, виною называемое. Ты виною будешь, если запустѣетъ нива, если племцы земледѣлателя лишатся жизни у тошаго безъ здравыя пищи сосца матерня. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящихъ тебѣ, возри на исполненїе твоихъ вѣдѣній, и если душа твоя несодрогнется отъ ужаса при взорѣ таковомъ, то отыди отъ тебя и чертогъ твой загладится навсегда въ памяти моея.

Искрѣпша странника лице, казалось веселымъ и величественнымъ сіяющее блескомъ. Возрѣніе на нее влило въ душу мою радость. Уже нечувствовалъ я въ ней избытокъ тщеславія и надутости высокомерїя. Я ощущалъ въ ней тишину; волненїе любочестїя и обуреванїе властолюбїя ей некасались. Одежды мои, столь блестящїя, казались замараны кровью и омочены слезами. На перстахъ моихъ видѣлись мнѣ остатки мозга человѣческаго; ноги мои стояли въ тинѣ. Вокругъ меня стояще являлись того скраднѣе. Вся внутренность ихъ казалась черною и сгараемою тусклымъ огнемъ ненасытности. Они метали на меня и другъ на друга искаженные взоры, въ коихъ господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальникъ мой посланный на завоеванїе, утопалъ въ роскоши и веселїи. Въ войскахъ подчиненности небыло; воины мои почитались

хуже скота. Нерадѣли ни о ихъ здравїи ни прокормленїи; жизнь ихъ ни ночью вѣнялася; лишались они установленной платы, которая употреблялась на неужное имъ украшенїе. Большая половина новыхъ воиновъ умирали отъ небреженїя начальниковъ или ненужности и безвременныя строгости. Казна опредѣленная на содержанїе всеополченїа была въ рукахъ учредителя всепоустей. Знаки военнаго достоинства не храбрости были удѣломъ, но подлаго раболѣпія. Я зрѣлъ предъ собою одинаго знаменитаго по словесамъ военачальника, ко-го я стиличными почтилъ знаками моего благоволенїа; я зрѣлъ нынѣ ясно, что все его отличное достоинство состояло въ томъ только, что онъ посоебѣмъ былъ въ наощенїи сладострастїа своего начальника; и на оказанїе мужества небыло ему даже случая; ибо онъ извѣдалъ невидаль непрїятеля. Отъ такихъ то воиновъ я ждалъ себѣ новыхъ вѣнцовъ. Отвратилъ я взоръ мой отъ тысячи бѣдствъ представившихся очамъ моимъ.

Корабли мои назначенные, да прейдутъ дальнѣйшія моря, видѣлъ я плавающими при устьѣ пристанища. Начальникъ полетѣвшій для исполненїа моихъ вѣдѣній на крыльяхъ вѣтра, простерши на мягкой постелѣ свои члены, упоился нѣгою и любовью въ объятїяхъ наемной возбуждательницы его оладострастїа.

Подвигъ мой, коимъ въ ослѣпленїи моемъ душа моя наиболѣе гордилася, отлученїе казни и прощенїе преступниковъ, едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Вѣдѣніе мое, или было совсѣмъ нарушено, обращаясь не въ ту сторону, или не имѣло желаемаго дѣйствїа превратнымъ онаго толкованїемъ, и медлительнымъ исполненїемъ. Милосердіе мое сдѣлалось торговлею, и тому, кто давалъ больше, стучалъ молотъ жалости и великодушїа. Въмѣсто того, чтобы въ народѣ моемъ чрезъ отлученїе вины прослыть милосерднымъ, я прослылъ обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедїантомъ. Удержки свое милосердіе, вѣщали тысячи гласовъ, невозвѣщавъ намъ его великодушнымъ словомъ, если неощущъ его исполнить. Несоплошай съ обидою насмѣшку, въ тяжесть, ея ощущенїе. Мы спали и были покойны, ты возмущилъ нашъ сонъ мы бдѣть нежелали; ибо не надѣчемъ.—Въ созиданїи городовъ видѣлъ я одно расточенїе государственныхъ казны, нерѣдко омытой кровью и слезами моихъ подданныхъ. Въ возвышенїи великолѣпныхъ зданїй къ разточенїю нерѣдко присовокуплялось и непонятїе о истинномъ искусствѣ. Я зрѣлъ расположенїе ихъ внутреннее и вѣншнее безъ малѣйшаго вкуса. Вѣншнихъ принадлежали вѣку Гетфовъ и Вандаловъ. Въ жилищахъ для Муссъ уготованномъ незрѣлъ я люющаго благотворно струевъ Касталїи и Ипокрены; едва пресмыкающееся искусство дерзало возволить свои взоры выше очерченной обычаемъ окружи. Золчіе собственнаго надѣ чертежемъ зданїа, не о красотѣ онаго помышляли, но какъ прибрѣтутъ ея себѣ стяжанїе. Возмущался я моего пышнаго тщеславія и отвратилъ очи мои.—Но паче всего уязвило душу мою измѣненїе моихъ щедротъ. Я мнилъ въ ослѣпленїи моемъ, что ненужная казна общественная, на государственныя надобности, неможетъ лучше употребиться, какъ на вспоможенїе нищаго, на одѣяніе нагаго, на прокормленїе алчущаго, или на поддержанїе погибающаго противнымъ случаемъ, или на яду нерадѣющему о стяжанїи достоинству и заслугѣ. Но коль прискорбно было видѣть, что щедроты мои изливались на богатаго, на лъстца, на вѣроломнаго друга, на убійцу иногда тайнаго, на предателя и нарушителя общественной довѣренности, на уловившаго мое пристрастїе, на снисходящаго моимъ слабостямъ, на жену кичащуюся своимъ безстыдствомъ. Едва, едва досязали слабые источники моего щедроты, застенчиваго достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились изъ очей моихъ, и сокрыли отъ меня толь бѣдственныя представленїа; безразсудной моей щедроты.—Теперь ясно я видѣлъ, что знаки почестей мною раздаваемые всегда оставались въ удѣлъ недостойнымъ. Достоинство неопытное пораженное первымъ блескомъ сихъ мнимыхъ блаженствъ, вступало въ единый путь съ ласкательствомъ и подлостью духа, на снисканїе почестей, всецѣленной смертнѣйшѣ ментѣ; но алача посвѣею отъцы оеи, всегда на первыхъ степеняхъ изнемогала, и доблѣствоваться

было осуждаемо, собственнымъ своимъ одобренїемъ, во увѣренїи, что по чести мірокїа суть пепелъ и дымъ. Вѣня во всемъ толикую превратность отъ слабости моея и коварства министровъ моихъ произтекущую; видя что нѣжность моя обращалася на жену, ищущую въ любви моей удовольстворенїа своего только тщеславія, и вѣншность только свою на улаженїе мое устраивающую, когда сердце ся ощущало ко мнѣ стравшенїе; возрѣвъ я яростїю гнѣва. Недостойные преступники, злодѣи! вѣшайте, почто во зло употребили довѣренность Господа вашего? предстаньте нынѣ предъ судїю вашего. Возтрепещите въ окаменѣлости злодѣяніа вашего. Чемъ можете оправдать дѣла ваши? Что скажете во извиненїи вашемъ? Се онъ, аге же призову изъ хижины униженїа. Прииди вѣщай я старцу, коего созерцалъ въ краѣ обширныя моея области, кроющагося полѣ заросшемъ ихомъ хижиною, прииди облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томившемуся сердцу и возтревоженному уму.—Искрѣпши сіе, обратилъ я взоръ мой на мой санъ, познавъ обширность моего обязанности, познавъ откуда произтекаетъ мое право и власть. Возтрепеталъ во внутренности моея, убоялся служенїа моего. Кровь моя прилила въ жестокое волненїе, и я пробудился.—Еще неопомнявшисъ,

Христолюбивое воинство.

схватилъ я себя за палецъ, но терноваго кольца на немъ небыло. О если бы оно пребывало хотя на мизинцѣ Царей!

Властитель міра, если читая сонъ мой, ты улыбнешся съ насмѣшкою, или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною страница, отлетѣла отъ тебя далеко, и чертоговъ твоихъ гнушается.

Считаю своимъ долгомъ предупредить читателей, что я протестую противъ способа чтенія Пулемета au rebours, изобрѣтеннаго Особымъ присутствіемъ С.-Петербургской Судебной Палаты (см. стр. 9). Я лично рекомендую читать Пулеметъ слѣдующимъ образомъ: сначала пробѣжать первую страницу. Затѣмъ вторую (слѣва направо, сверху внизъ). Окончивъ ее, перейти на третью, потомъ перелистнувъ на четвертую, пятую, шестую и т. д. послѣдовательно до двѣнадцатой включительно. За другіе способы чтенія моихъ мыслей я не отвѣчаю ни передъ судомъ, ни передъ обществомъ.

Пулеметъ не журналъ. У него нѣтъ ни сотрудниковъ, ни подписки, ни объявленій, ни программы, ни сроковъ выхода въ свѣтъ. Поэтому вступать съ провинціальными читателями въ какія бы то ни было обязательства редакторъ не имѣетъ возможности.

Редакторъ не увѣренъ будетъ ли онъ завтра у себя въ кабинетѣ, или въ крѣпости.

Высылаются наложеннымъ платежомъ отдѣльные выпуски Пулемета и слѣдующія книги Н. Шебуева: 1) „Негативы“ изъ Руси; 2) „Безъ предварительной цензуры“ — 35 юмористическихъ разсказовъ (изданіе второе съ иллюстраціями И. М. Грабовскаго); 3) „Жизнь въ присядку“ — Альманахъ; 4) „Кронштадтскія письма“; 5) „Японскіе вечера“; 6) Негативы изъ „Русскаго Слова“. Цѣна каждой книги 1 рубль.

Адресовать: Ковенскій, 14. Н. Г. Шебуеву.

ПУЛЕМЕТЪ

ТЕКСТЪ И ТЕМЫ

Н. ШЕБУЕВА.

— За мной..

Новый Годъ.

Старый Годъ не старецъ хилый,
Не согбенный и сѣдой, —
Онъ Рабочий, гордый силой,
Смѣлый, дерзкій, молодой...
Шелъ онъ, шелъ могучимъ шагомъ,
Каерху голову держалъ,
Шелъ впередъ, съ ружьемъ и флагомъ, —
Былъ тотъ флагъ кроваво-алъ.
Шелъ впередъ. Все разступалось,
Раздвигалось на пути,
Разгоралось, разрушалось
Даже тамъ, гдѣ не пройти.
Шелъ впередъ. Земля дрожала,
Пламенѣли небеса,
Море билось, клекотало,
Вѣтры рвали паруса.
Черезъ январь, февраль кровавый;
Черезъ ужасы весны,
Гдѣ дарятъ безславной славой
Русь Ялони сыны;

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Черезъ юнь, июль съ пожаромъ
Безземельныхъ деревень;
Черезъ августъ, гдѣ кошмаромъ
Превращаетъ въ ночи день
Нашъ великій провокаторъ
Всероссійскій бюрократъ;
Черезъ сентябрь, гдѣ триумфаторъ
Витте, — чортъ ему не братъ;
Черезъ октябрь, гдѣ насъ кадрилию
Тѣшитъ пара паръ свободы;
Черезъ ноябрь, гдѣ камарилью
Вновь почувствовалъ народъ;
Черезъ декабрь съ премьеръ-министромъ
Всемогущимъ Дурново; —
Шелъ впередъ онъ шагомъ быстрымъ
И — окомченъ чуть его:
Дальше — Новый Годъ настанетъ.
Что сулитъ намъ Новый Годъ?
Надругается, обманетъ
Пугремушками свободу,

На развалинахъ-обломкахъ
Водрузить ли Новый Домъ,
Поведетъ ли на построюкахъ
Иль задушить хомутомъ,
Дастъ ли пицу охамъ, ахамъ,
Или счастьемъ безъ конца...
Всѣ съ надеждою и страхомъ
Ожидаютъ пришельца.
Чулъ: Бьетъ полночь... Но на смѣну
Не явился Новый Годъ.
— „Новый Годъ! Сюда на сцену!..
Что жъ ты медлишь!.. Твоя чередъ...
Выходи! Кипитъ и плещетъ
Не шампанское, а кровь...
Выходи — пожаромъ блещетъ
Русь повсюду вновь и вновь...
Принеси успокоенье.
Принеси съ собой елей
Всепрощенья, примиренья,
Слабыхъ духомъ пожалѣй“...
— „Слабыхъ духомъ!.. Прочь съ дороги“, —
Крикнулъ Старый Годъ: — „Кто слабъ,
Въ комъ дрожитъ струна тревоги,
Кто душой или мыслью рабъ!..
Обновленная Россія
На страна теперь работъ...
Я—Мессія, — я Мессія,
Всѣ на мой стекайтесь зовъ...
Года Нового не ждите:
Крови струсилъ, — не придетъ.
Вы опять за мной идите, —
Съ вами я на цѣлый годъ...
Старый Годъ не старъ, я — молодой,
Провести отважно Русь
Сквозь Чуму, Колеру, Голодъ
И Реакцію берусь...
Я — Пророкъ; не успокоюсь
Встрѣтитъ Русь грядущий день. —
Мы пойдемъ въ крови по полямъ
По пожарамъ деревень!
Я — Пророкъ: придется бродомъ
Рѣки слезъ переходить,
Слезъ, что пролиты народамъ, —
Смертью каждый шагъ мучить...
Я — вашъ Вождь и вашъ Товарищъ,
Смѣлю, гордо говорю:
Черезъ зарево пожарищъ
Вы увидите зарю.
Сквозь пожары и погромы —
Голубѣютъ небеса...
Сквозь грозы стихійной грома —
Серафимовъ голоса...
Сквозь неслыханныя бѣды
Городовъ и деревень —
Близокъ, близокъ день побѣды.
Возрожденъа свѣтлый день...
Я — Мессія, я — Мессія,
Наше знамя побѣдитъ!
Потрясенная Россія
Въ мукахъ свой покой родитъ!“

ПЬЯНАЯ.

Она подошла ко мнѣ нагая, вызывающая, циничная.

Ея глаза блестѣли чахоточнымъ блескомъ, на щекахъ горѣлъ румянецъ порока, волосы спутались, тяжелыми прядями упали на полуобнаженные плечи.

Она подошла ко мнѣ и задорно взглянула мнѣ въ лицо.

— Здравствуй! Не знакомъ со мной?.. Такъ познакомимся... Что отворачиваешься?.. Отъ меня, небось, не отвернешься...

Она съ ухарствомъ повела плечами и сильнымъ, взвизгивающимъ голосомъ залихватски гаркнула:

Эх!.. Разсыпался горохъ
По бѣлой тарелкѣ!..
Посадили къ неголяю
Меня на колѣнки!..

— Городовой!—хотѣлъ было крикнуть я,— но мой крикъ потонулъ въ ея разухабистомъ ликаньѣ:

Разсыпалась,
Разстучалась,
Пошла за водой,
Обмочилась...

— Ха!-ха!-ха!..—Ты никакъ городовой крикнулъ... Что мнѣ твой городовой сдѣлаетъ?..

— Отправить въ участокъ для вытрезвления...

— Меня!.. въ участокъ!.. Ха!-ха!-ха!..—Да знаешь ли ты, какъ звать меня?

— И звать не хочу!..

— Я, — Русская Пѣсня... И меня въ участокъ!.. Ну, и насмѣшилъ... Да я въ кабацѣ родилась, въ трактирѣ воспиталась, посередъ веселья разгульнаго вѣкъ своей вѣковала, и ты хочешь меня въ участокъ!.. Ха!-ха!-ха!.. Да я твоему городовому вотъ такъ сдѣлаю, такъ и его обсахарю, и онъ растаетъ...

Тутъ я понялъ, что встрѣтился съ кабацкой Пѣсней.

— Закрыли кабаки, такъ думаете и веселью русскому конецъ?.. Думаешь, что на меня наплевать можно да каблукомъ раздавить... Въ отставку меня, какъ поется:

Плещетъ миленькій записку:
Ты мнѣ болѣе не нужна,
Я нашелъ себѣ модистку,
Модистка очень хороша.

Нѣтъ! меня раздавить не раздавите, скорѣе на ножку мозольки настукаете... Сжился со мной русский человекъ. Не отдерешь меня отъ его веселости, и отъ грусти его не отдерешь!

Эх!.. Мальчишечка-бѣдняжечка.
Онъ склонилъ свою головушку...
Онъ склонилъ свою головушку
Да на правую сторонушку...
Что на правую, да на лѣвую.
Красной дѣвицѣ на грудь бѣную...
На груди лежалъ, тяжело дышалъ,
Тяжело дышалъ „прощай“ сказать:—
„Ты прости-прощай, красна дѣвица...“
„Красота мнѣ твоя очень нравится...“
„А любовь наша скончается!..“

Она сдѣлалась неузнаваемой: вмѣсто звѣвающихъ вакхическимъ смѣхомъ взвизгиваній изъ ея груди вылетали протяжные, удручающие стоны. Глаза потухли, задорныя пряди волосъ опустились. Плечи все еще вздрагивали, но это было вздрагиваніе рыдающей женщины. Безысходная грусть свѣтилась въ каждомъ словѣ этого речитатива и выжимала слезы у меня изъ глазъ.

— Что?.. распоточился? Нюни распустилъ... взгрустнулось?.. Ну, сади, сади меня въ участокъ... А что какъ я въ самомъ участкѣ гаркну:

Червя, бубны, виноградъ!
Чѣмъ мой малый выловать?!

Да предъ самымъ частенькимъ приставчикомъ-то, козыремъ, козыремъ... да спою ему добру молодцу:

Ты чапрасно, Ваня, ходишь,
Понапрасу ножки бьешь...
Ты невесты не получишь,
Везъ сапогъ домой придешь...

На, молъ, меня. Протрезвляй, тверезый, бабу пьяную.

Закипѣли сацвары на столѣ,
Зацумѣли всѣ угары въ головѣ...
А барышни собираются!..
Въ путь-дорогу снаряжаются!..

И вдругъ она выкинула такое колѣнце, что мнѣ пришлось отвернуться.

— Отворачиваешься!.. Ха!-ха!-ха!.. Нѣтъ, братъ, отъ меня не отвернешься!

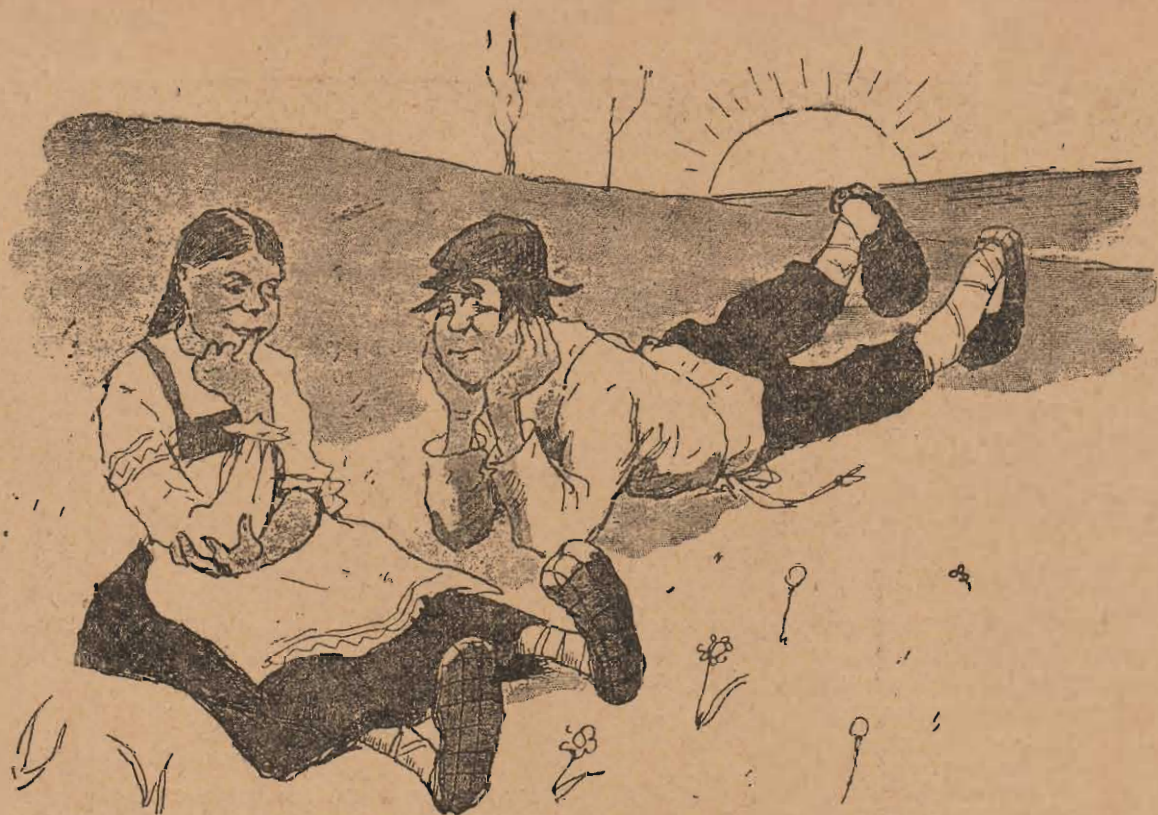
Эхъ, мамашка, кричу крикомъ
Полтавожки шей со скрипомъ...

Потрезвить меня вздумать... Пѣсню рассею! Да меня двадцать столѣтій не протрезвили... А ты однимъ участкомъ вздумалъ... Протрезви! попробуй!.. Много во мнѣ хмельнаго, полугарнаго... Зародилась я по пьяному дѣлу, да и развилась не по тверезому... Потому и душа русская весела по пьяному дѣлу, да и грустна не по тверезому... Раздави меня, — Руси веселіе пить и пѣти!..

Она помолчала, почесала у себя въ затылкѣ и добавила:

— Вѣками я сложились, вѣка и отрезвлять меня... съ души начинай отрезвлять. Когда души будутъ трезвы—тогда и пѣсни будутъ трезвыя. Я—душа народная. Бывалась я тебѣ изъ кабака на свѣжій воздухъ, поцѣла по улочкамъ, переулочкамъ, встрѣчайте меня неожиданную, непроценную... Шиде дорогу!.. Чѣмъ какъ не мной будетъ хохотать народъ русский? Чѣмъ какъ не мной будетъ плакать?!

— Я не противъ пѣсни... Я противъ цинизма...

— Ха!-ха!-ха!.. прикорсечивать меня што ли хочешь!.. Обкокачивать какъ какую-нибудь шансонетку!.. Ну, нѣтъ, братъ, я въ „Польки-монопошки“ не гожусь... Изъ меня слова не выкинешь... Вѣками это слово въ меня вколачивалось, вѣками оно и выколачиваться будетъ... Ты душу сперва русскую прикорсечь, а потомъ и я сама собой приподтянусь. И тогда взамѣсто пѣсни кабацкой разольется пѣсня новая—монопошная...

— Ну, прощай, до свиданія!..

Она пошла отъ меня, беззаботно напѣвая:

Жена моя, женушка,
Сердитое сердце мое...
Посмотрите, добры люди,
Какъ жена мужа не любитъ,—
Не глядитъ на него,
Все ругаетъ его,
Къ людямъ ходитъ личикомъ,
Къ нему ходитъ плечикомъ...
Я поѣду, я уѣду,
Во Китай-городъ гулять,—
Женѣ платку покупать...

И отъ этой пѣсни пахнуло мнѣ въ лицо и средневѣковымъ Китай-городомъ, и домостроевской плеткой, и понялъ я, что бороться съ Пѣснью трудно. Каждое слово ея закрѣплено вѣками и его не выкинешь участкомъ.

И мнѣ хотѣлось крикнуть ей вдогонку:

— Слушай! Русская Пѣсня. Отчего ты поешь про кабаки да про неволю? Почему ты глуха къ опружающей жизни? Смотри, все вокругъ, даже сами камни, кричатъ о свободѣ. Упави

ухомъ къ сырой землѣ, ты услышишь, что и она поетъ:

Вставай, подымайся, рабочій народъ!..

Неужели тебѣ не стыдно, что русскій народъ, русская земля, русскіе камни вопіютъ къ небу на мотивъ французской марсельезы!.. Неужели не стыдно, что и тебя, дитя свободы, раздавила, придушила, измочалила вѣковая цензура режима... Неужели тебѣ не стыдно видѣть, какъ ты спилась!..

Но она уже была далеко. Она шла пошатываясь со стороны въ сторону. Я ничего не крикнулъ ей.

Но мнѣ кажется, что она сама запѣла на мотивъ марсельезы:

Вставай, подымайся, рабочій народъ!..

Пулеметъ объявляетъ конкурсъ на сочиненіе взамѣнъ марсельезы русскаго гимна. За условіями гг. композиторовъ прошу адресоваться лично и письменно: Ковенскій, 14, кв. 10, отъ 12 до 2 ч. ежедневно. Первая премія — 100 руб., вторая—50, третья—25.

Требуется, чтобы сочиненіе было написано и à capella и для рояли.

Срокъ подачи сочиненій 1 февраля.

Хороводная.

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой, дидъ Ладо, сѣяли, сѣяли...

— А мы смугу сѣяли, сѣяли.

Ой, дидъ Ладо, сѣяли, сѣяли...

— А мы смугу вытопчемъ, вытопчемъ.

Ой, дидъ Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ...

— А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?

Ой, дидъ Ладо, вытоптать, вытоптать...

— А мы коней *) выпустимъ, выпустимъ.

Ой, дидъ Ладо, выпустимъ, выпустимъ...

— А мы коней переймемъ, переймемъ.

Ой, дидъ Ладо, переймемъ, переймемъ...

— А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?

Ой, дидъ Ладо, перенять, перенять...

— А мы возьмемъ молодца, молодца.

Ой, дидъ Ладо, молодца, молодца...

— Не пойдетъ къ вамъ молодецъ, молодецъ.

Ой, дидъ Ладо, молодецъ, молодецъ...

— А мы дадимъ сто рублей, сто рублей.

Ой, дидъ Ладо, сто рублей, сто рублей...

— Не возьметъ и тысячу, тысячу.

Ой, дидъ Ладо, тысячу, тысячу...

*) Очевидно казацкихъ.

—: Сказка о Манухинъ :—

Жилъ-былъ Манухинъ.
Долго онъ жилъ безъ всякой личности.
Никакой физиономіи у него не было, а за-
мѣсто лица была пустышка.

Бывало подойдетъ
къ зеркалу и шутить:

— Хорошо мнѣ
такъ. Ей-Богу, хорошо.
По крайности бриться
не надо. И кредиторы
на улицѣ не узнаютъ.

А дѣлопроизводи-
тель ему вторить:

— Вамъ бы, ваше
превосходительство,
въ министры пойти.
Никакихъ бы такихъ
покушеніевъ не было.

Вздохнеть бывало

Манухинъ. Про себя подумаетъ:

— Далеко кулику до двадцатаго числа!

А вслухъ прибавить:

— Ну-ка, давай бумаги подписывать. Все въ
исправности?

И вдругъ дѣлопроизводителя слова сбылись.

Умеръ Муравьевъ. Нужно было на мѣсто
его посадить кого-бы побезличнѣе.

Вспомнили про Манухина:

— Ба! Да вѣдь у него никакой физиономіи
нѣтъ.

Призвали
Манухина:

— Пока-
жись.

Лицо чи-
стое. Ника-
кихъ особыхъ
примѣтъ вродѣ
носа, бровей и тому
подобнаго нѣтъ.

— Будешь
всѣмъ про-
чимъ мини-
страмъ погра-
флять?

— Буду.

И сталъ Ма-
нухинъ мини-

стромъ юстиціи.

И какъ былъ безличнымъ, такъ безличнымъ
и остался.

Даже курьеры въ судѣ спрашиваютъ:

— Это какой такой Манухинъ? Съ лица-то
онъ какъ выглядитъ?

— Никакъ не выглядитъ.

Только надоѣло Манухину безъ личности
жить:

— Министръ. А ежели на улицу выйду
такъ никакого мнѣ уваженія нѣтъ. Знакомые
даже не кланяются, — не узнаютъ. Пойду къ
Дурновѣ.

— Дурновъ, а Дурновъ! Хочу получить физио-
номію.

— То есть какъ это физиономію?

— Чтобы меня всѣ узнавали и всѣ кланялись.

— Ишь чего захотѣлъ.

— Разрѣши элексиру для роженія волосъ
на казенный счетъ купить. Пусть брови выро-
стутъ. Стыдно безъ бровей.

— Купи. Только самъ отсчитывайся.

Выросли у Манухина на казенный счетъ
брови.

Только ему этого мало. Пошелъ опять къ
Дурновѣ:

— Хочу быть съ усами. Разрѣши на ка-
зенный счетъ бинтъ для усовъ купить.

— Эхъ ты, Манухинъ! Тебѣ бинтъ не по-
можетъ. А ты лучше наклей себѣ усы. Пусть
другіе-прочіе думаютъ, что у тебя свои усы,
а у тебя — министерскіе. Иванъ Ивановичъ, от-
пустилъ министру усы и бородку посвѣжѣе...
Запишите за гороховымъ отдѣленіемъ.

Пришелъ Манухинъ домой съ усами и съ
бородкой. А только ему этого мало.

Черезъ три дня опять къ Дурновѣ.

— Дурновъ, а Дурновъ! Хочу чтобы носъ
выросъ. Дай заграничную командировку. Ихніе
доктора, говорятъ, такую операцію дѣлаютъ,

что послѣ нея носъ можетъ вырасти. Хочу
быть съ носомъ!..

— Ишь чего захотѣлъ. Ну, заграничной коман-
дировки я тебѣ не дамъ. А съ носомъ будешь.
Иди спокойно домой.

Пришелъ Манухинъ домой, А на столѣ у него
уже отставка лежитъ.

И сталъ Манухинъ съ носомъ.

А Акимовъ — министромъ юстиціи.

Дѣтки, если у васъ нѣтъ личности и слава
Богу. Не старайтесь ее приобрести.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Вотъ мчится тройка
удалая
Вдоль по дорогѣ стол-
бовой—
Три вѣдъмы старыхъ,
воя, лая,
Тряся лохматой голо-
вой:—

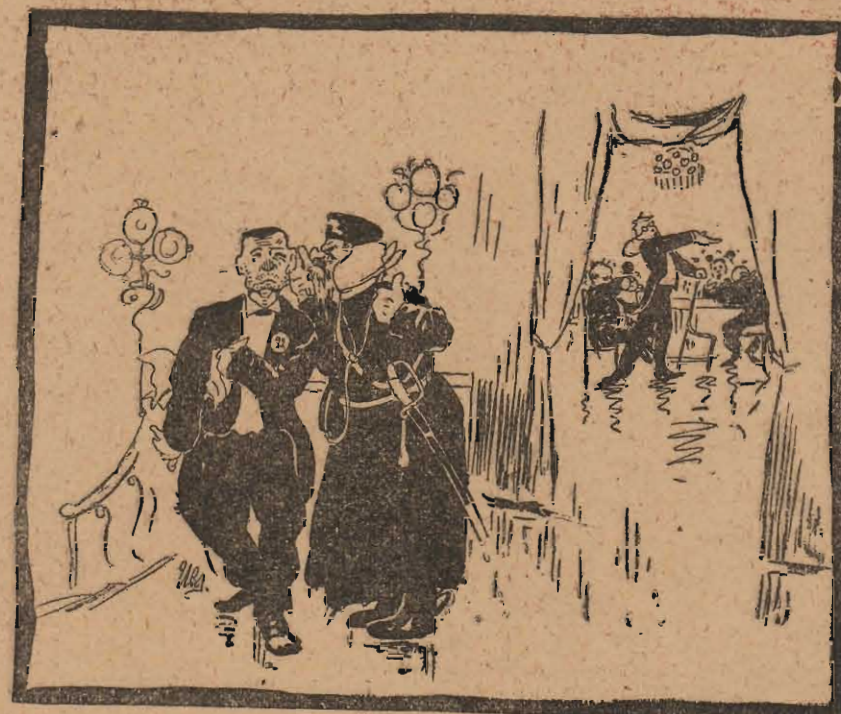

Чума, Реакція, Холера,
А править — Голодъ
(Недоробдъ)...
А впрочѣмъ, „Приняты
всѣ мѣры“...
Пусть не волнуется
народъ...

Въ началѣ
1905 года.

— Вставай, подымайся, рабочій народъ!

— О чемъ говорили господа и что требовали?

— О чемъ говорили—не знаю. А требовали больше Нарзанъ...

Въ началѣ
1906 года.

— Вставай, подымайся, рабочій народъ!

— Мы требуемъ!.. Наша платформа!..

Бюрократы работают.
Народъ наблюдаетъ.

— Ахъ, Государствен-
ная дума!..

Старый режимъ.

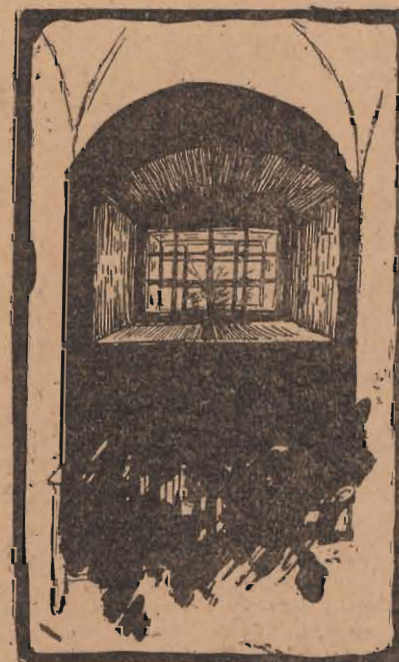
Въ началѣ
1905 года.

Народъ работаетъ.
Бюрократы наблюдаютъ.

— Ахъ, Государствен-
ная дума.

Новый режимъ.

Въ началѣ
1906 года.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

О ДОХЪ.

Превосходная у отца Григорія Петрова доха. Чудесная доха. Хоть полъ-Петербурга обыщи, а другой такой дохи не сыскать.

Привезъ онъ ее изъ Сибири и похожъ въ ней на какого-то сибирскаго звѣря. Ей-Богу.

До того похожъ, что, когда онъ изъ Москвы въ Питеръ по чугункѣ прѣхалъ, въ „Новомъ Времени“ препечатали:

„Въ Петербургъ прибылъ священникъ звѣрскаго вида. Повидимому о. Гапонъ“.

Прочиталъ это отецъ Григорій и засмѣялся.

— Видно не человѣкъ красить шубу, а шуба человека. Вотъ у меня какая чудесная доха: и сама въ печать угораздила и меня въ Гапоны произвела.

И сталъ о. Григорій свою доху любить пуще прежняго. Только напрасно онъ радовался раньше времени, да дохой хвастался.

Сталъ онъ вдругъ замѣчать, что у его подъезда днемъ и ночью торчатъ какіе-то гороховые люди.

— Что за притча такая. Чуть надѣну я свою доху, да выйду прогуляться на улицу—глядь-поглядъ ужъ изъ-за угла образина гороховая выглядываетъ. И куда ни пойду,—она всюду за мной. Даже оторопь беретъ—ужъ не грабитель-ли какой выслѣживаетъ.

А разъ утромъ кухарка прибѣжала къ нему, вся въ слезахъ:

— Батюшка баринъ, пропала наша головушка! За нами слѣдятъ!

— Кто слѣдитъ...

— Извѣстно кто... Сыщики.

— Кто это тебя такія глупости сказалъ. Нечего за мной слѣдить. Ни на мнѣ, ни за мной ничего нѣтъ подозрительнаго.

— А доха-то... Сгубить она тебя-батюшка, окаянная...

— Какую ты нескладницу выдумала.

— Вотъ тѣ и нескладница... Дворниковой Машкѣ кривой сами сыщики хвастались... Двое къ твоей дохѣ представлены,—денно и ночью слѣдятъ.

Мнѣ объ этомъ самъ о. Григорій Спиридонъ разсказывалъ:

— Надоѣло страшно. Не знаю что дѣлать. Научите какъ развязаться съ дохой. Не хотите ли я ее вамъ подарю.

— Благодарю покорно. Во-первыхъ, у меня уже есть одна доха, за которой правительство денно и ночью слѣдитъ,—Пулеметъ. Пока номеръ печатается, полиція разъ десять заглянетъ. А во-вторыхъ, вамъ гораздо проще переслать вашу доху на Шпалерную въ домъ Предварительнаго Заключенія на храненіе отъ моли. Тамъ ее заключать въ камеру № 207, которая, пока я на волѣ, свободна отъ постоя. По крайней мѣрѣ она у васъ до амнистіи цѣлой останется. А будетъ амнистія—вашу гапонью доху освободятъ.

Такъ о. Григорій, кажется, и сдѣластъ. Тутъ будетъ и сказкѣ конецъ. Но сказка безъ морали мертва. А морали тутъ двѣ.

Мораль первая:—глупости болтаютъ, что Россія близка къ разоренію. Если у правительства хватаетъ средствъ для того, чтобы слѣдить за шубами, значитъ еще до банкротства далеко.

Мораль вторая:—глупости болтаютъ, будто о. Гапонъ подпалъ подъ амнистію. Если ужъ правительство такъ слѣдитъ за дохой, которая будто бы похожа на ту доху, въ которой онъ будто бы бѣжалъ за границу, колыми паче оно слѣдитъ за самимъ о. Гапономъ.

А выслѣдивъ развѣ не схватило бы оно его моментально и не посадило бы въ... на храненіе отъ моли.

А все-таки чудесная у о. Григорія доха. Жаль только, что она политическая.

БЪЯНКА.

Итальянская баллада.

Донъ Сергѣо Конто Витто
Съ Донъ-Шиповымъ пили
водну *).

На балконѣ предъ тавер-
ной,—

Вдругъ увидѣли красотну...
То цвѣточница Вероны—
Гордость дѣвъ-веронскихъ—
Бьянка,

По прозванью дель-Кампана.
Молодая итальянка
Подошла и предложила
Розъ гирлянду симъ синьо-
рамъ.

Донъ Сергѣо Конто Витто
Въ мигъ ее окинулъ взо-
ромъ

И подумалъ: что за пре-
лестъ!

Сложена она на диво:
И стройна и граціозна
И эффентна и красива.

— „Если къ этой розѣ
гирляндѣ

„Поцѣлуй ты дашъ въ при-
дачу,

„Я куплю ее охотно.

„Только цѣну самъ назначу...“

Улыбнулась тонко Бьянка

По прозванью дель-Кампана:

— „Я боюсь, синьоръ, покупка

„Будетъ вамъ не по карману:

„Вѣдь и водна и закуска

„Отпускается навѣрно

„Вамъ въ кредитъ и долгосрочный

„Содержателемъ таверны...

„Мы жъ, цвѣточницы, на книжку

„Никогда и не торгуемъ

„Даже розами, повѣрьте,

„А не то, что поцѣлуемъ...“

Отвернулся Конто Витто,—

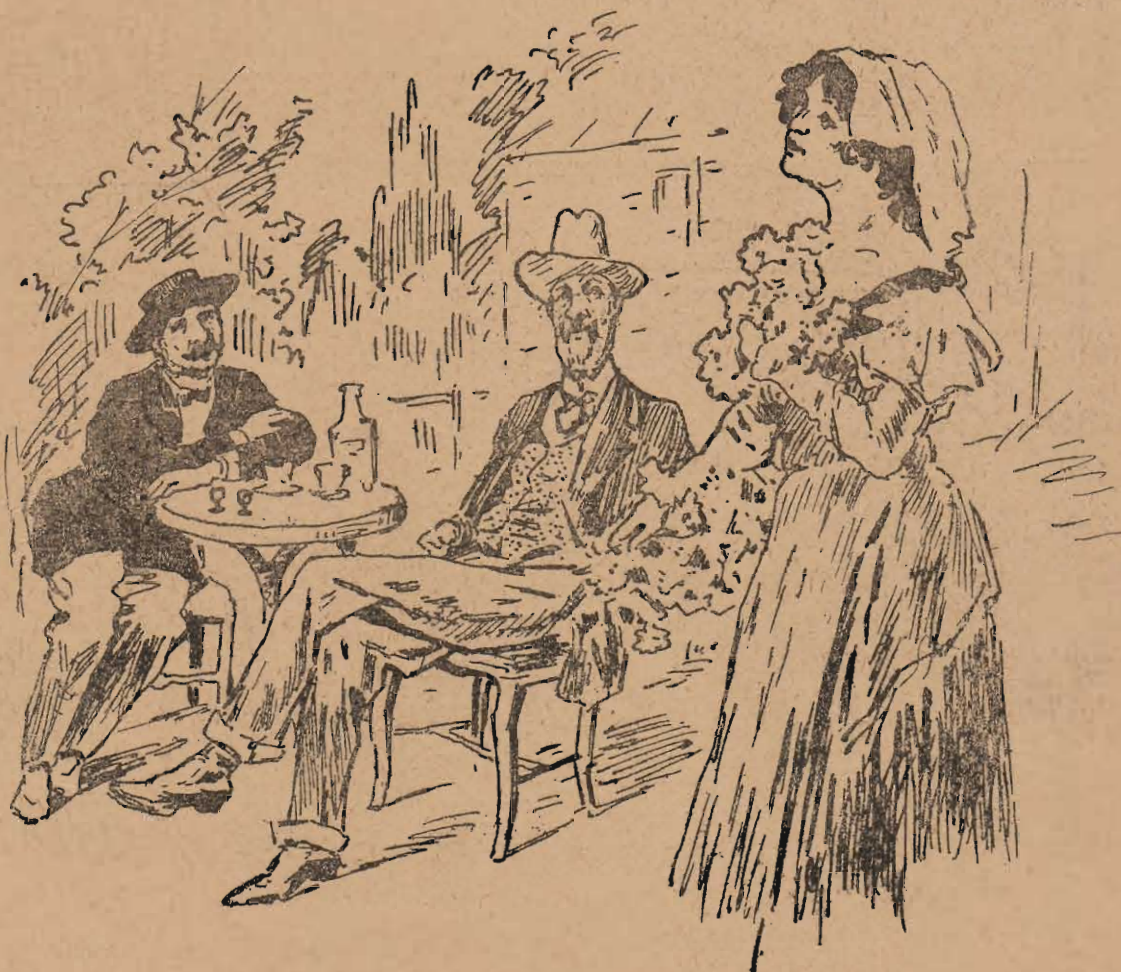
Что отвѣтитъ ей на это?

У него въ карманѣ, правда,

Нѣтъ ни одного пезетта **).

**) Итальянскій семишникъ. А можетъ быть и испанскій. Справьтесь по Брокгаузу.

*) Итальянскую.

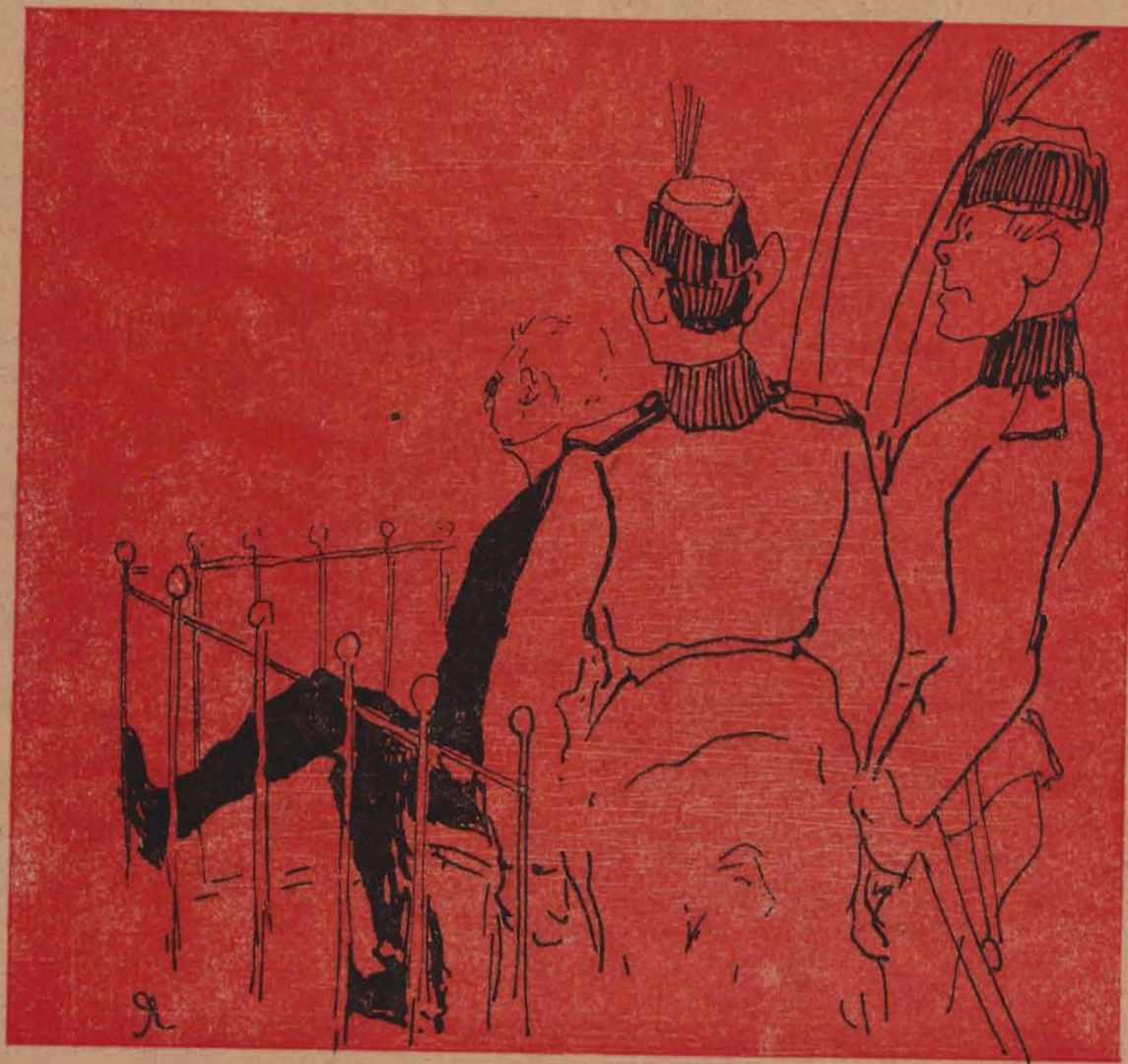
Рядъ волшебныхъ измѣненій милаго лица.

— 3 а. м н о й.

ПУЛЕМЕТЪ

Текстъ арестанта Н. Шебуева
и
прокурора П. Камышанскаго.

По всѣмъ, по тремъ! — НАЧАЛО.

По всѣмъ, по тремъ.

Сегодня меня судятъ. По всѣмъ по тремъ статьямъ заразъ: по 103 ст. (наказаніе—каторжные работы), по 128 ст. (ссылка на поселеніе), по 1038 ст. (тюрьма до двухъ лѣтъ).

Я не могу себѣ даже представить, что будетъ со мной, если меня упекутъ сразу по всѣмъ по тремъ.

Семь городовъ спорили о чести быть родной Гомера.

Три области будутъ спорить о чести быть мѣстомъ моего успокоенія: Сахалинъ, Сибирь и Шлиссельбургъ.

Въ концѣ концовъ меня раздерутъ на части: одну отправятъ экспрессомъ на Сахалинъ, другую этапомъ въ Сибирь, а третью будутъ хранить подъ стекляннымъ колпакомъ въ Шлиссельбургской крѣпости.

Послѣдняя часть, послѣ всеобщей амнистии поступитъ въ зоологическій музей въ ту камеру, гдѣ хранятся петровскіе монстры.

Еще бы, вѣдь, я теперь самый чрезвычайный политическій преступникъ въ Россіи, такъ сказать, преступникъ-экспрессъ.

Быть можетъ, это манія величія. Но не судебная ли Палата сдѣлала меня маньякомъ, на курьерскихъ ведя мое дѣло и обставляя его такими чрезвычайными мѣрами, которыя положительно заставляютъ меня проникаться сознаниемъ исключительной важности мною содѣяннаго.

Вчера я рылся даже въ своей генеалогіи: ужъ не являюсь ли я въ самомъ дѣлѣ претендентомъ на чувашскій, черемисскій, мордовскій, или казанскій престолъ.

Но положительно нѣтъ. Клянусь вамъ чѣмъ угодно, даже головою Марголина *), что я никакихъ правъ, не смотря на то что казанскій уроженецъ, ни на одинъ изъ вышеперечисленныхъ престоловъ не имѣю, и никогда горделивыми мечтаніями себя не обольщаль.

Первою чрезвычайною мѣрою примѣненной ко мнѣ былъ незаконный обыскъ въ мое отсутствіе, безъ представителей прокуратуры **) и жандармеріи ***), учиненный полицией ка-
богажваго плаванія.

*) Для меня сейчасъ на свѣтѣ мой защитникъ С. П. Марголинъ самый дорогой человѣкъ.

**) За г. Камышанскимъ жена до сихъ поръ считаетъ визитъ.

***) Я лично визитами не считаюсь.

Послѣ него въ городѣ острили:

— За всю японскую войну русскимъ не удалось взять ни одного непріятельскаго пулемета. Вчера же ихъ отобрано у непріятеля Шебуева нѣсколько сотъ!.. Побѣда!..

Неудачная острога. У меня тоже русскимъ не повезло—не удалось забрать ни одного пулемета. И въ типографіи, и у меня на квартирѣ было распродано все до послѣдняго экземпляра.

Вторую чрезвычайною мѣрою было вверженіе меня безъ суда и слѣдствія въ темницу мрачную.

Я былъ такъ возмущенъ, что рѣшился на политическую голодовку à la Чириковъ *) и съ этою мыслью заснулъ.

Просыпаюсь—въ моей двери звенить ключъ. Тюремщикъ спрашиваетъ:

— Вамъ какой обѣдъ политическій или арестантскій?

Меня разобрало любопытство и я, позабывъ о голодовкѣ, отвѣтилъ:

— Конечно, политическій!..

Въ половинѣ двѣнадцатаго подали обѣдъ. Въ супѣ было дѣйствительно больше политики, чѣмъ навару. А жаркое было дипломатически разрѣзано на мелкіе кусочки, чтобы его можно было ѣсть ложкой, избѣгая ножа и вилокъ.

*) Получена телеграмма, что Чириковъ вчера скушалъ яичницу и слѣдовательно свою голодовку прекратилъ.

Помните популярную фабричную пѣсню:

Дайте ножикъ, дайте вилку—
Я зарѣжу свою милку!..

Тюремщикъ счелъ эти мирные столовые инструменты наиболѣе пригодными для самоубійства и мнѣ не далъ.

Самоубійствомъ было ѣсть этотъ политическій обѣдъ. Но отъ скуки я его съѣлъ. И такъ моя голодовка тоже не удалась.

Третьей чрезвычайной мѣрой былъ отказъ мнѣ замѣнить денежный залогъ поручительствомъ.

Я предлагалъ въ поручители сначала эсэра, потомъ эсэ-дека, потомъ кадета, предлагалъ большевика твердаго, большевика мягкаго, предлагалъ меньшевика, унизили до того, что предложилъ даже парочку пепепековъ *)—сухого и полусухого, но ничѣмъ не тронулъ прокурора Камышанскаго.

Камышанскій объявилъ, что онъ принадлежитъ къ Партіи Прокурорскаго Надзора къ Фракціи Сухихъ Манухинцевъ.

И въ отвѣтъ на мою просьбу увеличилъ залогъ съ 3 до 10 тысячъ.

— Манухинъ повелѣлъ!

Я долго недоумѣвалъ къ чему было Манухину соваться въ наши личныя денежныя дѣла съ Камышанскимъ, пока меня не вывела изъ недоумѣнія г-жа Саренъ,—освободившая меня изъ тюрьмы.

Вотъ страничка изъ моего дневника, напечатанная въ „Руси“.

Сегодня у меня была г-жа Саренъ, давшая прокурору Камышанскому подѣ закладъ моихъ четырехъ совсѣмъ новенькихъ, неподдержанныхъ свободѣ 10,000 рублей.

Она пришла, чтобы рассказать мнѣ удивительную вещь:

— Вы меня не узнали, а я была у васъ разъ зимой прошлаго года въ пріемѣ по дѣлу г-жи Штейнъ, обманомъ выманившей у меня деньги. Вы тогда много писали о продѣлкахъ этой великосвѣтской аферистки, творившей разныя безобразія именемъ сенатора Марковича и Побѣдоносцева. Вы упомянули между прочимъ и о моемъ дѣлѣ, давъ тѣмъ ему законный ходъ. Долгъ платежомъ красенъ. Вы мнѣ помогли, а я вамъ теперь. Но дѣло не въ этомъ. Узнавъ изъ газетъ, что вы выпущены на свободу мной, вчера г-жа Штейнъ немедленно прискакала ко мнѣ.

— Неужто это правда, вы освободили Шебуева?

— Правда!—говорю.

— Что вы надѣлали. Вѣдь вы сами сдѣлались политической преступницей!

— Глупости, — говорю.

— Не вѣрите, я вамъ сейчасъ привезу изъ сыскной полиціи Мечислава Кунцевича! Вамъ грозитъ арестъ, неприятности! Вѣдь вы знаете, я во всѣхъ дворцахъ свой человекъ. Захочу, васъ назначу председательницей какого угодно благотворительнаго общества съ шестью тысячами содержанія, а захочу—упеку васъ въ тартарары. Сегодня же вѣлю у васъ сдѣлать обыскъ: Амбургеръ, Марковичъ, Манухинъ (вѣдь мой „другъ“, фонъ-Дейчъ, женатъ на сестрѣ Манухина), судъ въ моихъ рукахъ! Вы можете сейчасъ же занять ту камеру, гдѣ сидѣлъ г. Шебуевъ, стоитъ мнѣ только Мечиславу Кунцевичу приказать.

А я говорю:

*) Партія Праваго Порядка.

— Не боюсь!.. убирайтесь вонъ изъ моего дома! Тогда она перестала меня пугать, начала умаливать:

— Ради Бога, возьмите назадъ отъ Камышанскаго ваши 10,000 р. Я согласна вамъ платить за это. Хотите сейчасъ 1,000 руб., да каждый мѣсяцъ буду вамъ привозить по 1,000 рублей.

— Во-первыхъ, убирайтесь вонъ!.. Я вовсе не торгую чужой свободой. Дѣйствуйте черезъ своего „родственника“ Манухина и вашихъ родственниковъ Амбургеровъ, и черезъ вашихъ родственниковъ Марковичей. А во-вторыхъ, если у васъ есть деньги, такъ верните лучше мнѣ тѣ 2,000 р., которыя вы получили, воспользовавшись подписью будто бы министра Ермолова. Впрочемъ, если вы такъ не дадите, все равно я заставлю васъ судомъ!..

Она запальчиво крикнула:

— Ничего не заставите! Судомъ ничего не добьетесь! Манухинъ мнѣ свой человекъ. Да кромѣ того у меня столько долговъ, что все равно придется бѣжать за границу, а Шебуева вашего я все равно засажу. Я во всѣхъ дворцахъ свой человекъ. А Камышанскому отъ Манухина, вотъ вы увидите, какъ достанется.

И мы разстались.

— Эта гнусная сцена, — сказала мнѣ г-жа Саренъ, — происходила даже при постороннихъ свидѣтеляхъ. Такъ въ своей злобѣ забылась, обезпамятовалась эта удивительная авантюристка — продуктъ режима Побѣдоносцева, Марковича и компаніи. Я считаю своимъ долгомъ предупредить васъ, чтобы вы были на-готовѣ. Пока у власти Манухинъ, „родственникъ“ г-жи Штейнъ, все можетъ случиться. Вѣдь задерживаются же годами въ судѣ нечистыя дѣла г-жи Штейнъ!

Такъ вотъ причина, почему на мое дѣло г. Манухинъ обращаетъ такое серьезное вниманіе. Не хочется вѣрить, что это такъ, а между тѣмъ слишкомъ много данныхъ, подтверждающихъ это дикое предположеніе. А я то все на Трепова думалъ!

Значитъ приказъ отказать мнѣ въ поручителѣ и накинуть цѣну на мою свободу полученъ прокуроромъ не отъ Манухина, а еще болѣе свыше—отъ русской Ѳемиды г-жи фонъ-Штейнъ.

Четвертою чрезвычайною мѣрою было преданіе меня суду вопреки заявленію судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ о неимѣніи въ моемъ дѣлѣ состава преступленія.

Прокурору подѣ угрозой выхода въ отставку (какъ писали газеты) было приказано найти въ моемъ дѣлѣ составъ.

И составъ былъ найденъ. Кажется, динамитъ.

Въ то время, когда Революція надвигается со всѣхъ сторонъ у г. Манухина важнѣйшимъ дѣломъ считается юмористическое дѣло о красной рукѣ Трепова!..

Съ моимъ дѣломъ торопятся такъ, какъ будто бы я поколебалъ основы государства и отъ моего осужденія зависитъ задержаніе Революціи по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ.

Пятою чрезвычайною мѣрою было преданіе меня суду негласному.

До того негласному, что въ засѣданіе не впускаются по приказанію свыше даже присяжные повѣренные *).

*) Какъ мой Марголинъ пройдетъ не знаю. Пожалуй и меня не пустятъ, вѣдь я тоже пом. прис. повѣреннаго.

Боятся, что я соврашу ихъ въ свою вѣру, заражу ихъ политическою пропагандою, погублю ихъ души...

И это въ наше время, когда даже камни, тѣ самые камни на обязанности которыхъ было безропотно ложиться, образуя стѣны и фундаменты, даже эти самые камни вопіють:

— Долой!..

Сегодня меня судятъ по всѣмъ по тремъ.

Я отвожу здѣсь моему процессу такъ много мѣста не только потому, что онъ связанъ съ судьбой Пулемета органической связью, а и потому, что онъ является яркою иллюстраціею современнаго русскаго суда.

Что Манухинъ имъ свыше прикажутъ, въ пунктуальнѣйшемъ видѣ докажутъ.

Моей „Сказкѣ о Веснѣ“ повезло.

Она появилась въ англійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, и польскихъ газетахъ и вездѣ съ язвительными, ироническими комментаріями по адресу нашей свободы слова и нашего свободного суда.

Эти комментаріи сдѣлались бы еще язвительнѣе, если бы авторы ихъ видѣли подлинный текстъ обвинительнаго акта, который я цѣликомъ и привожу ниже.

Взрослые бородатые люди тратятъ, особенно драгоцѣнное теперь, время на изложеніе своими словами моей сказочки и на доказательство того, что я четырьмя строками петита покушаюсь на низверженіе государственнаго строя путемъ „воззванія возбуждающаго вражду въ крестьянскомъ сословіи противъ другого выс-

шаго сословія, названнаго въ статьѣ общимъ именемъ господъ“.

Какъ сильны и талантливы должны быть четыре строчки, если даже напечатанный петитомъ въ юмористическомъ изданіи, недоступномъ крестьянамъ по цѣнѣ и по тону, разошедшемся исключительно въ городѣ, онѣ надѣлали столько переполоха.

Сколько рабочихъ часовъ отняли онѣ и у слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, и у прокурора, и у охранниковъ, и у чиновъ тюремнаго вѣдомства, и у судей, и у министра юстиціи, и у полиціи.

Если бы подсчитать сколькими сотнями рублей (ежели не тысячами) оплатитъ государственное казначейство эти рабочіе часы своихъ чиновниковъ...

И это въ наше время, когда въ Россіи каждый грошъ на счету...

Когда надвигается Революція и уже надвинулся Голодъ...

И имъ этимъ бородатымъ людямъ, не стыдно брать трудовыя крестьянскія деньги за эту юмористическую игрушечную защиту „сословія господъ“ отъ Пулемета...

Стыдитесь, господа!

Мнѣ—стыдно сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ, потому, что я привыкъ смотрѣть и на судъ, и на зданіе суда, и на скамью подсудимыхъ, какъ на вещи серьезныя, а не какъ на игрушки въ рукахъ какой-нибудь г-жи фонъ Штейнъ, если бы даже она сама была урожденной Манухиной.

Я привыкъ уважать скамью подсудимыхъ.

Во всемъ мірѣ нѣтъ мѣста серьезнѣе этого мѣста.

Это—Голгофа.

Сколько борцовъ за свободу, сколько богатей духа, сколько достойныхъ удивленія апостоловъ правды сидѣли на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сейчасъ сижу я, и смотрѣли какъ клѣютъ носомъ господа Гредингеры, по ошибкѣ читающіе не ту резолюцію.

Да былъ такой случай съ г. Гредингеромъ. Онъ „по ошибкѣ“ прочелъ резолюцію по дѣлу, которое еще не слушалось“.

Всякія бываютъ „судебныя“ ошибки.

Меня судятъ съ сословными представителями.

Еще бы. Присяжный судъ не годится для такихъ преступниковъ какъ я. Не та марка.

Почему же въ числѣ сословныхъ представителей я не вижу представителя открытаго г. Камышанскимъ „сословія господъ“.

Впрочемъ это все—господа. Судъ коронный—это судъ господъ.

Время народнаго суда еще не наступило. Оно идетъ, это время. Оно не замедлитъ явиться.

И тогда не будетъ ни такихъ министровъ, какъ Манухинъ, ни такихъ процессовъ, какъ мой...

Слушайте, слушайте:

Обвинительный актъ.

13-го ноября 1905 года, въ городѣ С.-Петербургѣ, былъ выпущенъ въ свѣтъ первый номеръ иллюстрированнаго сатирическаго журнала подъ заглавіемъ „Пулеметъ“, изданный потомственнымъ дворяниномъ Николаемъ Георгиевичемъ Шебуревымъ, который, какъ это значилось на первой страницѣ журнала, — являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и составителемъ всего текста означеннаго номера.

Въ журналѣ этомъ оказалась помѣщенная статья подъ заглавіемъ „Сказка о веснѣ“, въ которой авторъ, описывая въ аллегорической формѣ страну, находящуюся подъ властью православнаго Царя, изобразилъ послѣдовательныя чувства, мысли и дѣйствія Царя въ отношеніи своего царства и своихъ подданныхъ. — По смыслу этой сказки, вся страна, застигнутая зимней порой, была скована морозомъ, а Царь, глядя на это, искренно радовался и опасался лишь одного: какъ бы зима не смѣнилась весной, признаки которой уже появились въ его владѣніяхъ. — Но грустную царскую думу разсѣяли два дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтника Доносъ Ивановичъ и Недоносъ Пантелеевичъ, которые, выслушавъ волю Царя о томъ, чтобы „весны вовсе не было“, послали гонцовъ во всѣ стороны съ приказами губернаторамъ „не пускать весны изъ заморскихъ странъ“, а для этого прибѣгать къ разнымъ строгостямъ и рубить головы всѣмъ тѣмъ, кто осмѣлится сказать, что весна приближается. — Тѣмъ временемъ, Царю приснился сѣдой старичекъ, который обратился къ нему со слѣдующими словами: „Ты хотѣлъ все дѣлать по доброду, а вышло не по хорошему. Изъ окна твоего, изъ косящата, тебѣ крыши видны лишь, да маковки. А что тамъ подъ ними дѣется, невдомекъ тебѣ, Православный Царь. Не видать тебѣ изъ окошечка ни большихъ дорогъ, ни проселочныхъ. Не видать тебѣ, какъ сѣдой морозъ, словно камнемъ ихъ трупомъ выложилъ. Не видать тебѣ, какъ природа вся истомилася, изстрадавшая, поджидаячи Весну Красную“. Проснувшись, Царь позвалъ Доноса Ивановича и Недоноса Пантелеевича и распорядился, чтобы всѣ встрѣчали весну „съ хлѣбомъ-солью, съ пѣснью-пляскою“, но тѣ возразили, что сдѣлать этого невозможно, такъ какъ ими уже разосланы „циркулярики-соколики“ о томъ, чтобы весну сковать и въ тюрьму ввергнуть, вслѣдствіе чего отъ весны, вѣроятно, ничего не осталось и вся она издергана-измочалена. — Тѣмъ не менѣе Царь сказалъ, что онъ хочетъ весны и чтобы ему дали весну „хоть куцую“. — И куцая весна была подана, съ военными положеніями, да съ погромами еврейскими, да съ погаными козаченками, да и съ тою-ли черною сотнею. И по всей землѣ стономъ стонъ пошелъ“.

Сверхъ того въ томъ же номерѣ журнала на послѣдней страницѣ оказался напечатаннымъ полный текстъ ВЫСОЧАЙШАГО Манифеста отъ 17-го октября 1905 года, — а на текстъ былъ воспроизведенъ красной краской рисунокъ, изображающій отпечатокъ окровавленной ладони, внизу-же текста Манифеста имѣлась надпись: „Къ сему листу Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ Треповъ руку приложилъ“.

Наконецъ, въ означенномъ номерѣ была помѣщена статья, озаглавленная „О марсельезѣ“, въ которой авторъ Шебуревъ говоритъ, что свобода слова выразилась сначала въ пѣниіи пѣсни рабочей марсельезы, начинающейся словами: „Вставай, подымайся, рабочий народъ. Иди на враговъ людъ голодный...“, но что затѣмъ эта пѣсня была замѣнена крестьянской марсельезой, которую теперь и поютъ 24 губерніи, охваченныя аграрными безпорядками. — При этомъ авторъ статьи, перефразируя вышеприведенныя слова пѣсни, заканчиваетъ статью тѣмъ, что звуки крестьянской марсельезы: „Вставай, подымайся, крестьянскій народъ. Иди на господъ, людъ голодный...“, — заглушаютъ рабочую марсельезу.

Упомянутый журналъ „Пулеметъ“ былъ напечатанъ въ типографіи товарищества „Трудъ“, откуда всѣ экзemplары номеровъ, въ количествѣ 9,488 были выданы частью самому Шебуреву, а частью, по его распоряже-

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУРЕВА.

(По статьѣ 1036 ул. о нак. — Тюремное заключеніе).

(По статьѣ 103 ул. о нак. — Каторга не свыше 8 лѣтъ).

(По статьѣ 128 ул. о нак. — Ссылка на поселеніе).

По всѣмъ по тремъ! — КОНЕЦЪ.

нѣ, были распроданы и переданы разнымъ другимъ лицамъ, занимающимся продажей газетъ и журналовъ. Въ самой же типографіи не осталось ни одного номера, точно такъ же какъ не оказалось ни одного номера и на квартирѣ у Шебуева во время производства тамъ обыска 13-го того же ноября.

Привлеченный къ возникшему предварительному слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, Николай Георгіевичъ Шебуевъ, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что упомянутый номеръ журнала „Пулеметъ“ былъ дѣйствительно составленъ и распространенъ имъ, обвиняемымъ, но составляя вышеприведенныя статьи и рисунокъ, онъ вовсе не имѣлъ намѣренія оскорбить ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА или сказать дерзостное неуваженіе Верховной Власти или, наконецъ, возбудить вражду въ одной части населенія противъ другой, при напечатаніи „Сказки о веснѣ“ и текста Манифеста съ изображеніемъ окровавленной руки онъ, Шебуевъ, имѣлъ въ виду показать наглядно, какъ лучшія пожеланія и велѣнія ГОСУДАРЯ искажаются исполнителями этихъ велѣній и въ частности генераломъ Треповымъ, въ статьѣ же подъ заглавіемъ „О марсельсѣ“ онъ, обвиняемый, выразилъ лишь ту мысль, что аграрныя волненія являются гораздо болѣе серьезными, чѣмъ рабочее движеніе и что эти волненія могутъ превзойти всякія ожиданія, — при чемъ для фигуральности выраженія этой мысли, прибѣгъ къ перефразировкѣ рабочей марсельсы.

На основаніи изложеннаго, потомственный дворянинъ, Николай Георгіевичъ Шебуевъ 31 года обвиняется въ томъ, что 13 ноября 1905 года, въ городѣ С.-Петербургѣ, распространилъ составленный и изданный имъ печатнымъ способомъ первый номеръ иллюстрированнаго журнала подъ названіемъ „Пулеметъ“, въ которомъ:

1) съ цѣлью возбудить неуваженіе къ Особѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, нынѣ царствующаго, — помѣстилъ статью подъ заглавіемъ „Сказка о веснѣ“, въ каковой статьѣ дозволилъ себѣ, въ формѣ дерзкой и язвительной насмѣшки, отозваться о личныхъ дѣйствіяхъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, оскорбительныхъ для достоинства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА образомъ;

2) помѣстилъ на послѣдней страницѣ полный текстъ ВЫСОЧАЙШАГО Манифеста отъ 17-го октября 1905 года, а на текстѣ воспроизвелъ краской рисунокъ, изображающій отпечатокъ окровавленной руки, слѣлалъ подъ текстомъ надпись: „Къ сему листу Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генераль-Маіоръ Треповъ руку приложилъ“, — и путемъ помѣщенія этого произведенія печати оказалъ дерзостное неуваженіе Верховной Власти и допустилъ порицаніе установленнаго Верховнаго Управленія Государственнаго.

и 3) напечаталъ статью, озаглавленную „О марсельсѣ“ и заключающую въ себѣ воззваніе, возбуждающее вражду въ крестьянскомъ сословіи противъ другого высшаго сословія, названнаго въ статьѣ общимъ именемъ господъ.

Преступленія эти предусмотрены 1 ч. 103 и 128 ст. угол. улож. и 1036 ст. улож. о нак.

Вслѣдствіе этого и на основаніи 2 п. 1036, 2 п. 1034 и 1213 ст. уст. угол. суд. Николай Георгіевичъ Шебуевъ подлежитъ суду Особаго Присутствія С.-Петербургской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Сегодня меня судятъ. Я не оправдываюсь, а защищаюсь. И одинъ изъ видовъ защиты — печать. Меня судятъ при герметически закупоренныхъ дверяхъ. Я — раскрываю двери. У суда есть генераль-прокуроръ — Манухинъ. Судьи обращаются къ нему съ телефономъ въ рукахъ. У меня — генераль-адвокатъ — Общественное мнѣніе. Я апеллирую къ нему съ Пулеметомъ.

ПУЛЕМЕТЪ

ТЕКСТЪ И ТИПЪ

Н. ШЕВЧЕВА.

У баррикады. — Начало.

Татьяна.

„Мучитель велѣлъ рвать
ей тѣло бритвами, но—чудо!—
изъ ранъ ея текла не кровь,
а молоко, и въ воздухъ рас-
пространялось благоуханіе“.
„Житіе Св. Татьяны“.

Толпа всколыхнулась, какъ гладь океана,
И слышится робкаго шопота всплескъ:
— „Святая Татьяна! Святая Татьяна!“
И дѣва предстала предъ капищемъ. Блескъ
Очей лучезарныхъ, горѣ устремленныхъ...
На пыткой недавней щекахъ утомленныхъ
Играетъ улыбка и волны волосъ
Упали на дѣвственно-чистыя плечи,
И, словно невеста къ обѣщанной встрѣчѣ,
Татьяна къ Северу спѣшитъ на допросъ.
И вздрогнулъ Северъ. И мелькнула тревога
На властно-безстрастномъ челѣ полубога.
— „Не воля моя-ль ослѣпила вчера
„Святую Татьяну!.. Мои палачи
„Вонзали ей въ очи стальные мечи,
„Ей тѣло стальными когтями съ утра,
„Съ утра до заката терзали. И кровь
„Лилась, обагрятъ боговъ алтари...
„А нынѣ я вижу сіяніе вновь
„Очей лучезарной улыбкой зари...
„Исчезли слѣды отъ мучительныхъ ранъ!“
И въ мрачномъ раздумьѣ замолкнулъ тиранъ.
И смотритъ сердито.
Одѣта въ виссонъ и плащи златотканые,
Замолкла вокругъ раболѣпная свита
Изнѣженной знати. И благоуханная
Курильницы дымкой своей синеватою
Лобзаютъ подножье боговъ алтаря,
Блестящее златомъ, какъ блещетъ заря...
И стелется дымъ надъ толпою, объятою

Смущеніемъ и страхомъ. Воскликнулъ Северъ:

— „Святая Татьяна, слѣпа и убога
„Гонимая вѣра въ Распятаго Бога,
„А римская вѣра превыше всѣхъ вѣръ!
„Пади предъ богами! Молись у подножія,
„Иль въ пыткахъ найдешь ты жестокой конецъ“!

— „Да сбудется воля надъ грѣшницей Божіа:

Мученья за вѣру—желанный вѣнецъ!..

Умру славословя Небеснаго Бога!..

А идолы ваши—созданья людей,
Созданія мертвыя тлѣна земного—

Изъ мраморныхъ глыбъ, изъ холодныхъ камней!

Красивы они красотой человѣка,
И прокляты будутъ отъ вѣка до вѣка!..“

И чудо свершилось: разрушился храмъ
И падаетъ идолъ къ Татьяны ногамъ.

Толпа всколыхнулась, какъ гладь океана,
И слышенъ народа смущеннаго крикъ:

„Святая Татьяна! Святая Татьяна!
„Великъ твой Распятый! Распятый великъ!“

И восемь вчерашнихъ лютѣйшихъ гонителей,
Христа славослова, склонились предъ ней

И вѣры Христовой горячихъ ревнителей
Нашла въ нихъ Татьяна. И кровью своей

Крестились всѣ восемь: ихъ кесарь Северъ
Велѣлъ послѣ пытокъ мечомъ обезглавить,

Но въ страшныхъ мученьяхъ Распятаго славить
Они не устали. Могучій примѣръ

Терпѣнья Татьяна сама подавала, —
Средь страшныхъ мученій къ нимъ братски зывала:

„Мужайтесь! Мужайтесь! — вамъ въ небѣ награда!
Мученій вѣнецъ — христіанамъ отрада!“

Северъ изрекаетъ все новыя казни:
„Татьяну безславьте! Надъ ней надругайтесь!

Ей бритвами въ перси нагя впивайтесь!..
И вновь ослѣпите!..“ Но все безъ боязни

Она переноситъ и къ небу съ молитвами

Опять устремляетъ взоръ свѣтлыхъ очей:
И молить: „Спаситель, спаси палачей!“
И чудо свершилось: лишь острыми бритвами
Ей въ тѣло впились палачи обнаженные,
Изъ тѣла не кровь — молоко благовонное
На землю струилось, и бѣлыя лиліи
Кругомъ расцвѣтали...
Рука палачей опустилась въ безсиліи,
Уста же шептали:
„Великъ твой Спаситель! Распятый великъ!“
И свѣтомъ небесъ озаряется ликъ
За вѣру, за Бога терпящей Татьяны.
И вдругъ раздается гармонія крылъ, —
То ангеловъ хоръ лучезарныхъ закрылъ
Крылами ея обнаженные раны,
Стыдливыя перси и блѣдныя руки...
Но кесарь безумной борьбой ослѣпленный,
Увидя Татьяну опять исцѣленной,
Спѣшитъ ей придумать все новыя муки:
Святую бросали въ темницу ко львамъ,
Ее на высокому крестѣ распинали,
Ее заушали, ей въ очи плевали,
Но тишето... Изъ ранъ—исходилъ еиміамъ,
И лвы ей лобзали съ покорностью ноги,
И рушились идолы, падали боги
Къ Татьяны ногамъ. Небесами хранимая
Въ мученьяхъ осталась она невредимая...

И Ты, лучезарнаго неба посланница,
Свободная Мысль, отовсюду изгнанница,
Не мало страдала страданьемъ Татьяны:
Сжигала Тебя на кострѣ инквизиціи,
Давила цензура, казаки, полиція,
И чернь побивала камнями рьяно,
Тебя заушали, душили, тиранили,
Тупыми мечами фанатиковъ ранили,
Бросали въ темницу къ двуногимъ звѣрямъ, —
И самъ Галилей къ лже-боговъ алтарямъ
Предъ кликою Мысли тирановъ сплоченною
Склонялся покорно главой обнаженною...
Но чудо свершалось Тобою: отъ вѣка
Какъ будто небесною силой хранимая,
Ты, Мысль, возставала съ костровъ невредимая
И къ небу, какъ прежде, звала человѣка.
Лишь только цѣпями, ручными оковами
Тебя закуютъ, палачами суровыми
Низвергнуть ко львамъ въ подземелье темницъ.
Какъ Ты изъ темницы кричишь Галилеемъ:
„А все же вертится“.—И мы не умѣемъ
Убить Твоей вѣры и падаемъ ницъ.
И рушатся храмы, и въ прахъ лже-боги
Предъ Мыслью побѣдной ничтожны, убоги!..

9 ЯНВАРЯ

Граждане, помогите Правительству!!

пока еще не графъ Дурново укралъ казеннаго овса.

Но вѣдь отъ хорошей жизни не станешь красть, отъ хорошей жизни не станешь мѣнять убѣжденія на каждомъ шагѣ!

Значитъ, имъ жилое не сладко и они вынуждены были силою обстоятельствъ такъ поступать.

Пусть вы правы, что покойный Государь называлъ Дурново „свиньей“.

Но къ чему вспоминать это теперь?

Вѣдь, быть можетъ, онъ уже исправился и не будетъ больше ни красть, ни по-свински поступать съ посланниками.

Бюрократы, пролетаріи, чиновники и сановники только и дѣлаютъ теперь, что ругаютъ Правительство.

Правительство превратилось въ какую-то плеватьницю, не плюнуть въ которую считается признакомъ дурного тона.

Объ отставкѣ Витте и Дурново всѣ мечтаютъ, какъ о маннѣ небесной.

Особенно несносно себя ведутъ юмористическія изданія, которыя Дурново иначе и не изображаютъ, какъ свиньей, есломя, овсокрадомъ, лауконъ и имомъ нечистью.

Самъ Дурново выше всякихъ обидъ.

Но вѣдь у него есть родственники, даже очень много и очень хорошо посаженныхъ родственниковъ! Каково имъ слушать, какъ чешутъ министра.

Ужъ если не ради самихъ Витте и Дурново, такъ хоть ради ихъ родственниковъ пожалѣйте, граждане, свое обезчещенное Правительство.

Пустяки болтаютъ будто оно само себя не дастъ въ обиду и сумѣетъ защитить себя какими-то доселѣ неслыханными репрессивными мѣрами.

Пустяки болтаютъ будто Реакція у насъ встала на такія прочныя ноги, что ее не столкнуть.

Какая же это Реакція, коли ей въ Парижѣ не вѣрятъ ни на грошъ.

Вѣдиль Коковцевъ занимать подъ Реакцію 800.000.000 рублей. А удалось выигрантъ всего-на-всего 100.000.000 да и то подъ 5¹/₂%!

Это плохая реакція, которая котируется почти какъ рента.

А рента наша давно уже не котируется, а коотируется, т. е. ведетъ себя какъ низкопробная продажная кокотка.

Конечно, покореніе Москвы подъ ножи—крупный козырь въ рукахъ Правительства,—только стилинъ Москва можетъ считаться истинно русскимъ городомъ,—не за границей даже этого событія не учили.

И Правительство — въ безпомощномъ положеніи: каждый день Реакціи обходится ему дороже чѣмъ обходился день войны съ Японіей, а денегъ на реакцію нѣтъ.

Послѣ покоренія Москвы графъ Витте воскликнулъ:

— Еще одна такая побѣда и я пойду по міру!..

И пустилъ по міру—Коковцева.

Но этотъ номеръ не прошелъ. Міръ отказалъ русской Реакціи въ денежной поддержкѣ.

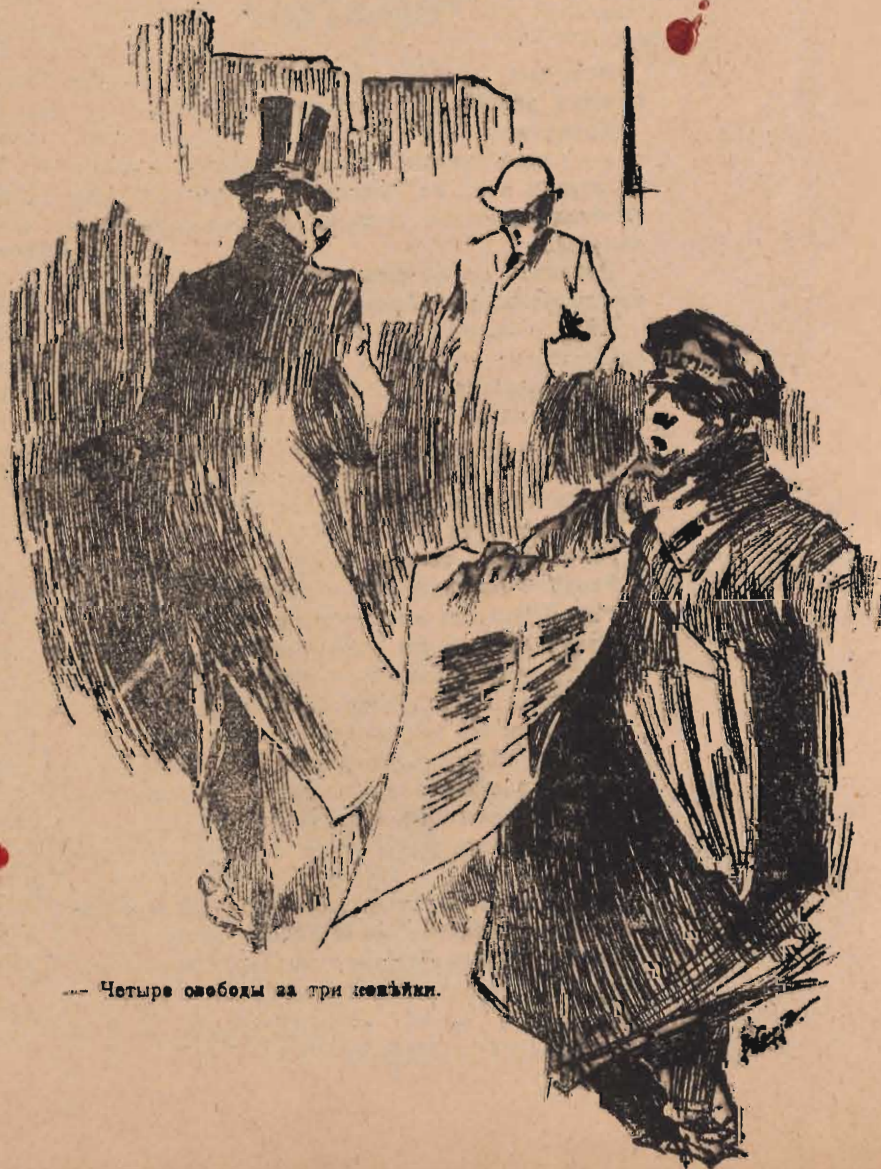
Бѣдное Правительство! Сейчасъ на волосокъ держится его любимое, любезное дѣтище и не сегодня, завтра должно совсѣмъ захирѣть,—нѣтъ денегъ!

Пожалѣйте его, граждане!

Принесите на алтарь Правительства кто что можетъ. А если ничего не можете, по крайней мѣрѣ не ругайте его.

Вспомните церковное пѣснопѣніе:

„Не ругай мене, мати, зряща во гробъ...“

— Четыре свободы за три копейки.

Граждане, помогите кто какъ можетъ и кто чѣмъ можетъ нашему хилому, блѣдному, бѣдному, безпомощному Правительству!

Пожалѣйте Его!

Вотъ Оно стоитъ передъ вами осмѣянное, обруганное, ослѣванное, лишенное дѣйствія и у насъ на родинѣ и за границей.

Вглядитесь въ Его лицо. Неужели, никогда другого чувства, кромѣ чувства презрѣнія и негодованія не вызываетъ въ васъ Его разстрѣланный, общинный видъ!

Неужели вы въ состояніи напомнимъ Ему, что сегодня 9 января, т. е. стукнулъ ровно годъ съ тѣхъ поръ, какъ Оно впервые вступило на роковую кровавую путь.

Неужели вы и сегодня крикнете Ему:

— Крокопійца!

какъ кричали 365 дней 1905 года!

Неужели у насъ и сегодня повернется языкъ глумиться надъ безпринципностью Витте, надъ вереватостью Дурново, надъ безличностью остальныхъ министровъ, какъ вы глумились въ статьяхъ, карикатурахъ, на съѣздахъ и митингахъ цѣлый 1905 годъ!

Ну, пусть вы правы. Пусть Правительство не должно было адскимъ залпомъ встрѣчать рабочихъ, шедшихъ ко дворцу съ вѣрою, надеждою и любовью подъ прикрытіемъ креста с. Гавриила.

Но вѣдь и рабочіе были не правы: они шли толпой, тогда какъ толпиться на тротуарахъ строго воспрещается.

И кромѣ того эти дѣла были тогда, когда о четырехъ свободахъ не было и помину.

Пусть вы правы относительно того, что графъ Витте мѣняетъ принципы, меняетъ перчатки, а

Бездѣльничало ли Правительство?

Всѣ, кому не лѣнь, бросаютъ Правительству пошлый упрекъ въ бездѣйствіи власти.

Кричатъ:

— У насъ анархія! Правители прячутся одинъ за другого и всѣ за Дурново!.. Цѣлый годъ они пробездѣльничали! Нечѣмъ прошлый годъ вспомнать!..

Пулеметъ не можетъ вынести этой лжи и энергичнѣйшимъ образомъ протестуетъ.

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Не смотря на свою слабость, не смотря на всеобщее несочувствіе и негодованіе за 1905 годъ наше Правительство надѣлало слишкомъ много дѣла, чтобы его можно было упрекнуть въ бездѣйствіи.

Вспомните, что мы имѣемъ къ началу 1906 года въ области внѣшней политики.

Развѣ Москва не наша?

Развѣ Кіевъ теперь не русскій?

Развѣ Финляндія не умиротворена?

Развѣ Польша не присоединена (почти)?

Развѣ Ливонія не завоевывается?

Развѣ мы далеки отъ покоренія Сибири?

Развѣ за горами покореніе Кавказа?..

Развѣ мы не заключили мира съ Японіей?..

То, что дѣлалось тысячелѣтіемъ, наше Правительство сумѣло повторить въ одинъ годъ, — и его обвиняютъ въ бездѣйствіи!

А въ области внутренней политики что мы имѣемъ.

Развѣ не всѣ почти главные города и области уже переведены на военное положеніе!..

Развѣ не всѣ четыре свободы даны намъ, церкви и отечеству на пользу!..

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА

Развѣ вся внутренняя политика прошлаго года не вылилась въ возгласъ газетчика 18 октября на Невскомъ проспектѣ:

— Четыре свободы за три копейки! Четыре свободы за три копейки!..

За три (3) копейки! — вѣдь это почти рамау!..

И нашлись недовольные:

— Это что за свободы — безъ начинки вовсе!

Зазнались, господа!

Вы хотите, чтобы за три копейки вамъ было съ бархатомъ.

Нашлись недовольные и военнымъ положеніемъ.

Неужели стрюцкое положеніе лучше.

Вотъ меня приговорили на годъ въ крѣпость.

Такъ неужели я не долженъ всей душой благодарить палату, что она, снисходя къ моему дворянскому званію, объявила меня на военномъ положеніи!

Неужели стрюцкая тюрьма — лучше!

Нѣтъ, крѣпость — это почетная тюрьма.

И военное положеніе — это почетное положеніе.

Объявляя городъ на военномъ положеніи, Правительство тѣмъ самымъ подчеркиваетъ, что признаетъ дворянское стародавнее происхожденіе за даннымъ городомъ.

Обыватели должны гордиться, что къ нимъ приставленъ почетный караулъ изъ казаковъ.

А для Правительства нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ введеніе военного положенія.

Если бы было въ его власти оно и самый Рай объявило бы на военномъ положеніи, хотя тамъ патрулямъ и пришлось бы щеголять безъ одежды.

Но Рай, какъ извѣстно, — на положеніи усиленной охраны.

Четыре свободы и тридцать четыре военныхъ положенія! — и являются люди, которые обвиняютъ Правительство въ бездѣйствіи.

Ей-Богу, на-дняхъ я слышалъ такое сравненіе:

Нева отдѣляетъ сейчасъ двухъ великихъ забастовщиковъ.

На одномъ берегу въ Шлиссельбургской крѣпости — душа всероссійской забастовки, Хрусталева.

На другомъ берегу во дворцѣ — душа правительственной забастовки, графъ Витте.

Будто бы самъ графъ выразился, что Правительство бастуетъ и намѣрено бастовать до Государственной Думы.

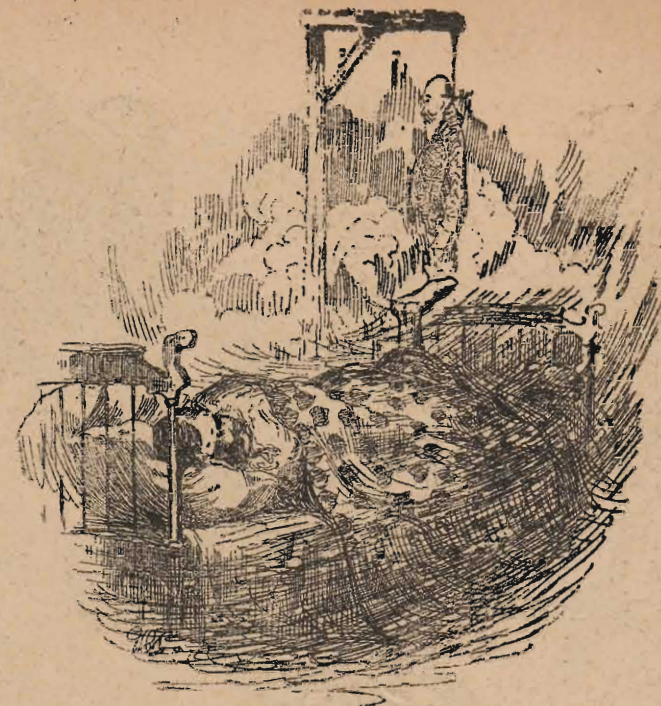
Нѣтъ, графъ, вы клеветаете на себя!

Пулеметъ идетъ на защиту васъ отъ вашихъ собственныхъ словъ.

Вы не бездѣйствовали. Вы съ Дурново можете спать спокойно.

Впрочемъ, можетъ быть потому-то вы и не можете спать спокойно, что вы не бездѣйствовали.

Да здравствуетъ Правительство!

Говоря объ итогахъ 1905 года я чуть-чуть не позабылъ о главныхъ трофеяхъ, которыми гордится графъ Витте:

— Я искалъ въ обществѣ довѣрія, а нашелъ динамитъ. Въ Москвѣ разстрѣляли поѣздъ динамитчикъ, везшій ровно столько адскаго зелья, чтобы разрушить до основанія всю Москву. Въ Петербургѣ — запротоколено столько динамита, сколько достаточно для того, чтобы взорвать всю Сѣверную Пальмиру. Вообще во всей Россіи отобрана у динамитчиковъ такая масса динамита, что я не знаю куда его дѣвать и что съ нимъ дѣлать.

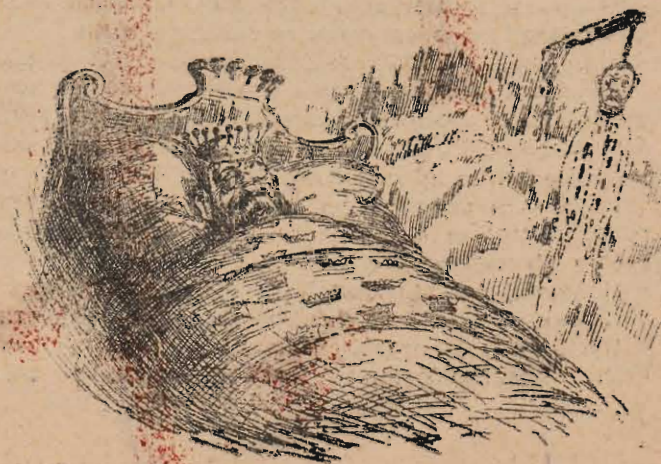
Развѣ не величественную фигуру представляетъ изъ себя старецъ Витте, опирающійся на цѣлую гору динамита!

Динамитъ — душа революціи, душа анархій, душа террора!

Ну, развѣ мыслимо представить болѣе содержательную картину, чѣмъ статуя премьеръ-министра, воздвигнутая на пьедесталѣ изъ динамита.

Правительство, попирающее душу анархій.

Благодарное потомство обязано водрузить Витте такой памятникъ.

Совѣты Пулемета.

Съ сегодняшняго номера Пулеметъ рѣшилъ отдавать всѣ свои силы на служеніе Правительству.

Правительство относится слишкомъ внимательно и предупредительно къ Пулемету.

Пока номеръ печатается, Правительство (Полиція) разъ десять заглянетъ въ типографію.

На-дняхъ мнѣ нужно было переслать пріятелю моему Л. М. Клячко, живущему на той же улицѣ, гдѣ и я, четыре тысячи Пулеметовъ.

Не смотря на то, что Пулеметы были затюкованы и вовсе не имѣли подозрительнаго вида, Правительство въ лицѣ околоточнаго и понятыхъ, нагрянуло къ г-жѣ Клячко ровно черезъ 10 минутъ послѣ доставки груза.

— Потрудитесь раскрыть этотъ тюкъ. Тутъ Пулеметъ.

— А можетъ быть и не Пулеметъ.

— Я знаю,—отвѣтили,—что Пулеметъ. Потрудитесь раскупорить. Иначе мы сами произведемъ обыскъ.

Раскупорили. Понюхали—Пулеметъ. И прочь пошли.

Если Правительство за каждой тысячью моего Пулемета слѣдитъ такъ дѣятельно и энергично, значить оно интересуется имъ, значить оно считается съ его мнѣніемъ. Дрожить имъ.

А если такъ, значить долгъ Пулемета дѣлится своими мнѣніями, совѣтами, изобрѣтеніями, идеями и пр. и пр. съ Правительствомъ.

Отнынѣ Правительство и Пулеметъ мы пойдемъ въ ногу.

Отнынѣ же Пулеметъ заводитъ отдѣлъ „Совѣты Правительству“.

I. Что дѣлать съ арестованнымъ динамитомъ?

Мнѣ передавали, что графъ Витте какъ финансистъ думаетъ провести внѣшній заемъ подѣ залежи динамита, открытыя имъ. Говорятъ, что Коковцевъ ѣздилъ въ Парижъ съ образцами динамитной руды въ карманѣ.

Другіе увѣряли, что графъ намѣренъ заняться экспортомъ динамита, какъ новой отрасли отечественной промышленности.

Наконецъ третьи думаютъ, что теперь, когда въ Россіи гораздо больше и на большую сумму динамита, чѣмъ золота (динамитъ приливаетъ, а золото отливаетъ за границу), графъ мечтаетъ о введеніи взаменъ золотой валюты—динамитной валюты и уже имѣлъ по этому поводу совѣщаніе съ Треповымъ, Дубасовымъ и Дурново.

Динамитная валюта—это звучитъ гордо!

Но не представитъ ли это опасность, что въ одинъ прекрасный день вслѣдствіе нечаянно брошеннаго близъ государственнаго казначейства окурка вся наша валюта взорвется на воздухъ.

Золотая валюта тоже готова взорваться на воздухъ.

Но золото воспламеняется не такъ быстро, какъ динамитъ.

Вотъ почему Пулеметъ высказывается противъ финансовыхъ операций съ динамитомъ.

Если на кредиткѣ будетъ напечатано:

I. Размѣнъ государственнаго кредитнаго билета на па-
троны обезпечивается нѣмъ достоинствомъ Государства.

II. Государственные кредитные билеты имѣютъ хожденіе по
всей Имперіи наравнѣ съ динамитомъ...

Это не слѣдуетъ бумажный рубль любезнѣ сердцу
обывателя и не подниметъ курса за границей.

Я совѣтую Правительству распорядиться динамитомъ
иначе,—съ назидательной цѣлью.

У меня два проекта.

1) Назиданіе потомству—воздвигнуть, какъ я выше
сказалъ, памятникъ изъ динамита графу Витте съ над-
писями:

„Симъ побѣдиши“.

„Останапливаться воспрещается“.

„Просить не курить“.

и усиленнымъ нарядомъ пожарныхъ съ кишками на-
готовѣ.

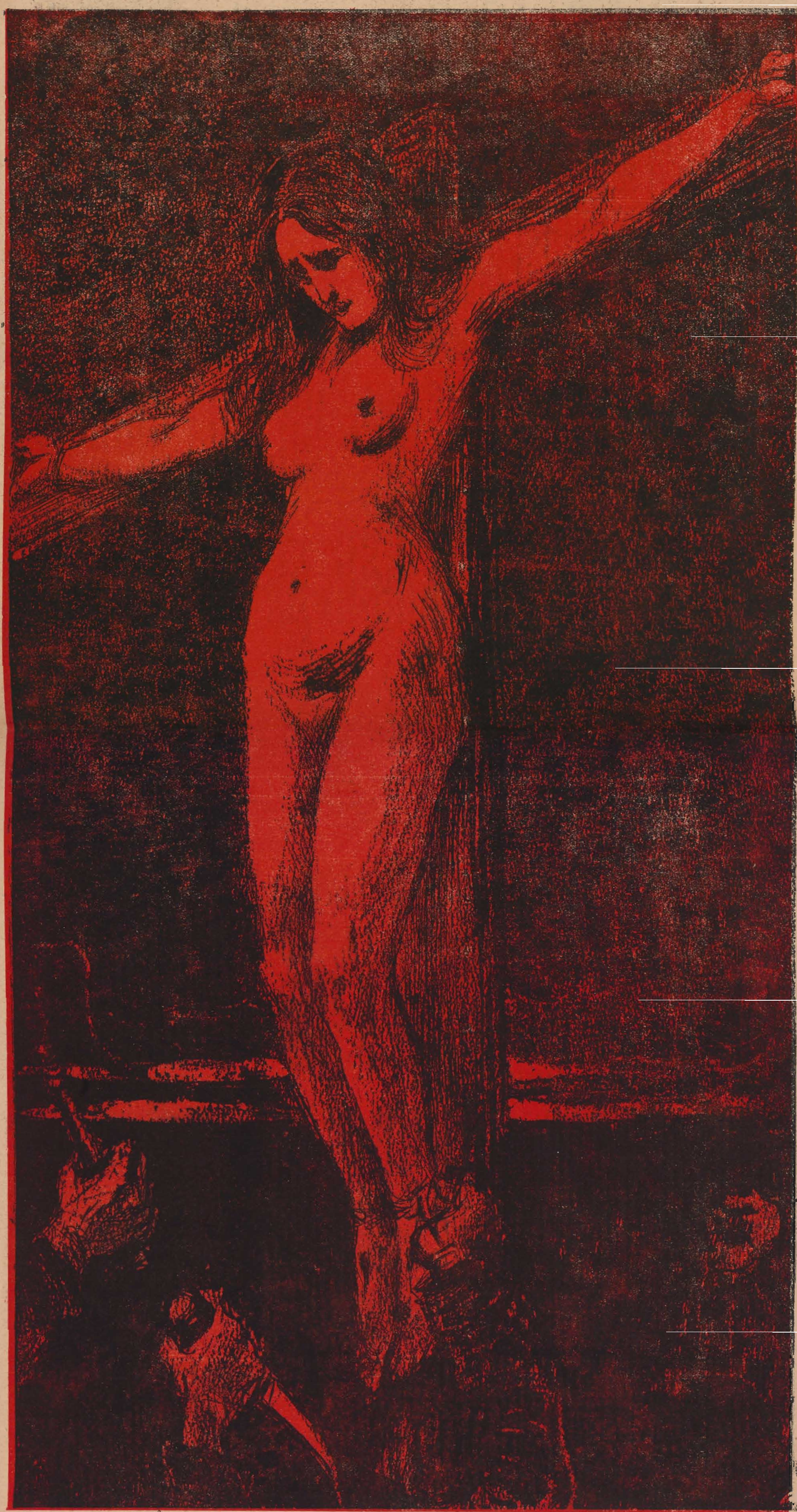
2) Назиданіе современникамъ—свезши весь динамитъ
на Марсово поле, свалить въ одну громадную гору и
всенародно (въ первые ряды доступъ по билетамъ, въ
последніе—бесплатный) сжечь оный преступный дина-
митъ на медленномъ, но вѣрномъ (Правительству) огнѣ.
Такое авто-ла-фе воочью убѣдитъ народъ русскій,
какіе неизгладимые матеріальные уроны понесла Рус-
ская Революція. Уже сама фееричность процедуры сжи-
ганія должна произвести на присутствующихъ потря-
сающее впечатлѣніе и поднять авторитетъ власти на
должную высоту.

II. Какъ разоружить населеніе?

Принимая во вниманіе, что частичными или даже
поголовными обысками и конфискаціей револьверовъ не
достигается цѣль совершеннаго разоруженія населенія,
ибо на мѣсто конфискованнаго обыскомъ немедленно
покупали новый еще болѣе дальнобойный типъ оружія,
признаю необходимымъ издать слѣдующія временныя
правила о неимѣніи при себѣ денегъ:

I. Строжайше воспрещается обывателямъ ношеніе
при себѣ и храненіе въ квартирѣ денегъ и цѣнныхъ
вещей на сумму свыше 3 рублей единовременно.

Ее на высокомъ крестѣ распяли.

2. Все деньги и ценные вещи немедленно должны быть сданы под роспись в Государственное Казначейство.

3. Обывателям предоставляется право ходатайствовать в установленном порядке о ежедневной получке из сих внесенных в Казначейство сумм известной, строго определенной части, потребной для удовлетворения суточных неотложных расходов.

4. Для получения сих суточных сумм требуется представление в Казначейство удостоверения личности, свидетельство об оспопрививании и политической благонадежности, сметы предполагаемых суточных расходов с точным поименованием предметов пищевого и вещевого довольствия, в коих настоять неотложная необходимость.

5. Виновные в расходовании отпускаемых из Казначейства суточных сумм не на те предметы, кои точно поименованы в сметах, привлекаются к уголовной ответственности.

6. В случае покупки на сии суточные средства револьверов, ружей, пушек, пулеметов и иного рода оружия виновные, кроме уголовной ответственности, подвергаются и конфискации всех денег и ценных вещей, лежащих на их имя в Государственном Казначействе.

7. По желанию суточные деньги могут ежедневно доставляться артельщиками Казначейства на дом.

Только тогда и получится полное разоружение обывателей, когда будут лишены всякой возможности приобретать оружие, т. е. когда будет удален корень всякого приобретения — деньги.

Проектируемые мной временные правила кроме стратегического имеют еще и громадное финансовое значение.

Они привлекут к государственному Казначейству небывалое количество золота и дадут возможность Правительству обойтись вовсе без внешнего займа.

Лица, кои сомневаются в практической осуществимости моего проекта, отсылаю в баню.

Великие идеи часто приходят в бане: Архимед в бане открыл закон о всемирном тяготении, который, к слову сказать, сначала был назван „Временными правилами о всемирном тяготении“.

Меня на мои временные правила натолкнуло объявление, висящее на стенке при входе в баню:

„Деньги и ценные вещи сдавать кассиру“.

Раз в банях временные правила о неимении при себе денег нашли практическое осуществление, почему они не могут найти его и в государстве.

III. Чем помочь сыску?

Следует немедленно во всех отделениях и выделенных охранного отделения, сыскальной полиции, корпуса жандармов и полицейских участках ввести курсы бритологии. Бритология это наука, имеющая целью без промаха распознавать политически неблагонадежных лиц даже в том случае, когда ими приняты все меры до бритья включительно. Сбывание усов и бороды коренным образом изменяет инкриминируемое лицо. Вследствие этого возможны — и нередко — случаи, как имевший дело на днях.

Полицей был задержан артист Лиди Борисовны Яворской г. Лерский по подозрению в том, что он — Милюков. У г. Лерского лицо бритое. Милюков же усат и болат. Но полиция, не имея под ногами прочной бритологической подготовки, предположила, что Милюков — это лицо, если его побрить, должно сделаться именно таким, как у Лерского.

Тщетно Лерский опирался на паспорт, чтобы доказать, что он не Милюков. Полиция не верила даже паспорту, находя и его бритым.

— Чем же еще я могу вам доказать, что я не Милюков? Единственное преступление, которое я за собой сознаю — это участие в „Еврейке“, где произвожу погром, и в „Попуга“, где пою марсельезу...

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

— Мы вас продержим до тех пор, пока у вас не вырастет борода и усы. Тогда только, убедившись, что они не похожи на Милюковы усы и бородку, отпустим с миром.

Чтобы впредь не повторялось таких прискорбных случаев, когда в заточении томятся Лерские, а в это время преступные Милюковы преспокойно расхаживают по городу, пользуясь всеми четырьмя свободами, я предлагаю во всех участках вывесить наглядные бритологические таблицы.

Пусть городовые, дворники и сыщики изучают внимательно как изменяется преступное лицо по удалении с него политически неблагонадежных усов и бороды.

Бритология же указывает и как изменяется преступный субъект, который досель ходил бритым, но с целью сокрытия личности отпустил себе бороду и усы.

Но еще больше чем за введение бритологии я высказываюсь за немедленное повторение закона Петра Великого.

„Всякий обыватель да брит“.

Правительство должно немедленно запретить всем русским вѣроподданным и тем иностранцам, кои живут на территории покоренных и присоединенных русских земель, ношение бороды и усов, как предметов, способствующих сокрытию личности и затрудняющих сыск.

IV. Где найти денег для спасения отечества?

Неудача Коковцева во Франции не должна обезкураживать Правительство.

Если бы Витте своевременно посоветовался со мной, не получился бы этот всемирный конфуз.

Я сказал бы:

— Отнюдь не посылайте Коковцева ни в Англию, ни в Германию, ни в Сербию, ни во Францию.

— Как! Но ведь Франция нам близка!

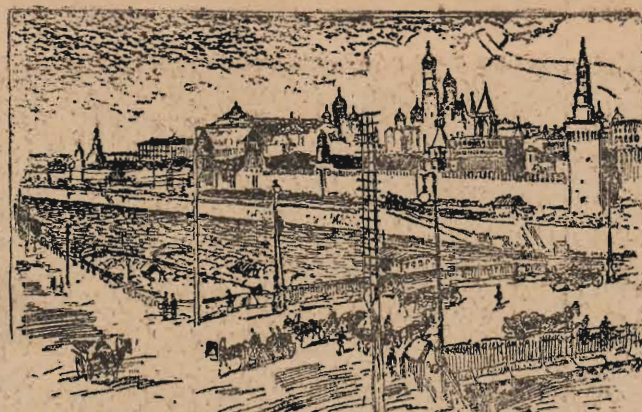
— Именно потому-то и не посылайте Коковцева в эти страны, потому что — близки к нам. Там нас близко знают и денег не дадут.

Мой совет немедленно увеличить Коковцеву суточные и прогонять и командировать в одну из самых отдаленных от России стран, в кои вост о о современном положении вещей в нашем отечестве еще не достигла.

Например к людоедам.

Если ты знаешь, что там, где тебя знают, тебе не дадут, — иди туда, где тебя не знают.

Пусть граф Витте поймет, что для блага отечества не следует гнушаться даже людоедами. Не гнушается же он казаками.

Поезд-злоумышленник.

Святочный рассказ графа С. Ю. Витте.

Было это дело в субботу.
Начали мы с Милюков работу...
Лерский.

...по направлению к Николаевскому вокзалу шел пушенный полным ходом поезд с двумя вагонами динамита, который при взрыве должен был уничтожить по крайней мере поль-Москвы. Мы об этом узнали своевременно и параллельно с этим поездом пустили воинский поезд, из которого солдаты разстреливали на протяжении нескольких верст преступный локомотив, чтобы его остановить.

Команда, отправлявшаяся на этом поезде, шла положительно на верную смерть.

К счастью, локомотив удалось разстрелять, но одна из искр его не попала в вагон с динамитом и поезд встал не доходя Москвы. Локомотив обезоружили, и предали военно-полевому суду и приговорили к смертной казни, через повешение. Динамит же конфисковали.

(Из беседы гр. Витте с председателем центрального комитета партии 17 октября бароном И. Л. Корфом 26 декабря 1905 года).

РАНЬШЕ ЛУЧШЕ.

Брань на вас несется градом:
Вас ругать считают спортом,
Вас крестят то овсюком,
То свиньей, ослом или чортом...
Вы едва моргнете глазом,
А на вас карикатуры
В двадцати журналах разом...
Вот что значит нет цензуры!...
Нет, ей-Богу, раньше жили
Втрое лучше, если вникнуть...
Об овсе бы запретили
Циркуляры даже пикнуть,
Не трещали бы, как шарманна,
О „поступке некультурном“...
Даже слово бы „овсянка“
Почиталось нецензурным!..

Изобрѣтенія Пулемета.

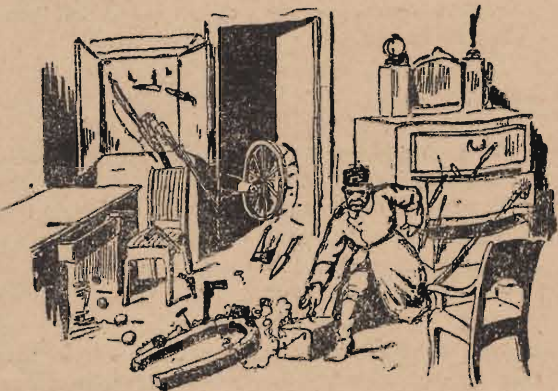
Идя на встрѣчу потребности Правительства въ усовершенствованіи способовъ обыска Пулеметъ предлагаетъ свои послѣднія изобрѣтенія.

I. Автоматическій разоружигель.

Этотъ аппаратъ представляетъ изъ себя особымъ образомъ приспособленный къ обнаруженію стальныхъ предметовъ чрезвычайно сильный электромагнитъ. Городовой входитъ въ любую квартиру, нажимаетъ кнопку и всѣ револьверы, кинжалы, ножи и т. п. политически неблагонадежныя стальные вещи моментально притягиваются къ аппарату.

Сила притяженія такъ велика, что преодолеваетъ вѣдшія сопротивленія вродѣ замковъ, ящиковъ и т. п. Какъ бы глубоко и тщательно не былъ спрятанъ револьверъ, онъ все равно найдетъ себѣ дорогу къ аппарату, при чемъ какъ по щучьему велѣнію раскрываются ящики, футляры, ломаются замки, раздвигаются вещи, стоящія инкриминируемому оружію по дорогѣ.

II. Патентованный платьесниматель.

Этотъ аппаратъ посредствомъ системы шнурковъ и пружинокъ, будучи пристегнутъ къ любому костюму, даетъ возможность сдернуть его моментально, чѣмъ въ зна-

чительной степени облегчается и ускоряется производство обысковъ на улицѣ.

III. Висѣлица „Пулеметъ“.

Признавая всю основательность жалобы политическихъ преступниковъ:

— Въ Россіи даже повѣсить какъ слѣдуетъ не умѣютъ!

И считая обыкновенную висѣлицу ординарку (эгоистку) аппаратомъ непрактичнымъ, неэстетичнымъ, Пулеметъ рекомендуетъ Правительству усовершенствованную висѣлицу — „Пулеметъ“.

Мнѣ удалось примѣнить идею десятичныхъ вѣсовъ къ устройству десятичной висѣлицы, преимущества которой надъ висѣлицей эгоисткой видны изъ прилагаемаго рисунка.

Обращаемъ особое вниманіе Правительства на чистоту и легкость работы десятичной висѣлицы „Пулеметъ“. Одинъ рабочій въ сутки на висѣлицѣ стараго типа съ трудомъ можетъ повѣсить 23—24 политическихъ преступника.

На десятичной же висѣлицѣ за сутки отработывается отъ 300 до тысячи труповъ.

При этомъ повѣшенные на висѣлицѣ „Пулеметъ“ лица въ большинствѣ случаевъ сохраняютъ на лицѣ предсмертную улыбку, тогда какъ висѣлица-эгоистка безобразитъ лицо гримасой.

Деньги.

„Что такое время?“ я спросилъ у братій...
Л. Мей.

„Что такое деньги?“ я спросилъ у братій,
Но сквозь плачъ и скрежетъ, но сквозь стонъ проклятій,
Но сквозь смѣхъ и пѣсни, но сквозь звонъ оковъ
Услыхалъ я много непонятныхъ словъ:
„Деньги—это пѣсни, говорятъ поэты:
„Звучныя кантаты, стройные сонеты...“
„Деньги“, говорятъ пророки „—кумиръ,
„Предъ которымъ клонить голову весь міръ...“
„Деньги“, говорятъ философы: „—та сила,
„Что не мало горя людямъ приносила...“
„Деньги“, говорятъ артисты: „—гонораръ
„За высокихъ нашихъ вдохновеній жаръ...“
„Деньги“, молодежь мнѣ отвѣчаетъ хоромъ:
„Видны лишь на мигъ, подобно метеорамъ...
„Намъ давно ужъ всѣмъ вошло и въ плоть и въ кровь.
„Деньги—это счастье, слава и любовь!...“
Наконецъ, меня наивнымъ назовите,
Я съ вопросомъ тѣмъ же обратился къ Витте:
„Что такое деньги?“ Ну, а графъ въ отвѣтъ:
„Деньги—то, чего у насъ въ Россіи нѣтъ...“

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА

Eiat policia,—pereat mundus!

ТОСТЪ.

Господа! Въ Татьянинъ день
Тостъ за русскую науку!..
Пейте въ, кому не лѣнь!—
Подставляй съ станомъ
руку!..
Пиво, водку и вино
Что жъ ты пьешь, сопога,
скупо?
Разсуждать сегодня глупо,
А безумствовать—умно...
Почему ты хмуришь такъ,
братъ,
Иль кипитъ обиды кратеръ,
Что почетный взводъ сол-
датъ
Окружаетъ Alma Mater!..
Сиди пей станомъ до дна,
Не скрипи ты, какъ телѣга...
Иль забылъ, что намъ, collega,
Автономія дана!..

РАЗОРУЖЕНІЕ.

На улицѣ.

Въ магазинѣ.

Дома.

На кухнѣ.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Вступивъ на новую стезю—
братской помощи Правительству,
Пулеметъ съ особымъ удоволь-
ствиемъ перепечатываетъ изъ
„Молвы“ мою статью о полиціи.

Съ чувствомъ глубочайшаго удовле-
творенія прочелъ я о приказѣ градоначальника, относительно мѣръ къ обезоруженію Петербурга.

Чинамъ полиціи приказано:

— Ищите и обрящите!

При чемъ, если они будутъ только
искать и при этомъ ничего не обря-
тутъ—будутъ увольняться, если же бу-
дутъ искать и обрянутъ—будутъ по-
лучать: за бомбу 3 руб., за револьверъ
1 рубль, за ножи, вилки и другое оружіе
по 50 коп. награды. Сколько будутъ
получать за пулеметы и мортиры—не сказано. Тоже вѣ-
роятно по такѣ, которую вырабатываетъ какая-нибудь
коммиссія.

Всѣ чины полиціи, не исключая дворниковъ и швей-
царей, обязаны обыскивать всѣхъ вообще подозритель-
ныхъ лицъ, не стѣсняясь ихъ положеніемъ.

Кромѣ уличныхъ обысковъ будутъ производиться
обыски по квартирамъ.

Какъ не порадоваться за полицію, которая къ празд-
никамъ получила такой прекрасный подарокъ. Какъ не
порадоваться за полицію, которую за послѣднее время
не ругали и ни лягали только лѣнныи.

Даже покойный „Гражданинъ“ и тотъ помѣстилъ по
адресу полиціи громкую статью, гдѣ доказывалъ, что
„наша полиція безнравственна и безграмотна, и не мо-
жетъ не быть безнравственной и безграмотной“.

Взять, напримеръ, современное положеніе уѣздной
полиціи,—оно „долше терпимо быть не можетъ, одно
изъ двухъ: или ее надо упразднить, или возвести на
должную высоту, такъ какъ нѣтъ ничего, и не можетъ
быть ничего безнравственнѣе для государства, какъ
имѣть безнравственную полицію, искусственно создавая
ее такою уплатою нищенскаго содержанія, но давая въ
то же время вѣрную власть и ставя ее же цензоромъ
общественной нравственности...“

Князь Мещерскій видитъ причину безнравственности
полиціи исключительно въ экономическихъ условіяхъ.

Еще бы! Исправникъ получаетъ въ годъ 1,470 ру-
блей, тутъ и на папиросы, тутъ и на все. Помощникъ
исправника 980 рублей. Секретарь управленія 490 ру-
блей. Два столоначальника по 295 руб. Становые при-
става по 578 рублей. Полицейскіе надзиратели по 392 р.

„Спрашивается, не разчитаны ли такіе трагикомиче-
скіе оклады въ предположеніи на возможность за-
нятія „частной практикой“, какъ для докторовъ. Не
безнравственны ли такіе оклады, поневоли наталкиваю-
щіе на такую „частную практику“?“

Изъ мертвыхъ цифръ князь выводитъ живыхъ выводы:
„Рѣдко кто найдется изъ развитыхъ людей, кто бы
согласился принять такую должность, развѣ человѣкъ съ
хорошими собственными средствами, или очень молодой
или небрегающий и побочными доходами“.

Но человѣкъ съ хорошими средствами врядъ ли пойдеть
въ полицію, потому что—„будъ онъ скромнѣйшій и
честнѣйшій человѣкъ, все тѣмъ не менѣе всегда по-
дозрѣваютъ въ доходахъ далеко небезгрѣшныхъ“.—раз-
суждаетъ „Гражданинъ“.

Человѣка же „очень молодого“ не возьмутъ, потому
что онъ можетъ натворить такихъ дѣловъ по молодости
своей, что ихъ потомъ до старости не расхлебашь.
А потому въ нашу полицію идутъ... „искрающе изъ
категоріи небрегающихъ“.

Такая аттестация, выданная полиціи самимъ шефомъ
полиціи княземъ Мещерскимъ, должна была ее очень
сильно уличить и опечалить.

Аттестации же прочіихъ, не стоявъ солидныхъ и не-
чтенныхъ газетъ, какъ „Гражданинъ“, были и еще того
непріятнѣе.

Само собою понятно, какъ тяжело было на душѣ у
полиціи, видя, что не только либералы, но и такой кон-
серваторъ, какъ князь Мещерскій, честятъ ее не по-
тому.

Необидчивая штука—полицейскій чиновникъ, а и
онъ обидѣлся. Не больше всего обижала чинивъ полиція
боязнъ, какъ бы подъ лучемъ разоблаченій не растаяли
безгрѣшные и побочные доходы. Многие уже начали объ
отставкѣ подумывать, не видя впереди никакого про-
свѣта и замѣчая, напротивъ, какую-то власть въ вы-
сказываніи обывателями обычныхъ обреченныхъ статей.

Рука дающая оскудѣла.

И рука берущаго тоже, слѣдовательно, оскудѣла.
Плохо пришлось. Не вѣтъ на фонѣ этого мрачнаго
оскудѣнія появившійся приказъ градоначальника, дающій
возможность обшаривать карманы и дома обывателей.

— Какой простеръ!—воскликнула полиція.

Эта превосходная по основной идее статья
была испорчена мной такимъ неожиданнымъ и
неприличнымъ концомъ:

— Какой позоръ!—воскликнетъ общественное мнѣніе.
Обыватель взрѣется со всѣми потреками, со всѣми
своими домашними скарбамъ „нашей полиціи, безнрав-
ственной и безграмотной“, которая „и не можетъ не
быть безнравственной и безграмотной“.

Безнравственный и безграмотный полицейскій будетъ
рѣшать подозрительное ли у васъ лицо, и если рѣ-
шитъ, что подозрительное, полѣзетъ къ вамъ въ кар-
манъ (если вы передъ тѣмъ сами не полѣзете къ себѣ
въ кошелекъ, чтобы откупиться).

Безнравственный и безграмотный полицейскій вер-
нется въ вашъ домъ, въ любое время дня и ночи, чтобы
нажить на вашемъ устричномъ ножи цѣлковый—(или
нѣсколько цѣлковыхъ, если вы не захотите, чтобы былъ
протоколъ составленъ, и пожелаете откупиться).

Всѣ Петербургъ будетъ сланъ на откупъ полиціи.
Всѣ станутъ откупаться.

И это называется мѣрою къ разоруженію населенія.

Нѣтъ, это мѣры къ самому серьезному вооруженію
населенія. Населеніе вооружится острою немашинью,
гнѣвомъ, осидою къ петербургской администраціи, кото-
рой лапзы Дубасова не дадутъ помыслить...

Приношу свое искреннее раскаяніе по по-
воду появленія подобныхъ строкъ въ печати
за моей подписью.

Теперь бы я ни за что не написалъ ихъ,
потому что рѣшилъ идти на помощь Прави-
тельству.

А Полиція—это то же Правительство—это
та же Полиція.

Теперь я отвѣтилъ бы князю Мещерскому
и инымъ хулителямъ Полиціи, недовольнымъ
расширеніемъ скалотацныхъ правъ:

— Ну, хорошо, пусть вы правы, что наша
Полиція живетъ взятками и обыски сдѣлають
взятки еще болѣе продуктивными. Но вы за-
бываете основное прекрасное качество нашей
полиціи, которая позволяетъ обывателямъ не
беспокоиться за свою участь:

У Полиціи—душа мѣру знаетъ.

— А ты малость полегче три... Этакъ всю кожу сдерешь... Мнѣ больно...

У баррикады.—Конецъ.

Пулеметь объявляетъ конкурсъ на сочиненіе въ прозу марсельезы русскаго гимна. Первая премія—100 р., вторая—50, третья—25. Требуется, чтобы сочиненіе было написано и à capella и для рояли. Срокъ подачи сочиненій 1 февраля.

Жюри будетъ состоять изъ А. И. Зилоти, А. К. Глазунова, А. К. Лядова, Н. А. Римскаго-Корсакова и Н. Г. Шебуева.

Высылаются наложеннымъ платежемъ слѣдующія книги Н. Шебуева: 1) Негативы изъ „Руси“; 2) „Безъ предварительной цензуры“,—35 юмористическихъ разсказовъ (изданіе второе съ иллюстраціями И. М. Грабовскаго), 3) Жизнь въ присядку—альманахъ; 4) „Кронштадтскія письма“; 5) „Японскіе вечера“; 6) Негативы изъ „Русскаго Слова“. Цѣна каждой книги 1 рубль.—Адресъ: Ковенскій, 14, Пулеметь.